

SLOVNICA RUSKA

ZA

SLOVENCE.

SPISAL

MATIJA MAJAR.

J. Urban

TISKANA NA DUNAJU PRI OO. MEHITARISTIH,
1867.

ZALOŽIL G. BLAŽ, TRGOVEC V REKI (FIUME).

Beseda o knjigi.

Pismo spisovatelju.

Dragi prijatelj!

Vélika ali mednárodna trgovina zahteva znanja raznih jezikov. Poglavitni jeziki za tako kupčijo so dozdej bili: italijanski, francozki, angleški, španski in nemški.

Jezika pa, ki vlada nad polovico Evrope in ravno toliko Azije — jezika ruskega se je dozdej v zapadnej Evropi malo učil.

Kaj je temu krivo? Ali je mar trgovina ruska tako mala, da jezika ruskega ni treba bilo trgovstvu zapadnemu? ali je mar ruski jezik tako okoren?

Ne to, ne uno. Vzroki so čisto drugačni. Dali bi se razdeliti v štiri poglavitne vrste.

V prvo vrsto stavljam to, da je Rusija, zemlja neizmérna bila do novejše dóbe skorej brez železnic; komunikacija z njo po suhem bila je tedaj sila težavna. Blago, ki se je v Rusijo po suhem pošiljalo ali iz Rusije dobivalo, na dolgej in težavnej pôti prišlo je v več rok. Treba je bilo posredovanja. Blago namenjeno iz Rusije ali v Rusijo po suhem, moralo je iti čez nekdanjo poljsko zemljo. Naravno je tedaj, da je trgovstvo teh krajev polastilo se te trgovine — slasti srednje Evrope z Rusijo.

Kjerkoli pa je vladalo nekdej poljsko žezlo, vlada danes v trgovini še židovstvo. Poljsko židovstvo pa služi se povsod z nemškim jezikom; in tako trgovcem zapadne Ev-

rope, ki so za njihovo trgovino z Rusijo te posrednike rabili, ni bilo treba jezika ruskega.

Toda židovstvo poljsko ni samo nepotreben delalo jezik ruski za to trgovino, temuč je zraven slabih komunikacij tudi naj bolj krivo bilo, da je ta trgovina vedno le borna ostala.

Židovstvo sploh trgovine ne pospešuje. Ono preveč gré za hitrim dobičkom: ono hoče od njive vés plod naenkrat, ne gledé na to, ali bode zanaprej še kaj ploda dala ali ne. Trgovina v rokah židovstva zgubi tisto podlago, ki je za véliko ali mednárodno kupčijo neobhodno potrebna. Neprecenljive so zgube, ki so zadevale našo trgovino z Rusijo s posredstvom poljskega židovstva. Koliko truda naših obrtnikov so požrli Brodi, ki se naj bolj s tem posredstvom pečajo in kjer stanujejo veči del samo Judje.

Vzrok druge vrste, da evropsko tržstvo za trževanje z Rusijo ni rabilo jezika ruskega — bile so dozdanje slabe burokratične sodnije na Ruskem.

Oni zapadni trgovci, ki so hotli na vsaki način neposredno kupčevati z Rusijo, pošiljali so na Rusko ljudi iz svojih krajev; ti pa so potem ostali na Ruskem in to kupčijo obdržali v svojih rokah; kajti bali so se zapadni trgovci, da ne bi pri slabih ruskih sodnijah pravice našli, ako bi jim je po tem potu iskati treba bilo, kar se včasih nikakor ne da odvrniti.

Ljudje tukaj omenjeni, od zapadnega tržtva na Rusko pošiljani, imenujejo se po Evropi ruski komisijonarji, — so pa sploh tako malo pošteni, da je njihova nepoštenost prišla v pregovor. Reči se more o njih, da so — lek huji od bolezní same. Ti ljudje niso sámó nepotreben delali jezik ruski tistim, ki so jih na Rusko pošiljali, marveč so énako Judom še pripomogli, da se je kupčija z Rusijo marsikomu pristudila.

Za tretji vzrok pa štejem to, da je naj krepkejši živelj političnega življenja in socialnega gibanja na Ruskem, tisti živelj, ki je edini sposoben, Rusijo na ono stopnjo povzdigniti, ktero jej je velikanski njen poklic namenil, tisto pleme, ki kar se eneržije in števila tiče, nad vsemi drugimi slavjanskimi plemeni stoji in ki v trgovini in obrtniji z odličnim uspehom Angličanu in Nemcu, Italjanu in Francozu, Grku in Židu, Armencu in Kitajcu (Kinezu) konkurencijo dela, — da

je velikorusko pleme ¹⁾ do naj novejših časov verige nar hujšega robstva nosilo — verige, katerih so se le tù in tam po okoljščinah posamezni ljudje otresti zamogli.

To robstvo (Leibeigenschaft), nasledek nekdanjega tartarskega gospodarstva in pa slepega posnemanja fevdalne Evrope od časov Petra velikega je vsaki napredek oviralo. Dokler ono ni bilo odpravljeno, so imeli plemiči tako pravico nad svojimi kmeti, da se ti brez dovoljenja njihovega nikamor niso smeli podati, da si s kupčijo in obrtnijo opomorejo. In ako se je posameznim tudi dovolilo, se je zgodilo le zato, da so plemiči veči dobiček od truda in spretnosti svojih podložnih imeli. Kdor je hotel tako dovoljenje od gospoda dobiti, moral je obljubiti, da bo en del zaslužka — se ve da dober del — njemu odrajtal. Ta plača tedaj ni bila za vsacega enaka. Gospod je zahteval, kolikor je hotel, in bolj ko je priden in umeten podložen bil, več plačila se je od njega tirjalo: bilo je kmetov, ki so si pridobili veliko premoženje, nekteri so postali milijonarji, taki so morali dajati gospodi ne le nekoliko sto rubljev, ampak toliko kolikor je hotela in za svoje zapravljanje potrebovala. To se je imenovalo obrok ki se je moralo ponoviti vsako leto. Ako se to ni zgodilo, ali pa če se ni mogel zastran plače pogoditi je moral podložen spet domu iti in vse delati, kar mu je gospod ukazal. Kako hudo je to za nektere bilo, se da presoditi iz tega, da je dosti takih robov fabrikantov in trgovcev postalo, in vendar se jim je bilo bati, da bi se pri vsem tem, da so neizmerne plače na leto odrajtovali, gospodom ne zamerili in primorani ne bili, vse popustiti in v selu gospodovem dela navadnega delavca opravljati. Res je, da se je sčasom dosti takih obrtnikov in trgovcev za drage denarje odkupilo. Ali nekteri bogati plemiči za nobene denarje oproščanja niso dali, da se jim ta poglavitni in neusahljivi vir njihovih denarnic ne pusuši. Ponašali so se s tem, da imajo milijonarje za robe, ki se morajo jeze njihove bati, če se ne ravnajo

¹⁾ Velikorusu (Moskovčanu) za trgovino nobena pot ni predolga in pretežavna, noben kraj predaleč in prenevaren. V krajih azijskih, kamor si noben drug Evropejec ne upa, se najde velikoruski trgovec: V severnej polovici Kitaja, v Hivi, Buhari najdete tega »kupčika.« Vsa mednárodna kupčija v severnej polovici Azije je v rokah Velikorusov.

na tanko po njihovih trmah. Tako je ostalo mnogo bogatih trgovcev od roda do roda v robstvu. Rod' za rodom je moral drage obroke plačevati. Da je zarad tega dosti trgovcev svoje premoženje zatajevalo in posebno varovalo se, v velika očitna obrtniška dela spuščati se, pač ni čuda. Vsak pa bo tudi lahko presodil, kake zavire so to za razvitje ruske trgovine in obrtnije bile. Čuditi se je le, da ste vkljub vsemu temu do te stopnje prišle, na kateri ste. Za Nemce in ptujce sploh na Ruskem pa so to bili zlati časi. Lahko jim je bilo za prebrisane ponašati se, ko so domačim konkurentom bile roke zvezane.

Da si ruski jezik v pomorski kupčiji, ki je že tako znamenita med Rusijo in zapadom, tudi ni večje veljavnosti pridobil, se mi poglobitni vzrok še tole zdi: Ko je Rusija Švedce in Turke premagala in svoje meje do morja pomaknila, ob morju še niso bili Rusi naseljeni, ampak drugi narodi: Tartari na jugu, Finci, Švedci in Nemci na severju. Malorusi, ki so za Tartari naj bliže črnega morja bili, pa niso kupci, in tedaj ni bilo mar jim, tako ugodno priliko porabiti in trgovine poleg morja polastiti se. Velikorusi pa se zbog vzrokov gori omenjenih, takrat sploh še preseljevati smeli niso. In tako je bilo Grkom, Italjanom in tudi Angličanom mogoče, trgovino v črnomoških mestih v svoje roke napeljati. Nekaj te trgovine je bilo že v srednjem veku v rokah Genuzov, ki so od tistih časov, ko je veči del kupčije indijske preko hvalinskega in azovskega morja šel, — po črnomoških mestih posebno na krimskem polootoku naseljeni bili. Na severju je bila pomorska kupčija v rokah Nemcev, slasti pa Angličanov, katerim so se zato še posebne privilegije od tadašnje ruske vlade dajale. Le malo po malo so Velikorusi k morju prihajali. V St. Peterburgu je sicer velikoruski živelj že pred osvobojenjem robov v kupčiji do znamenite važnosti prišel, ali pri črnim morju gospodujejo v tem obziru še Grki in Italjani, čeravno že število velikoruskih kupcev tudi ondi od leta do leta raste. —

Vse to pa se je v novejši dōbi spremenilo, ali se vrlo spremenjuje.

Ne bo preteklo pet let, bo srednja Evropa zvezana z železnicami z Rusijo, kakor je zvezana že z zapadno Evropo. Z železnicami pa je konec daljin. Blago po železnici oddanno

daje pošiljavcu in prejemniku na 100 milj daleč ravno toliko dela, kakor na 10. Onim kupcem tedaj, ki se z blagom za Rusko pečajo, treba ne bode več se z poljskim židovstvom ukvarjati; tako pa tudi tistim trgovcem ne, ki kupčujejo z ruskim blagom. Vse take kupčije se bodo lahko opravljale zanaprej z ruskim tržtvom naravnost. To timveč, ker po nekdanjih poljskih zemljah: Ukrajni, Volhiniji, Podolju in Litvi, kjer je prosti narod maloruski ali rusinski, plemiči pa so Poljaki a kupci Judje, — in še celo v kongresovski, tako imenovanem sedanjem kraljestvu poljskem, — velika posestva in ob enem tudi trgovina od zadnjega poljskega punta sim bolj in bolj v roke Velikorusov prehajajo, kar se, gledé trgovine, tim laglje izpeljuje, ker Juda prebrisani Velikorus v kupčiji hitro spodrine. Z Velikorusom, Grkom in Armencem se Žid v trgovini ne more meriti; kjer so ti národi v velikem številu naseljeni, se Hebrej čez mešetarja ne povzdigne. Žid denarje kuje med lenimi, neobrotnimi Poljaki in Madžarji in pri absolutnih evropskih vladah; pri teh na debelo, pri unih na drobno. Tudi med Nemci mu ne gré slabo. Vsaka muha si ve svojo pašo poiskati. Po neki napačni misli si je žid pri nas pridobil ime nar izvrstnejšega trgovca, kar nikakor ni, čeravno je v zapadu sila denarja nakopičenega v njegovih rokah. Pridobil si tega bogastva ni s svojo bistroumnostjo in eneržijo, ampak po neki specialnosti svojega značaja kupčevaje z denarjem, ne pa z blagom. Čisto malo židovskega kapitala se nahaja v obrtniških poslih, kar nam dokazuje Angležka.

Nevarnost za neposrednjo kupčijo z Rusijo pa je nehala že v minulem letu s tem, da se je ondi konec storil starim burokratičnim sodnijam in da so se vpeljale namesti njih porote in javne obravnave; — sodniki pa tako veliko plačo zdaj dobivajo, da mora biti zanaprej prva materialna skrb vsakemu izmed njih — varovati si s poštenostjo službo svojo. S tem bode konec tudi omenjenemu tako imenovanemu „ruskemu komisijonarstvu.“

Kar pa se tiče robstva je zdaj odpravljeno po celem carstvu do zadnjega, sramotni „obrok“ je nehal in odprt je nekdanjim robom celi neizmorni ruski svet. Že se kažejo nasledki v tisučernih podobah. Trgovina in obrtnija se množite od leta do leta, kar nam pričajo posebno bilance velikih sej-

mov; po selih napravljajo se neštevilne ljudske učilnice za mladež, in čitalnice za poduk odraščanih. Povsod klije novo življenje, kakor v naravi v dobi spomladanjskeje. Velikorusi zdaj preseljujejo se na vse kraje. Na Finskem so na nekterih krajih že pred do morja predrli. V Estii izginilo je nemško plemstvo in namestilo ga bogateje rusko slasti zadnjih 20 let. V nemški Rigi pa so predmestja ¹⁾ že do malega v rokah Velikorusov, in z njimi vred tudi velik del kupčije. Na jugu se Velikorusi selijo v Krim, kjer so dozdej Tartari in v Kavkaz, kjer so do lanjskega leta Čerkesi stanovali. To so za pomorsko kupčijo važni kraji. V ravno tej razmiri dohajajo velikoruski kupci in obrtniki tudi v Odeso. V Odesi se tudi število ravno tako marljivih bolgarskih trgovcev, ki rabijo tudi ruski jezik, vedno bolj množi, in že je takih Bolgarjev, ki imajo svoje zaloge v Londonu. Marsikteri bralec teh vrstic bo doživel čas, ko se bo videla Evropa v noveji podobi. Videl pa bode med ostalim morebiti tudi to, da se bodo angličanski in drugi trgovci z bregov ruskih velikoruskemu »kupčiku«²⁾ umaknili in da bodo ti svoje zaloge po zapadnej Evropi napravljali, kakor jih imajo do zdaj v primorskih ruskih mestih Angličani. Razmera med Britancem in Rusom je dandanes ista, kakor med bogatim postarnim človekom in čvrstim mladenčem; ta si želi vsega, kar more njegove moči napeti, uni pokoja in užitka. Pa ne samo Britanija, ampak ves zapad od starosti omaguje, ker je že davnaj v strašen materializem zabredel.

Velikorus je rojen za trgovca in obrtnika. Po krajih velikoruskih dohajajo trgovini in obrtniji nove sile iz kmetijskega stanu še veliko bolj kakor pri nas na Slovenskem.

Med Velikorusi nahajamo, da kmetje mnogih vasi znajo ne samo kako rokodelstvo, temuč tudi kako veliko obrtnijo ²⁾ in da vsi vkup kot enaki deležniki, — eden za vse in vsi za enega — tako obrtnijo opravljajo. Mnogo zalog (Niederlagen)

¹⁾ Ako rečem predmestja, je treba, da tudi omenim, da so Nemci v tako imenovanih »nemških Ostseeprovinzen«²⁾ take privilegije imeli, da v mestih nikdo ni smel naseliti se, ko oni, in posestev na deželi nikdo ne kupiti, ko nemški plemiči. Prosti narod v teh krajih ni nemški.

²⁾ Prosti vojaki ujeti v krimskeje vojski so v Londonu v raznih rokodelstvih tako umetnost kazali, da so jo Angličani občudovali. Zaslužili so si ti vojaki s tem v Londonu mnogo denarja.

v Moskvi je last takih selskih občin ali „artelev.“ Tako n. pr. peča se v Ivanovem selu in bližnjih vaseh do 50,000 kmetov s suknarstvom, zato se imenuje ta kraj po pravici ruski Manchester. Razložek je le, da delajo ubogi angležki delavci za nekoliko bogatinov, ruski kmetje pa za se. Se ve, da se kaj tacega le z dostojnim kapitalom da opravljati. No tega imajo ruski arteli, ali pa si ga vejo pribaviti, kakor kaka trgovska firma.

Taka velika združevanja (sicer le vejica občine slavjanske) so za razvitje materialnega blagostanja na Ruskem kaj imeniten in važen živelj. Ona nadomestujejo milijone in milijone kapitala posameznih ljudi. Ona bodo pospeševala blagostanje národno bolj, nego obrtnija po zapadno osnovana. Brez smešnih socialističnih sanjarij je Velikorus prvi med vsemi narodi obrtnijo podemokratil. Ruska emigracija preslepljena od zapadnih fantomov po ptujem pesku išče, kar doma na drevesih raste. Kaj tacega osnovati, je dano tudi med Slavjani samo Velikorusu, kateri je edini ohranil si zapopadek občine slavjanske. Kaj tacega tudi v zapadnej Evropi doseči — kjer se je fevdalizem preselil, nekoliko predrugačen, iz gradov v fabrike — modrijanstvo dolgo že napenja žile svoje, a zastonj. Kaj so rochdalski pionirji na Angležkem, kaj asociacije na Nemškem v priméri z artelami ruskimi?

S prenehanjem posredstvom poljskega židovstva in „komisijonarstva ruskega“ bosta trgovini iz pête dva huda trna, — komunikacije nove in naseljevanje Velikorusov po primorskih krajih in blizo naših mej jo bodo pospeševale na vse strani. Čim bolj pa se bode s temi premembami množila kupčija z Rusijo, tim važniši bode za tržstvo naše zana-prej jezik ruski, gledé ktereга je posebno važno to, da Velikorus v korespondenciji svoji z ptujimi kupci ne rabi ptujih jezikov, ampak dopisuje ruski, če prav tudi druge jezike zna. Podoben je v tem Angličanu. Sicer pa se velikoruski trgovec ne muči preveč z učenjem ptujih jezikov. Neki Angličan, ki je letos v Moskvi bil in ki popisuje ondotno borso, piše v ostalem to-le: „Mislilo bi se, da ti ljudje (trgovci moskovski) ki tržujejo s celim svetom mnogo jezikov znajo, a to ni tako; tukaj je prava Rusija, tukaj se govori samo ruski“. Do zdaj se ni bati, da kdor ruski ne zna, ne bi mogel trgovati s pri-

morskimi mesti ruskimi, kajti tù govorili so ptuji trgovci vse evropske jezike, zanaprej pa ni dvombe, da bode s čedalje večim doseljevanjem Velikorusov tudi njihov jezik čedalje bolj v korespondenciji v primorju ruskem prevagoval, posebno ker raste z rusko državo ob enem tudi ruski ponos, splošno nadušenje za vse kar je rusko, tedaj tudi za jezik. Popred mogel je živeti kak tuj obrtnik ali trgovec do smrti v St. Peterburgu brez znanja tega jezika, zdaj je ta mogočnost nehala.

Rusija, akoravno meji na severni léd, je v obče zelo rodovitna — v vsakem obziru plodonosna. Rude ruske slasti baker ali kotlovina — slovó po celem svetu, zemeljski pridelki ruski pa morejo v potrebi celo zapadno Evropo prerediti in so jo večkrat že lakote rešili ¹⁾; volna, loj, kaviar, kožuhovina razpošiljajo se za milijone rubljev na vse kraje; ravno tako nekteri obrtniški pridelki. V Kavkazu črvi svilo predejo. Prideljuje se tega blaga tù, kakor nekdaj v Italii. V Taškendu pa bombaž raste, ameriškemu kos, — in ob enem drugi dragocenjeni pridelki. V sámem Nižjem — Novgorodu prodá se na sejmu za blizo 200 milijonov goldinarjev, v Harkovu za 60 milijonov, v Irbitu za 50 milijonov blaga. Moskva šteje 700 fabrik, éez 1500 vélikih trgovcev (Grosshändler). To velja ne samo za ta mesta, temuč v razmeri še za stotine drugih.

Moskva je središče naj razprostranije zemlje, duša naj večega življenja v materialnem in duševnem obziru. Kar je Londonu morje, bodo Moskvi železnice. Pogled na zemljevid kaže nam, da iz polovice Evrope in cele srednje Azije do gorá tibetanskih pot naj bolj v Moskvo drži ²⁾.

2100 milj daleč je od zapadne do izhodne meje ruske in 700 od severne do južne; éez 400.000 □ milj obsega

¹⁾ iz državnih ruskih rudnikov se dobiva na leto za 95 milijonov rub: sréb: rud, iz privatnih prej ko ne še več. Žita se pridelá na Ruskem po srednjem računu 280 milijonov četvert, to je 952 milijonov vaganov naše mére; od tega se 40 milijonov četvert (136 milijonov vaganov) na ptuje prodá. Letni pridelek pšenice se rajta na Ruskem na 320 milijonov vag: v Avstriji na 46 milijonov vag.

²⁾ Napredovanje Rusov v srednej Aziji v tako plodonosnih krajih, kakor so Taškend in Buharija sploh in pa železnice preko Kavkaza odprle

carstvo rusko; polovica Evrope in tretjina Azije ste ruski; ono obsega sedmi del vse suhe zemlje; rimsko carstvo o vrhuncu svoje slave merilo je samo četrť tega.

In na celem tem prostoru vlada v vradih in trgovini samo en jezik — jezik velikoruski. Toda ne samo na tem prostoru se rabi ta jezik; — marveč (v Aziji) še deleč čez meje ruske; tudi v Perziji, Hivi, Bukari in severnem Kitaju (Kini) trgovina mednárodna služi se z istim jezikom. V srednej Aziji glasi njegovi doné celo do himalajskih gorá.

Rusija podobna je mlademu velikanu. Velike so zmožnosti, velike potrebe njene; in te zmožnosti in potrebe rastle bodo z napredovanjem razvitja njenega. Obrnivši to na materialno stran — ali na trgovino njeno, dalo bi se reči, da bo neizmerno veliko in čedalje več blaga prodajala, pa ga tudi neizmerno in čedalje več kupovala; trgovina z Rusijo tedaj bode kaj važna v malo letih.

Ne zamudimo tedaj za udeleževanje té trgovine pripravljati se. Pripravljanje to je mnogovrstno. En del tega pripravljanja za nas Avstrijance bila bi trgovska zveza z Rusijo — zveza osnovana po vzajemnih potrebah. Drugo pripravljanje bilo bi pa: učiti se jezika ruskega.

Na Slovenskem se skoraj polovica ljudi več ali manj peča s kupčijo in obrtnijo; mnogo Slovencev gré po svetu in uči se raznih jezikov. Naj se uči tedaj naša mladež tudi tistega jezika, ki bo skoraj zelo važen za kupčijo, ki se ga pa tudi Slovenec naj lože nauči izmed vseh jezikov svetá.

Toda ne samo tistej slovenskej mladeži, ki se peča s trgovino, koristen bode jezik ruski — temuč izobrazenej našej mladeži sploh, že zavoljo svoje velike imenitnosti. Pa tudi slovstvo rusko je tako, da vabi na učenje ruskega jezika. Slovstvo to tako je, da se more človek, ki nobenega dru-

bodo tudi zapadneji trgovini nova pota. Posebno važno pa bode to napredovanje še zavolj tega, ker ni dvombe, da precej, ko Rusi do indijskih mej svoje gospodarstvo stegnejo, bodo iz Kavkaza železnico notri do Indije napravili. Tako bode prišla indijska kupčija sopet na staro in naj krajšo svojo pot, — razloček bode samo ta, da zdaj bodo to kupčijo, kakor tudi uno s srednjo Azijo Rusi v rokah imeli, ne pa Genuezi, in da bode treba ruskega, ne pa italijanskega jezika onim, ki se bodo s to trgovino pečali.

zega jezika ne zna, po njem popolnoma izobraziti¹⁾, in to ne iz prevodov iz drugih evropskih jezikov samó, ampak iz izvirnih knjig ruskih, Omenjeni naj bodo tù samo veliki slovestva ruskega: Lomonosov, Gribojedov, Lermontov, Semenov, Državin, Puškin, Karamzin, Gogol, Pogodin, Turgenjev.

Da ruski jezik ni davno že večje važnosti po izobraženem svetu dosegel, kriva je tista osoda, ki je zavirala véke in véke národ ruski, — ki pa obranila ga je za prihodnost. En par vrstic iz zgodob ruskih dokazalo nam bo to očevidno. Dve sto let je gospodaril Tartar; to je porabil Litvan in Poljak. Mnogo let razvija se mogočna zastava poljska — požar pokončuje vse po Ruskem. Onemore Poljak, nastopi Švedec; s tem in unim pajdaži se Turak; — krvnik za krvnikom vrsti se. Imela je res Rusija več pametnih in modrih vladarjev, ali prva skrb jim je morala biti, da naj pred svojo oblast učvrstijo, da premogočno plemstvo podložijo in ruski národ zedinejo. To dosežeta Vasilij Ivanovič in Ivan II. Vasiljevič. Druga misel je bila osvoboditi svojo zemljo za vse veke nevarnosti, da se tartarski jarem ne povrne in tudi to doseže Ivan II., končavši moč in samostalnost kanata kasano-astrakanskega. Zdelo se je, da nastane že zdaj za Rusijo dôba miru in sreče: vzdigne se vsakod narodna obrtnost, v Arhangelsku odpre se kupčija z zapadno Evrópo, s slavnim dobljenjem Sibirije tudi s severno Azijo: duh ruski se zbudi. Ali ta slava je kratka: rod Rurikov izumre in zdajci planejo Poljaki, Švedci, Tartari na nesložni narod. Rusii sicer ni odklenkalo, Minin in Požarskij jo osvobodita in zedinita, ali narodne sile bile so v krvavem bojevanji tako oslabele, da nova carska rodovina Romanovska le s težkimi žrtvami od tujcev mir dobi. O vsaki priliki zgrabili so jo iz nova sovražniki, še na slavnega Alekseja gledali so sesedje zaničevaje. Še le pol drug sto let je, kar je tega krvništva ali mučenja národa ruskega pri Poltavi bilo konec.

¹⁾ Knjig ki leto in dan na svetlo prihajajo v ruskem jeziku čez 2 tisuč je; na stotine pa izhaja časnikov. Na šestih vseučiliščih in mnogih drugih viših šolah je ruski jezik učilni jezik.

Ošabnosti zapadne — hitro kaznjene — leta 1812 tû sém ne štejem.

Toda pri Poltavi zmagal je samo meč, duh ruski pa je ostal v hudih okovih do današnje dôbe. — Notri do te dôbe je vladal na dvoru ruskem duh zapadni — nemško francozki — zatiraje, duh národní in jezik ruski. Naj hujši se je to godilo pod nemško carico Katarino II. in naj veči upliv je ptujstvo na Ruskem doseglo pod Aleksandrom I. Pavlovičem, takrat, ko je Poljak knez Čartoriskij na čelu ruskega ministerstva stal. Takrat je tako daleč prišlo, da so se ministri ruski v svojih besedah (sejah) po francozki posvetovali. Poldrug sto let je obdajala narodnost rusko črna megla zapadnega ptujstva. Da je do tega prišlo, poglavitni vzrok bile so ženitve ruskih carjev in princov z nemškimi princesami, ki so dopeljevale s sabo cele trume nemških dvornikov, da so se Rusi dvora in njegovih spletek ogibali. Tako je prišel jezik nemških dvorov namreč francozki, tudi na ruski dvor, jezik nemški pa stópil precej za njim na drugo stopnjo: národní ruski se je zaničeval. Važen vzrok te napake pa je tudi po Petru velikem vpeljana ptuja, slasti francozka omika, in popotovanje ruske gospode v zapadno Evropo, posebno v Pariz. Kakor druga evropska gospoda (razun angležke) poprijela je tudi ruska francozki jezik. Z ženo, otroci, prijatli govorila je francozki jezik, ruski pa le z „mužiki“. Gosposki otroci učili so se naj pred francozki, potem angležki in nemški jezik, za ruski se nobeden zmenil ni. Še le car Nikolaj Pavlovič odpravil je to sramoto postavivši šole in nauke na temelj narodnega jezika, na temelj ruske odreje in ruskega duha. Zdaj se pokazujejo veseli nasledki te modre naredbe na vse strani: ruska gospoda postala je zares ruska, nehala je biti službenica in — opica ptujih jezikov in ptujih spak. Naj bolj pa se napreduje v tem obziru, od kar je stopil na prestol Aleksander II. bistri njegov um je spoznal potrebo organičnega razvitja ruskega národa, podrl je zavire tega razvitja in vpeljal tako važne reforme, da se ruski národ zdaj naj sjajniše prihodnosti nadjati sme: jeziku ruskemu dal je nazaj vso čast, ki mu gré, ter ukazal lanjskega leta, da se ima na dvoru ruski govoriti in da naj bode ruski jezik tudi diplomatičen.

In tako zdaj Rusija razvija se gorostasno — materialno in duševno; množi se slovstvo, množi se kupčija notranja in zvonanja; dvakrat toliko pa se množi važnost jezika ruskega.

To so misli moje o jeziku ruskem, kterega do zdaj pri nas v Avstriji naučiti se, bilo je kaj težavno, skoraj nemo-goče. Spišite tedaj dragi prijatelj! slovnico rusko za Slovence, ker taka knjiga je za nas važna in imenitna, koristna in moglo bi se reči, jako potrebna.

Meseca maja 1866.

G. Blaž.

Razlaga

nekoliko slovnčnih besed nahodečih se v ti slovnici.

Časovanje (* pregibanje), conjunctio, Abwandlung.

Časovati (* pregibati), conjungere, abwandeln.

Číslo, numerus, Zahl.

„ osnovno, cardinalis, Crundzahlwort.

„ redovno, ordinalis, Ordnungszahl.

„ dvojník, dualis, zweifache Zahl.

„ jedn. = jednotník, singularis, einfache Zahl.

„ mn. = množník, pluralis, vielfache Zahl.

Glagolj, verbum, Zeitwort.

Ime čísliteljno (* številno), numerale; Zahlwort.

„ pridavno, adjectivum, Beiwort.

„ „ izvestno (* določno), definitum, bestimmt.

„ „ neizvestno, indefinitum, unbestimmt.

„ statno (* ime), substantivum, Hauptwort.

Koncovka (* končnica), sylaba finalis, Endsilbe.

Način neizvestni, infinitivus, unbestimmte Art.

„ velivni, imperativus, gebietende Art.

„ želivni, optativus, wünschende Art.

Narečje, dialectus, Dialekt.

Pad (* padež), casus, Endung.

Penj (* osnova), Stamm.

Pisme (* črka), litera, Buchstabe.

Podmet, subjectum, Subjekt.

Pologlasnik, semivocalis, Halbvokal.

Poved (* stavek), sententia, Satz.

Pravilo, regula, Regel.

Predlog, praepositio, Vorwort.

Pričastje, participium, Mittelwort.

„ časovavno (* pregibno), conjungalis, Abwandlungs-

„ čineče, activum, thätiges.

„ terpeče, passivum, leidendes.

*) Z zvezdico zaznamovane besede so opombe založnikove.

- Prislov, adverbium, Nebenwort.
 Prisodek, praedicatum, Praedikat.
 Prostorečje, lingua vulgaris, Volkssprache.
 Samoglasnik, vocalis, Selbstlauter.
 Sklanja, declinatio, Abänderung.
 Sklanjati, declinare, abändern.
 Skladnja, syntaxis, Wortfügung.
 Slog, sylaba, Silbe.
 Slovo, verbum, Wort.
 Izpeljava etimologia, Wortforschung.
 Izpeljavno etymologice, etimologisch.
 Soglasnik, consonans, Mitlauter.
 Spol, genus, Geschlecht.
 " m. = možki, masculinum, männlich.
 " sr. = srednji, neutrum, sächlich.
 " ž. = ženski, femininum, weiblich.
 stopnja, gradus comparationis, Vergleichungsstufe.
 zaima, pronomen, Fürwort.

рыбья = *ribija*; 2. ono pomehča soglasnik, kteremu se pridruži in tadaj glasi kakor slovensko *j*: *конь* = *konj*, *хмель* = *hmelj*, *моль* = *molj*.

ъ se imenuje jor in se nič ne izgovarja, je brezglasno: *рабъ* = *rab*, *дубъ* = *dub*, *хвалилъ* = *hvalil*, *дѣлалъ* = *delal*.

ы glasi zelo tako, kakor slovensko *i*: *рыба* = *riba*, *дымъ* = *dim*.

э se po ruski stavlja samo v početku sloga in glasi scela tako kakor slovensko *e*: *этотъ*, *это*, *эта* = *etof*, *eto*, *eta*.

Sledeča pismena ruska *я, е, ъ, и, ю*,
 ako stojé v početku sloga, pomenijo: . . . *ja, je, — ji, ju*,
 ako stojé po soglasniku, pomenijo: . . . *ya, — ye, yi, yu*,
 namreč:

я v početku sloga pomeni *ja*: *яворъ* = *javor*, *змѣ-я* = *změ-ja*; po soglasniku pomeni *ya*: *во-ля*, *ко-ня*, to je zlasti: *во-ля*, *ко-ня*, čitaj: *vo-lja*, *ko-nja*. Včasih stoji *я* mesto staroslavjanskega *ъ* (= *en*) in tadaj glasi v ruščini kakor slovensko *e*: *мясо* = *meso*, *дѣтя* = *dite*, *пять* = *petj*, *десять* = *desetj*, *хвалятъ* = *hvalet*.

е v početku sloga pomeni *je*: *естъ* = *jestj*, *едва* = *jedva*, *учень-е* = *učeni-je*; po soglasniku (izuzami soglasnike mehke *ж, ш, ч, щ, џ*) pomeni *ye*: *съ ко-немъ*, *по-ле*, *хва-ленъ*, *о-решъ*, to je zlasti: *съ ко-немъ*, *по-лье*, *хва-ленъ*, *о-решъ*, čitaj: *s ko-njet*, *po-lje*, *hva-ljen*, *o-rješ*. Po mehkiem soglasniku *ж, ш, ч, щ, џ*, pomeni čisto *e*: *жена* = *žena*.

ѣ v početku sloga pomeni *je*, pa samo v treh besedah ruskih namreč: *ѣхатъ* = *jehati* (jezditi), *ѣздитъ* = *jezditi*, *ѣсть* = *jesti*; po soglasniku pomeni zlasti *ye* = *é*, katero se v književni ruščini izgovarja kakor slovensko čisto *e*: *бѣлый* = *belij*.

и v početku sloga pomeni *ji*: *искра* = *jiskra*, *кра-и* = *kra-ji*; po soglasniku pomeni: *и*: *ко-ни*, *безъ во-ли*, to je zlasti: *ко-ны*, *безъ во-лы*, čitaj: *ko-nji*, *bez vo-lji*.

ю v početku sloga pomeni *ju*: *югъ* = *jug*, *къ кра-ю* = *k kra-ju*; po soglasniku pomeni *yu*: *ко-ню*, *по-лю*, to je zlasti: *ко-ню*, *по-лю*, čitaj: *ko-nju*, *po-lju*.

л scela pravilno znajo to pisme izgovarjati Rusi in Poljaki, ono glasi, kakor nekaj srednjega med pismenoma *l* in *u*: *дѣло*, *даль*.

щ to je pisme složeno iz *шч* = *šč*: *щука*, *община*, to je zlasti: *щука*, *община*, čitaj: *ščuka*, *obščina*.

ѣ v književnem ruskem jeziku se izgovarja kakor slovensko čisto *e*: *лѣнь* = *len*, *мѣдъ* = *med*; dve piki nad *ѣ* pomenite samo, da se to *ѣ* v prostorečji ruskem sme izgovarjati tudi kakor *jo*: *лѣон*, *мѣод* . . .

Sledeči dve pismeni se najdete samo v ptujih besedah: *ѣ* glasi kakor *f*, včasih kakor *t*: *Федоръ* = *Fedor*, *Томъ* = *Toma*.

ѣ pred soglasnikom stoječe pomeni čisto slovensko *i*: *имѣ* = *imn*; pred samoglasnikom stoječe pak pomeni *v*: *евангеліе* = *evangelije*.

§. 6. Prostorečje rusko izgovarja sicer včasih nekateri samoglasnik ali soglasnik drugač kakor se piše; tako piše se: *а*: *ужасъ* = *groza*, *часы* = *ura*, *лошадъ* = *konj* . . . akoravno se *a* po *ж*, *ш*, *ч*, *щ* v prostorečji izgovarja kakor *e*, kadar je beznaglasno in kadar ne stoji v koncovkah sklanjavnih: *уѣс*, *ѣси*, *лоѣд* . . .

Piše se:

е: *лѣнь*, *ежъ*, *елка*, *медъ*, *житѣе*, *мое*, *зеленая*, *береза* . . . ako ravno se izgovarja v nekterih besedah po moskovskem prostorečji kakor *jo*: *лѣон*, *ѣжъ*, *ѣлка*, *мѣод*, *ѣтиѣо*, *моѣо*, *зелѣонаѣа берѣоа* . . .

Piše se:

ѣ: *гнѣздо* = *gnezdo*, *зѣзда* = *zvezda*, *сѣдло* = *sedlo* . . . ako ravno se izgovarja včasih kakor *jo*: *gnjozdo*, *zvjozda*, *sjodlo* . . .

Piše se:

о: *вода* = *voda*, *хорошо* = *horošo*, *молодой* = *molodoj*, *говорю* = *govorju* . . . ako ravno se izgovarja po moskovskem govori, kadar je beznaglasno, kakor *a*: *vada*, *harašo*, *maladoj*, *gavarju* . . .

Tako se pišejo soglasniki *б*, *с*, *д*, *з*, *ж*; na primer: *дубъ* = *dub*, *царевъ* = *carjev*, *годъ* = *god*, *снѣгъ* = *sneg*,

образъ = *obraz*, *рожъ* = *rož*, ... ako ravno se v ruskem prostorečji včasih izgovarjajo kakor *n*, *ф*, *m*, *к*, *с* *ш*, kakor da bi stalo: *дунъ*, *царѣфъ*, *готъ*, *сѣвкъ*, *образъ*, *рошъ* . . . , tako se tudi pišejo *с*, *m*, *к*, na primer: *сборъ* = *sbor*, *женитба* = *ženitba*, *къ богу* . . . ako ravno se včasih izgovarjajo kakor *з*, *д*, *з*; kakor da bi stalo: *зборъ*, *женидба*, *къ богу* . . .

§. 7. Samoglasniki so:

а, *э*, *и*, *о*, *у*, *ь*,

я, *е*, *ѣ*, *и*, — *ю*.

Kadar stoje samoglasniki *я*, *е*, *ѣ*, *и*, *ю* mesto *ја*, *је*, *ји* *ју*, jih imenujemo jotovane, kakor bi rekel, z jotom zložene; kadar stoje mesto: *ѣа*, *ѣе*, *ѣи*, *ѣи* jih pak imenujemo jerovane, kakor bi rekel, s jerom (*ѣ*) zložene:

§. 8. Soglasniki so.

Vsegdar tverdi: *г*, *х*, *к*.

Vsegdar mehki: *ж*, *ш*, *ч*, *щ*, *ц*, *ѣ*.

Obojetni, to je tverdi, kateri se pak, kadar je potreba, pomehčati morejo s tem, da se jim privesi *ь*, so sledeči: *в*, *б*, *п*, *м*, *н*, *л*, *р*, *д*, *т*, *з*, *с*. Imenujemo jih zato tudi pomehčavne.

§. 9. Samoglasniki berzo izgovorjeni se imenujejo pologlasniki; ruščina jih nikdar ne izpušča, nego stavlja za pologlasnik naj običneje *е*: *орель*, *осель*, *купецъ*, *ловецъ*, *конецъ*, *печь* . . . Včasih stavlja *о*, posebno pred in po pismenih tverdih *г*, *х*, *к*: *песокъ* = *pesek*, *пятокъ* = *petek*, *огонь* = *ogenj*, *уголь* = *vogelj*,

§. 10. Za pologlasnik pred soglasnikom *р* stavlja ruščina naj običneje *е*, na primer: *верба*, *верхъ*, *первый*, *мерзвъть*, *терпѣть*, *сердце*, *серпъ*, *верста*, *дернъ*, *держать*, *мертвый*, *твердый*, *тернъ*, *серна*, *черный* . . . pred in po pismenih tverdih *г*, *х*, *к* se rado stavlja *о*: *торгъ* = *tèrg*, *горбъ* = *gèrb*, *горло* = *gèrlo*, *хортъ* = *hèrt*, *кормъ* = *kèrm* . . .

§. 11. Ruščina mesto *ла*, *ра* piše *оло*, *оро*:

волось vlas, *болото blato*, *голова glava*, *голосъ glas*, *колосъ klas*, *колода klada*, *солома slama*, *холодъ hlad* . . .

борода brada, *борода brana*, *ворона vrana*, *городъ grad*, *король kralj*, *корова krava*, *морокъ mrak*, *порогъ prag* . . .

§. 12. Mesto izvirnega *рѣ* piše ruščina v nekterih besedah *ере*: *берегъ breg*, *дерево drevo*, *передъ pred*, *череса čreva*, *черешня črešnja*, *черепъ čer*, *череда čreda*, *черевичъ črevelj*, *перевестъ prevesti* . . .

§. 13. Ruščina pomehčuje pogosto soglasnike, namreč: obojetnim soglasnikom pogosto privešuje samoglasnike jero-vane (§. 7.); vsegdar tverde soglasnike *z, x, k* včasi pomeh-čuje, na primer: *враги, ноги, духи, мухи, руки* . . . to je, ka-kor da bi po slovenski pisal: *vragji, nogji, duhji, muhji, rokji* . . . mesto: *vragi, nogi, duhi, muhi, ruki* . . . vsegdar mehke soglasnike *ж, ш, ч, щ*, kateri pomehčovanja ne potre-bujejo, včasi pomehčuje, priveševaje jim samoglasnike jero-vane: *животъ, шило, число, щи zeljna juha* . . . to je, kakor da bi pisal: *žjivot, šjilo, čjisto, ščji* . . . mesto: *život, šilo, čislo, šči* . . . te vsegdar mehke soglasnike hoče včasi pot-verdjevati priveševaje jim jor (*ъ*): *ножъ, кошъ, врачъ, плющъ, отецъ* . . .

§. 14. Izvirno *дъ* se piše in izgovarja po ruski obično *ж*, včasi *жд*, po slovenski obično *j*, *межа* = *meja*, *пряжа* = *preja*, *жажда* = *žeja*, *сажа* = *saje*, *ржа* = *rja*, *роженъ* = *rojen*, *пробужать* = *izbujati*, *осужать* = *obsojati* . . .

§. 15. V ruščini in slovenščini se pismena ne podvoja-vajo zvnaj v slovih složenih, v katerih predstoječe slovo se konči z ravno tistim pismenom, s katerim se sledeče slovo začne, na primer: *беззаконіе, беззубый* . . . Ruščina prav redko podvoji neko pisme, na primer: *соединенное* mesto *соединеное, особенное* m. *особеное* . . . prav redko izostavi neko pisme, na primer: *семь* mesto *седмь*, *баринъ* m. *бояринъ, батыръ* m. *богатыръ, вонзатъ* m. *вонизатъ* . . .

§. 16. V ruščini in v slovenščini se pravilno menjajo pismena *z, x, k* v *ж, ш, ч* samo pri izpeljevanji slov in samo *e*: *строгъ строже; теку (течет) течешь, течеть, течемъ, те-чете, текутъ*; pred *и* in *ѣ* se pak po ruski ne menjajo na primer:

врагъ: враги, врагѣ; нога: ноги, ногѣ,
духъ: духи, духѣ, муха: мухи, мухѣ,
звукъ: звуки, звукѣ; рука: руки, рукѣ.

Tako ostanejo nespremenjeni po ruski tudi v velivniku: od *пеку (пеčet)*: *пеки, пекимы, пекуте*, po slovenski: *peci, pecimo, pecite*; od *вергу (veržem)*: *верги, вергимъ, вергите*, po slovenski: *verzi, verzimo, verzite*.

§. 17. Po ruski se včasi, vendar poredko, pišete po dve slovi v jedno: *бавиться* = *baviti se*, *бриться* = *briti se* . . .

§. 18. Po ruski se ne pišejo ptuja imena po pismenih ptujega pravopisa, na primer: *Bordeaux*, *Beauharnais*, *Mexiko* . . . nego se pišejo po izgovori: *Бордб*, *Бохарнй*, *Межико* . . .

§. 19. V ruščini in v slovenščini niso še ustanovljena pravila časomere (metrum), po katerih se ravna dolgost ali kratkost slogov, tudi pravila naglasaka (accent) niso ustanovljena, čemur se ni čuditi, ker v tako velikem in tako razširjenem jeziku, kakor je ruski, morata naravno biti v raznih krajih časomera in naglasak različna tako, da je nemogoče ustanoviti obče veljavna pravila: zato ni potreba Slovencu se mučiti s časomero rusko in s naglasom.

§. 20. Po ruski in po slovenski se pišejo vsa slova z malimi pismeni, zvonaj sledečih slučajev, v katerih se prvo pisme slova napiše veliko: 1. v početku povedi; 2. po točki (.); 3. po prašaji (?); 4. po klicaji (!); 5. po dvotočji (:); pa samo, kadar se napišejo vlastna slova neke osebe in 6. vlastna imena oseb, držav, rek, gor. . .

O imeni statnem.

§. 21. Imena statna so, imejte koncovko katerokoli, uže po svojem pomeni:

Moškega spola, ktera pomenijo moža ali samca: *мужъ*, *отець*, *сынъ*, *воевода* . . .

Srednjega spola: ktera pomenijo mlade ljudi ali mlado živino; *дитя*, *жеребя* . . .

Ženskega spola, ktera pomenijo ženo ali samico: *жена*, *сестра*, *корова*, *сударыня* . . .

§. 22. Po koncovki so:

Možka, 1. ktera imajo tverd ali mehke soglasnik pred jorom (ъ): *рабъ*, *дубъ*, *возъ*, *орель*, *котель*, *страхъ*, *мвхъ*, *духъ*; *ножъ*, *мечъ*, *край* . . .

2. Večji del, ktera se končijo na jerovan (и) soglasnik: *моль*, *хмль* . . .

Srednja so:

1. Končea se na o: *дбло*, *слово*, *весло* . . .

2. Končea se na e s pomehčanim soglasnikom: *поле*, *море* . . .

3. Končēča se na *ie* ali *ye* (= *ije*): *poslanie, znamenie, житie; učenje, veselje, pitje* . . .

4. Končēča se na *я*, kadar stoji za staroslavjansko *ъ*, to je, kadar se izgovarja kakor slovensko *e*: *имя, жеребя* . . .

Ženska so:

1. Končēča se na *a*, hodi s tverdim ali mehkim soglasnikom: *рыба, вода; душа, кожа, вѣжа, стража, мрѣжа, овца* . . .

2. Končēča se na jerovano *я* (= *ѣа*): *воля, земля, постель, дыня, вечеря, куделя, пустыня, милостыня* . . .

3. Končēča se na jotovano *я* (= *ја*): *звѣя, лодья* . . .

4. Nektera na jerovan soglasnik, njih največ na *сть*, ktera se morajo iz običaja naučiti in so blizo sledeča: *область, корысть, честь, крѣпость, челюсть, смерть, клѣть, память, рѣчь, мысль, соль; мочь, ночь, печь* . . .

§. 23. Číslo je trojno: jednotnik, množnik in dvojnik. Slovenščina ima dvojnik v govori i v pismi in to pri imenih statnih, pridavnih, čisliteljnih, pri zaimeh in glagoljih in naj skerbno obderži še za naprej to krasno staroslavjansko lastnost. Ruščina ima tudi dvojnik, pa samo pri statnih imenih in samo po čisljih *два, двѣ; оба обѣ; подайте ему два рубля; два человека приехали; поставлены два стола; обоев очки* (obe okici), *обоев ножицы* . . . Zato ni istina, da je dvojnik v ruščini scela izumerl nego naprotiv včasih se še stavlja, po čisljih *три, четыре: три часа, три боба, четыре волоса, четыре дня* . . . po slovenski *triji časi, triji bobi; četiri vlasi, četiri dni* . . .

§. 24. Padov je po sedem v vsakem čislju in se imenujejo:

Pad 1. imeniteljni, nominativus,

„ 2. roditeljni, genitivus,

„ 3. dateljni, dativus,

„ 4. viniteljni, (* tožiteljni) accusativus,

„ 5. zvateljni, vocativus,

„ 6. mestni, localis,

„ 7. tvoriteljni, instrumentalis. Kadar stoji s predlogom *съ* se imenuje predložni, socialis.

§. 25. Sklanje so četiri; prva za statna možka, druga za srednja, tretja za ženska končēča se na samoglasnik, četrta za ženska končēča se na soglasnik pomehčan. Sklanje prva, druga in tretja imajo vsaka po četiri primere: jeden

primer za statna s tverdim soglasnikom v koncovki, drugi s mehkim, tretji s pomehčanim, to je jerovanim, četverti s jotovanim. (§. 7.)

§. 26. Pad 4. jednosti perve sklanje imen statnih, ktera pomenijo neživeče stvari, je jednak prvemu padu, ktera pomenijo stvari živeče, pak drugemu: *я видѣлъ ножъ, я видѣлъ мужа*. To je tako v vsi sadajni slavjanščini. Ruščina dela pak pad 4. živečih statnih jednak drugemu ne samo v jednotniku, nego tudi v množniku in v vseh sklanjah: *я видѣлъ нашихъ рабовъ, коней, чадъ, княгинь . . .* po slovenski: *sem videl naše robe, konje, otroke, kneginje . . .*

Ruski pad 5. je vsegdar jednak prvemu v vseh čislih, spolih in sklanjah, samo nektera statna perve sklanje imajo svoj posebni pad 5. jednotni; ta so: *боже! господи! владыко! отче! Иисусе Христе!*

§. 27. Sklanja perva.

Jednotnik.

1. 5. <i>рабъ-ъ,</i>	2. <i>-а,</i>	3. <i>-у,</i>	4. = 1. ali 2.	6. <i>-ѣ,</i>	7. <i>-омъ</i>
<i>ножъ-ъ,</i>	<i>-а,</i>	<i>-у,</i>	= 1. ali 2.	<i>-ѣ,</i>	<i>-емъ</i>
<i>конъ-ъ,</i>	<i>-я,</i>	<i>-ю,</i>	= 1. ali 2.	<i>-ѣ,</i>	<i>-емъ</i>
<i>кра-ѣ,</i>	<i>-я,</i>	<i>-ю,</i>	= 1. ali 2.	<i>-и,</i>	<i>-емъ</i>

Mно́žник.

<i>раб-ы,</i>	2. <i>-овъ,</i>	3. <i>-амъ,</i>	4. = 1. ali 2.	6. <i>-ахъ,</i>	7. <i>-ами</i>
<i>нож-и,</i>	<i>-ей,</i>	<i>-амъ,</i>	= 1. ali 2.	<i>-ахъ,</i>	<i>-ами</i>
<i>кон-и,</i>	<i>-ей,</i>	<i>-ямъ,</i>	= 1. ali 2.	<i>-яхъ,</i>	<i>-ями</i>
<i>кра-и,</i>	<i>-евъ,</i>	<i>-ямъ,</i>	= 1. ali 2.	<i>-яхъ,</i>	<i>-ями.</i>

§. 28. Po prvi sklanji se sklanjajo statna možka, namreč:

1. Po primeri *рабъ* končeča se na tverd soglasnik pred jorom (ъ): *воронъ, волкъ, страхъ, мѣхъ, возъ, дубъ . . .*

2. Po primeri *ножъ* končeča se na mehek soglasnik pred jorom (ъ) *ж, ш, ч, щ, ц*: *мужъ, кошъ, врачъ, плюющъ . . .*

3. Po primeri *конъ* končeča se na jer (ь): *моль, хмѣль, кашель . . .*

4. Po primeri *край* končeča se na ѣ: *бой, лой, роѣ . . .*

§. 29. Nektera statna možka imajo v ruščini koncovko pomehčano: *голубь, желудь, гость; камень, корень, ремень . . .* in se sklanjajo po primeri pomehčanem (*конь*): v slovenščini

imajo koncovko tvrdo in se sklanjajo kakor statna tvrda: *golob, želod, gost, kamen, koren, remen . . .*

§. 30. Pologlasnik *e* ali *o* stoječi v nekterih statnih v prvem padu se v ruščini in slovenščini pri sklanjanji izverže: *овенъ, овна, орелъ орла, купецъ купца . . . огонь огня, уголь угля . . .*

§. 31. Narodna imena na *инъ* se sklanjajo v jednotniku pravilno, v množniku pak odveržejo koncovko *инъ* in se sklanjajo takole: *Болгар-инъ*, v množniku: *Болгар-е, -ъ, -амъ, ахъ, -ами*.

§. 32. Primetbe. Verlo redko se naredi pad. 2. jednotni na *y*; ga imajo samo statna imena možka tvrda, od teh samo jednosložna ali dvosložna, pa od teh samo ktera nekaj neživega pomenijo in še od teh samo tista, ktera znamenujejo nekaj, kar se deliti more in kadar se samo od jednega dela govori, na primer: *много анису, гороху, песку; нѣскольکو сибѣгу, чаю . . .* sicer se stavlja vsegdar tudi pri teh koncovka pravilna *a*: *аниса, гороха, песка, сибѣга, чая . . .* Še nektera imajo *y*: *видѣ виду, край краю, запахъ запаху . . .*

Pad 6. jednotni delajo na *y* samo nektera jednosložna in dvosložna statna, ktera znamenujejo čas ali kraj, pa samo po predlogih *въ* in *на*, na primer: *на верху, на краю, въ раю, въ боку = v strani . . .* sicer imajo tudi te besede pravilno *ѣ*: *о верхѣ, о бокѣ . . .*

Ako sklanjaš pad 2. in 6. jednotni pravilno na *a*, malo-kadaj se bodeš zmotil.

Pad. 2. množni delajo brez koncovk *овъ, евъ* sledeča statna, ako stoje po čislih višje od *пять*: *пять аршинъ, пудъ, разъ, сажень, человекъ* in še nektera druga, na primer: *до седих волосъ, до сивих власов . . .*

Sklanja druga.

§. 33.

Jednotnik.

1. 5. дѣл-о	2. -а,	3. -у,	4. -о,	6. -ѣ	7. -омъ
сердц-е	-а,	-у,	-е,	-ѣ	-емъ
пол-е	-я,	-ю,	-е,	-ѣ,	-емъ
послани-е,	-я,	-ю,	-е,	-и,	-емъ

Мно́жник.

<i>дѣл-а,</i>	-ѣ,	-амъ,	-а,	-ахъ,	-ами
<i>сердц-а,</i>	-ѣ,	-амъ,	-а,	-ахъ,	-ами
<i>пол-я,</i>	-ей,	-ямъ,	-я,	-яхъ,	-ями
<i>послани-я</i>	-й,	-ямъ,	-я,	-яхъ,	-ями.

§. 34. Po drugi sklanjji se sklanjajo statna srednjega spola; namreč:

1. Po primeri *дѣло* končea se na *o*: *слово, вино, золото, лѣто, мѣсто, село, мясо* . . .

2. Po primeri *сердце* končea se na *e* s mehkim predstoječim soglasnikom: *лице, бабуце велика бaba* . . .

3. Po primeri *поле*, končea se na jеровано *e*: *море* . . .

4. Po primeri *посланіе* končea se na jotovano *e*: *знаменіе, житіе, ученье, веселье, питье* . . .

§. 35. Ako bi se v radi drugem množnem preveč soglasnikov nabralo, kateri bi se težko izgovoriti dali, se med nje utekne pologlasnik, na primer: *сѣдло сѣделъ, весло весель, гумно гумень, окно окенъ, ребро реберь, ведро ведерь* . . .

§. 36. Mešovita sklanja. Nektera statna srednjega spola končujajo se na *я*, ktero stoji mesto staroslavjanskega *ѧ* in ktero se tukaj izgovarja kakor slovensko *e*, dobivljajo ustavko *ен* in se sklanjajo takole:

Једнотник.

1. 4. 5. *и-я,* 2. *-ени,* 3. *-ени,* 6. *-ени,* 7. *-енемъ.*

Мно́жник.

и-ена, *-енъ,* *-енамъ,* *-енахъ* *-енами.*

Tako se sklanjajo: *бремя, племя, стремя, семя, время.*

Tako se sklanjajo tudi statna srednjega spola končea se na *я*, ktera pomenijo mlade stvari živeče, samo s to razliko, da se jim ustavi *ят*; na primer: *жереб-я, -яти, -ятемъ*; pa se tako sklanjajo v ruščini samo v једнотнику. Običneje se piše mesto: *теля теляти, щеня, щеняти* . . . v једнотнику: *теленокъ, щенокъ* . . . v množniku: *теляци, щенки* . . .

Statni dve imeni *небо, чудо* dobite v celem množniku ustavko *ес*; *неб-о: неб-ес-а, неб-ес-ѣ, неб-ес-амъ* . . .

Sklanja tretja.

§. 37.

Jednotnik.

1. 5. <i>рыб-а,</i>	2. <i>-ы,</i>	3. <i>-ѣ,</i>	4. <i>-у,</i>	6. <i>-ѣ,</i>	7. <i>-ою</i>
<i>душ-а,</i>	<i>-и,</i>	<i>-ѣ,</i>	<i>-у,</i>	<i>-ѣ,</i>	<i>-ею</i>
<i>вол-я,</i>	<i>-и,</i>	<i>-ѣ,</i>	<i>-ю,</i>	<i>-ѣ,</i>	<i>-ею</i>
<i>змѣ-я,</i>	<i>-и,</i>	<i>-ѣ,</i>	<i>-ю,</i>	<i>-ѣ,</i>	<i>-ею.</i>

Множѣник.

<i>рыб-ы,</i>	<i>-ѣ,</i>	<i>-амѣ,</i>	= 1. ali 2.	<i>-ахѣ,</i>	<i>-ами</i>
<i>душ-и,</i>	<i>-ѣ,</i>	<i>-амѣ,</i>	= 1. ali 2.	<i>-ахѣ,</i>	<i>-ами</i>
<i>вол-и,</i>	<i>-ѣ,</i>	<i>-ямѣ,</i>	= 1. ali 2.	<i>-яхѣ,</i>	<i>-ями</i>
<i>змѣ-и,</i>	<i>-ѣ,</i>	<i>-ямѣ,</i>	= 1. ali 2.	<i>-яхѣ,</i>	<i>-ями.</i>

§. 38. Po tretji sklanji se sklanjajo statna ženska končea se na samoglasnik, namreč:

1. Po primeri *рыба* končea se na tverd ali obojen soglasnik pred *a*: *жена, короѣа, коса, вода, рана, солома* . . .

2. Po primeri *душа* končea se na mehек soglasnik pred *a*: *кожа, вѣжа, стража, лрѣжа, предѣра, пища, овца* . . .

3. Po primeri *воля* končea se na jerovano *я*: *земля, постеля, дыня, вечера, куделя, пустыня, милостыня* . . .

4. Po primeri *змѣя* končea se na jotovano *я*: *лодья* . . .

§. 39. Ako bi se v drugem padi množnikovem preveč soglasnikov nabralo, kateri bi se težko izgovoriti dali, se utekne med nje obično pologlasnik *e*; pred ali po tverдih soglasnikih *г, х, к* rak *о*: *метла метель, земля земель, капля капель, гривна гривенѣ, поповна поповенѣ, сестра сестерѣ — игла иголь, игра игорѣ, розга розогѣ, бабка бабокѣ, доска досокѣ* . . .

Med lahkoizgovorljive soglasnike *зд, ст, ск, шч* se pologlasnik blagoglasni ne stavlja: *узда уздѣ, невѣста невѣстѣ, войска войск* . . .

Sklanja четѣрта.

§. 40.

Jednotnik.

1. 5. <i>кост-ѣ,</i>	2. <i>-и,</i>	3. <i>-и,</i>	4. <i>-ѣ,</i>	6. <i>-и,</i>	7. <i>-ѣю (ію)</i>

Множѣник.

<i>кост-и,</i>	<i>-ей,</i>	<i>-ямѣ,</i>	<i>-и,</i>	<i>-яхѣ,</i>	<i>-ями.</i>

§. 41. Po četvrti sklanji se sklanjajo statna ženska končeca se na soglasnik romehčan, to je, jerovan; na primer: *область, честь, користь, крѣпость, челюсть, смерть, кльть, память, рѣчь, мысль, соль, мочь, ночь. печь . . .* tudi čisla: *пять, шесть, семь, осьм . . . до тридесять.*

Statna četverte sklanje na mehkek soglasnik pred jerom (ь) dobivajo v padih množnikovih 3. 6. in 7. koncovke nejerovane *амъ, ахъ, ами*; na primer: *ночь: ночамъ, ночахъ, ночами.*

§. 42. Statni dve imeni *мать* in *дочь* hči imate prirastek *ер* in se sklanjate takole:

Jednotnik.

1. 4. 5. *мат-ь,* 2. 3. 6. *-ери,* 7. *-ерю*
доч-ь, *-ери,* *-ерю*

Множник.

1. 5. *мат-ери,* 2. 4. *-ерей,* 3. *-ерямъ,* 6. *-еряхъ,* 7. *-ерями*
доч-ери, *-ерей,* *-ерямъ,* *-еряхъ,* *-ерями.*

§. 43. Zanimiva in važna vlastnost naše slovenščine obstoji v sledečem:

Ruščina sklanja 3. 6. in 7. pad množni na *амъ, ахъ, ами* in na *ямъ, яхъ, ями*:

3. *рабамъ, конямъ,* 6. *рабахъ, коняхъ,* 7. *рабами, конями*
дѣламъ, полямъ, *дѣлахъ, поляхъ,* *дѣлами, полями*
рыбамъ, волямъ, *рыбахъ, воляхъ,* *рыбами, волями.*

Na tenko tako govorimo mi Slovenci in smo tako do leta 1846. tudi pisali *ат, ах, ами*; na primer: 3. *робат,* 6. *робах,* 7. *с робами.* To je zato tako važno, ker se teh koncovek služimo zajedno Slovenci in Rusi, nas blizo 52 milijonov duš.

О zaimeni.

§. 44. Zaimena so ali statna ali pridavna. Statna so: *я, ты* in *себя*; sklanjajo se takole:

Jednotnik.

1. *я,* 2. *меня,* 3. *мнѣ,* 4. *меня,* 6. *мнѣ,* 7. *мною*
ты, *тебя,* *тебѣ,* *тебя,* *тебѣ,* *тобою*
 — *себя,* *себѣ,* *себя,* *себѣ,* *собою.*

Мноžnik.

мы,	насъ,	намъ,	насъ,	насъ,	нами
вы,	васъ,	вамъ,	васъ,	васъ,	вами.

Padi jednotni 2. 3. 4. se tudi pokračeno pišejo: 2. 4. (мя, ты) ся 3. (ми, ти, си).

Sadajna književna ruščina se nekako varuje teh kratkih padov, ki so tudi še denešen den navadni v govori ruskega ljudstva.

§. 45. Zaime pridavno *онъ, оно, она* se sklanja takole:

Jednotnik.

m. 1. <i>онъ</i>	} 2. <i>его</i> , 3. <i>ему</i> , 4. <i>его</i> , 6. <i>немъ</i> , 7. <i>имъ</i>
sr. <i>оно</i>	
ž. <i>она</i>	

Мноžnik.

m. <i>они</i>	} <i>ихъ</i> , <i>имъ</i> (<i>я</i>) <i>ихъ</i> , <i>ихъ</i> , <i>ими</i> .
sr. <i>онѣ</i>	
ž. <i>онѣ</i>	

Temu zaimenu se predstavlja *и*: 1. v početku govora, 2. po predlogih, na primer: *отъ него*, *къ нему*, *къ ней*, *къ нимъ*, *съ нимъ*, *надъ ними* . . . 3. kadar se to zaimo važno izgovori.

Po predlogih, kateri terjajo 4. pad, glasi 4. pad možki jednotni po staroslavjanski *и*, po ruski se pak pokrati na polglasnik *ь* in temu se predstavi *и* = *нъ*: *понъ*, *нанъ* . . . tako tudi v slovenščini mesto: *po njega*, *na njega* . . . se more reči in pisati: *понј*, *нанј* . . .

2. pad ženski jednotni *ея* se ima čitati *jeje*, ker stoji mesto staroslavjanskega *юѣ* = *jejen*.

§. 46. *Мой, мое, моя* se sklanja takole:

Jednotnik.

m. 1. <i>мой</i>	} 2. <i>моего</i> , 3. <i>моему</i> , 4 = 1. ali 2. 6. <i>моемъ</i> , 7. <i>моимъ</i>
sr. <i>мое</i>	
ž. <i>моя</i>	

Мноžnik.

мои, *моихъ*, *моимъ*, = 1. ali 2. *моихъ*, *моими*.

Tako se sklanjajo tudi: *твой, свой, нашъ, вашъ, сей (та) sie, сiя*.

2. pad jednotni ženski *моя* se ima čitati *мојеје*, ker *я* stoji tukaj za staroslavjansko *ѧ = en*.

1. pad množni ima po ruski za vse tri spole samo *мои*; bolje ima slovenščina, ktera spole razlikuje: *моји, моја, моје*.

§. 47. Zaimе *тоѡъ, то, та* se sklanja takole;

Jednotnik.

m. 1. <i>тоѡъ</i>	}	2. <i>того</i> , 3. <i>тому</i> , 4. = 1. ali 2. 6. <i>томъ</i> , 7. <i>тѡмъ</i> .
sr. <i>то</i>		
ž. <i>та</i> , <i>тоя</i> , <i>той</i> , <i>ту</i> , <i>той</i> , <i>тою</i> .		

Množnik.

тѡ, тѡхъ, тѡмъ == 1. ali 2. *тѡхъ, тѡми*.

Tako se sklanjajo: *этотъ, это, эта*; *одинъ, одна, одна; самъ, само, сама* in nektera na *ой*: *такой, какой, никакой, нѡкій, нѡкое, нѡкоя*.

§. 48. Zaimeni *кто* in *что* se sklanjate takole:

1. <i>кто</i> , 2. <i>кого</i> , 3. <i>кому</i> , 4. <i>кого</i> , 6. <i>комъ</i> , 7. <i>кѡмъ</i>
<i>что</i> , <i>чего</i> , <i>чему</i> , <i>что</i> , <i>чемъ</i> , <i>чѡмъ</i> .

O imeni pridavnem.

§. 49. Pridavna imena se delijo, kakor imena statna, na tverda in mehka, jerovana in jotovana; zraven še na izvestna in na neizvestna.

Po izvestno se sklanja ime pridavno, kadar stoji pri nekem statnem imeni opredeljenem, točno naznačenem, na primer: *Подaj meni (та, тисти, они) светли ноѡъ*.

Po neizvestno se sklanja ime pridavno, kadar stoji pri nekem statnem imeni neopredeljenem, točno ne naznačenem, na primer: *Подaj meni (неки, kterikoli, kteribodi) светел ноѡъ*.

Sklanja izvestna.

§. 50. Izvestna sklanja ima četiri primere: tverd, mehек, jerovan in jotovan.

Tverd primer.

Jednotnik.

m. 1. <i>прав-ый</i>	} 2. -аго, 3. -ому, 4. = 1. ali 2. 6. -омь, 7. -ымь
sr. <i>прав-ое</i>	
ž. <i>прав-ая, -ія, -ой, -ую</i>	

Множѣник.

m. 1. <i>прав-ые</i>	} -ыхъ, -ымь, = 1. ali 2. -ыхъ, -ыми.
sr. <i>прав-ыя</i>	
ž. <i>прав-ыя</i>	

Tako se sklanjajo pridavna imena izvestna:

1. Ktera imajo v koncovki tverd soglasnik, na primer: *нов-ый, -ое, -ая; добр-ый, -ое, -ая*; tudi pridavna ktera imajo v koncovki *г, х, к, само* da se jim pristavi v množniku *ихъ, имь, ими*, na primer: *строг-ий, -ое, -ая; сух-ий, -ое, -ая; крѣпк-ий, -ое, ая . . .*

2. Čísła redovna: *первый, второй, четвертый, пятый, шестой . . .*

3. Pridavna tverda upotrebavana za imena vlastna; na primer: *подданный, сватый, мостовое (mostovina), дымовое (dimarina), Трубецкой, Раевская, Пожарская . . .*

§. 51.

Mehek primer.

Jednotnik.

m. 1. <i>свѣж-ий</i>	} 2. -аго, 3. -ему, 4. = 1. ali 2. 6. -емь, 7. -имь
sr. <i>свѣж-ее</i>	
ž. <i>свѣж-ая, -ей, -ей, -ую, -ей, -ею.</i>	

Множѣник.

m. 1. <i>свѣж-ие</i>	} -ихъ, -имь, = 1. ali 2. -ихъ, -ими.
sr. <i>свѣж-ія</i>	
ž. <i>свѣж-ія</i>	

Tako se sklanjajo pridavna izvestna:

1. Ktera imajo v koncovki mehki soglasnik *ж, ш, ч, щ*, na primer: *нѣш-ий, -ее, -ая; дремуч-ий, -ее, -ая (temen, na primer gojzd), видящ-ий, -ее, -ая . . .*

2. Pridavna stopnjevana na *ий, шее, шая*, na primer: *богатѣйшій, слабѣйшій, строжайшій, младшій . . .*

3. Pridavna mehka upotrebovana za imena vlastna, na primer: *конюший* (Stallmeister), *ниций бераѣ*, *прихожая пред-јизба* . . .

§. 52. Jerovan primer.

Jednotnik.

m. 1.	<i>син-ій</i>	} 2. -яго, 3. -ему, 4. = 1 ali 2. 6. -емъ, 7. -имъ
sr.	<i>син-ее</i>	
ž.	<i>син-яя, -ей, -ей, -юю, -ей, -ею.</i>	

Мноџник.

m. 1.	<i>син-іе</i>	} -ихъ, -имъ, = 1. ali 2. -ихъ, -ими.
sr.	<i>син-ія</i>	
ž.	<i>син-ія</i>	

Tako se sklanjajo pridavna izvestna s koncovko jero-vano, na primer: *прежи-ій, -ее, яя*; *древн-ій, -ее, -яя старо-давни* . . .

§. 53. Jotovan primer.

Jednotnik.

m. 1.	<i>рыби-и</i>	} 2. -яго, 3. -ему, 4. = 1. ali 2. 6. -емъ, 7. -имъ
sr.	<i>рыбь-е</i>	
ž.	<i>рыбь-я, -ей, -ей, -ю, -ей, -ею.</i>	

Мноџник.

m. sr. ž.	<i>рыбь-и, -ихъ, -имъ, = 1. ali 2. -ихъ, -ими.</i>

Tako se sklanjajo pridavna izvestna s koncovko joto-vano, od živečih stvari izpeljana, na primer: *вдовиій, вдовье, вдовья*; *олений, оленье, оленья, jelenji*, *курий, курье, курья*; *козий, козье, козья*; *медвѣжий, медвѣжье, медвѣжья*; *волчий, волчье, волчья*; *двучий, двучье, двучья* . . . tudi: *третий, третье, третья*; *чей, чье, чья, ѣдав*.

Pologlasnik *ь* se stavlja v vseh padih tega primera zvunaj v radi 1. jednotnem mežkega spola, kjer se stavlja *и*; dve pridavni imeni *божий* in *вражий* imate pak *и* v vseh padih in spolih.

Sklanja neizvestna.

§. 54. V obče se sklanjajo po ruski pridavna neizvestna v jednotniku kakor imena statna, na primer od pridavnega tverdega *петров-ъ, -о, -а* se sklanja *петровъ* kakor *рабъ, пе-*

трово kakor *дѣло*, *петрова* kakor *раба*; od pridavnega jero-
vanega *син-ь*, *-е*, *-я*, se sklanja *синь* kakor *конь*, *сине* kakor
поле, *синя*, kakor *воля*, samo 6. pad jednotni možki in sred-
nji tverdih se konči na *ымъ*, jerovanih na *имъ* — v množniku
se pak sklanjajo vsa neizvestna ravno tako kakor izvestna.

Tverd primer.

Jednotnik.

m. 1. *петров-ъ* } 2. *-а*, 3. *у*, 4. = 1. ali 2. 6. *-ѣ*, 7. *-ымъ*.
sr. *петров-о* }
ž. *петров-ѣ*, *-ы*, *ой*, *-у* *-ой*, *-ою*.

Množnik.

m. sr. ž. 1. *петров-ы*, *-ихъ*, *-ымъ*, = 1. ali 2. *-ихъ*, *-ими*.

§. 55. Tako se sklanjajo pridavna prisvajajoča:

1. Na *овъ*, *ово*, *ова*, in na *евъ*, *ево*, *ева*, na primer: *поп-
овъ*, *-ово*, *-ова*; *отц-евъ*, *-ево*, *-ева* . . .

2. Na *инъ*, *ино*, *ина*, na primer: *матер-инъ*, *-ино*, *-ина*;
дяд-инъ, *-ино*, *-ина* . . .

3. Tudi druga pridavna tverda, kadar se jih služimo po
neizvestno, kar je v književni ruščini navadno skoro samo v
padi 1. jednotnem in množnem, na primer: *нов-ъ*, *-о*, *-а*;
бѣл-ъ, *-о*, *-а* . . . rusko prostorečje, se dosta pogosto služi
te krasne in jederne sklanje neizvestne v vseh padih, kakor v
primeri stoji.

V prostorečji se konči 6. pad jednotni možki in srednji
na *омъ*, na primer: *петровомъ* . . . ženski 2. pad pak na *ой*:
петровой . . .

§. 56.

Jerovan primer.

Jednotnik.

m. 1. *син-ь* } 2. *-а*, 3. *-ю*, 4. = 1. ali 2. 6. *-емъ*, 7. *-имъ*.
sr. *син-е* }
ž. *син-я*, *-ей*, *-ей*, *-ю* *-ей*, *-ею*.

Množnik.

m. sr. ž. 1. *син-и*, *-ихъ*, *-имъ*, = 1. ali 2. *-ихъ*, *-ими*.

Pada množna 1. in 4. imata vse spole, ako je pridavno
tverdo, *и*, ako je mehko, *и*; Slovenci pak razlikujejo spole,
1. *sinj-i*, *-а*, *-е* (moder, plav); 4. *sinj-e*, *-а*, *-е*.

§. 57. V podobi prislovov se je v ruščini in slovenščini neizvestna sklanja še dosta pogosto obdržala, na primer: pad 2. *до сыта, до чиста, до полна, изъ далека, изъ млада, съ перва* . . . 3. *по малу, по розну* . . . 6. *въ давнѣ, въ новѣ* . . .

Stopnjevanje.

§. 58. Stopnja 2. se naredi:

1. Ako se imenu pridavnemu mesto koncovke prve stopnje *ий* ali *ій* pristavi *вѣишій, вѣишее, вѣишая*, na primer: *бѣл-ый бѣл-вѣишій, -вѣишее, вѣишая; слаб-ый. слаб-вѣишій, -вѣишее, -вѣишая* . . .

Ako se penj pridavnega konči na *г, х, к, д, ст* se ti soglasniki spremenijo v soglasnike mehke *ж, ш, ч, жд, щ*, in se pristavi koncovka *айшій, айшее, айшая*, na primer: *строг-ий, строж-айшій, -айшее, -айшая; ветх-ий, ветш-айшій, -айшее, -айшая; крѣпк-ий, крѣпѣ-айшій, -айшее, айшая; толст-ый, толщ-, -айшій, -айшее, -айшая* . . .

2. Mnogim pridavnim se mesto koncovke prve stopnje pristavi samo *ишій, шее, шая*, na primer: *млад-ый, млад-ишій, -шее, -ая; стар-ый, стар-ишій, -шее, -шая* . . .

Končeca se na *кій, скій* ali odmetnejo to koncovko in sprimejo *ишій, шее, шая*, na primer: *низ-кій. низ-ишій; шир-окій, шир-ишій; выс-окій, выс-ишій* . . . ali pak se *к* ne odmetne, nego se spremeni na *ч* in se pristavi *айшій, айшее, айшая*, na primer: *далек-ий, далеч-айшій, глубок-ий, глубоч-айшій*.

3. Se stavi mesto imena pridavnega prislov v drugo stopnjo, kateri, to se ve, se ne sklanja. Naredi se takole: mesto koncovke prislova stoječega v prvi stopnji *а* se privesi *ѣе*: *богат-о, богат-ѣе; нов-о, нов-ѣе; остр-о, остр-ѣе*.

Ako se koren prislova konči na *г, х, к, д, ст*, se ti soglasniki spremenijo v *ж, ш, ч, ж, щ* in se jim pristavi samo *е*, na primer: *дорог-о, дорож-е, глух-о, глуш-е, тверд-о, тверж-е, толст-о, толщ-е* . . .

Prislovi končeci se na *ко, око* odmetnejo to koncovko in soglasnik korenji se pomehča, na primer: *уз-ко, уж-е, близ-ко, ближ-е, низ-ко, ниж-е, шир-око, шир-е, выс-око, выш-е* . . .

§. 59. Stopnja tretja pridavnih se naredi:

1. Ako se drugi stopnji predstavi *най*, na primer: *най бѣлѣишій, най слабѣишій, най младшій* . . . ali tudi tako, da

se *най* ne predstavi, nego da se samo misli *най* ali *изъ* *всѣхъ*, na primer: *богатѣйшій, старшій* . . . po slovenski se *най* vsegdar predstavi: *най богатејши, най старши* . . .

2. Ako se prvi stopnji predstavi *пре* ali *все*, na primer: *пребогатый, превысокий; всеблагий, всесвятый* . . . V ruščini se včasih predstavi *пре* ali *все* tudi drugi stopnji, na primer: *всепокорнѣйшій, всеиужайшій* .

3. Ako se prvi stopnji predstavi *самый, самое, самая*, na primer: *самый легкій, най легчејши, самая кроткая, най кротчејша, самые бѣлые, най бељеје* . . .

§. 60. Sledeča pridavna se stopnjujejo nepravilno:

*великій большій величайшій,
высокій высшій высочайшій,
малый меньшій малѣйшій,
низкій низшій нижайшій,
добрый добрѣе (хорошій) лучшій.*

§. 61. Tretja stopnja prislovov se naredi, ako se drugi stopnji predstavi slovo *всѣхъ*; na primer: *всѣхъ богате, най богатејше, всѣхъ поуде, най новејше, всѣхъ бѣлде най бељеје* . . .

О čisliteljnem imeni.

§. 62. Čisliteljna imena osnovna so:

одинъ, одно, одна; два, двѣ; три, четыре, пять, шесть, семь, осемь, девять, десять, сто, тысяча.

Sklanjajo se takole:

одинъ, одно, одна se sklanja kakor *тогъ, то, та*, samo v radi 7. jednotnem ima *одинмъ* in v radi 1. množnem *одни*.

Два, двѣ se sklanja takole:

m. sr. 1. 4. *два*, ž. *двѣ*, 2. 6. *двухъ*, 3. *двумъ*, 7. *двѣма*.

Tako se sklanja tudi: *оба, обѣ*.

Po slovenski se sklanja *два, две; оба, обе* pravilneje takole:

m. 1. 4. *два*, sr. ž. *две*, 2. 6. *двехъ*, 3. *двѣта*, 7. *двѣта*.

Три in *четыре* se sklanjate jednako:

1. 4. *три*, 2. 6. *трехъ*, 3. *трѣмъ*, 7. *трѣя*.

четыре - *е*, *-ехъ*, *-емъ*, *-мя*.

Pad 7. *тремя, четырьмя* ima koncovko dvojnikovo; po slovenski : *s tremi, četirni*.

§. 63. Čisliteljna od *пять* do *сто* so prava statna imena spola ženskega in se sklanjajo kakor *кость*:

Jednotnik.

1. 4. *пят-ь*, 2. *-и*, 3. *-и*, 6. *-и*. 7. *-ью*.

Множнѣк.

1. 4. *пят-и*, *-ей*, *-ямъ*, *-яхъ*, *-ями*.

§. 64. Čisla složena z bosedo *на*:

11 *одинъ надесять*, 12 *два надесять*, 13 *три надесять*, 14 *четыре надесять*, 15 *пять надесять*, 16 *шесть надесять*, 17 *седьмь надесять*, 18 *осьмь надесять*, 19 *девять надесять*.

Čisla složena bez slova *на*:

20 *двадесать*, 30 *тридесать*, 40 *четыредесать*. 50 *пятьдесать*, 60 *шестьдесать*, 70 *седьмьдесать* 80 *осьмьдесать*, 90 *девятьдесать*.

Mesto *четыредесать* se piše tudi *сорокъ*, mesto *девятьдесать* *девятносто*, mesto *седьмь* menje dobro *семь*; čisla od 11 do 19 se menje dobro tudi pokračujujejo: *одинацать*, *двѣнадцать*, *тринадцать*, *четыринадцать* . . . tako tudi desetke: *двацать*, *трицать*, *сорокъ* . . .

Сто je statno ime tverdo srednjega spola in se sklanja po primeri *дѣло*, dvojnik *двѣ сти*, množnik *три*, *четыре ста*, *пять*, *шесть* . . . *сотъ*. *Тысяча* je statno ime spola ženskega in se sklanja po primeri *душа*.

§. 65. Čisla redovna so pridavna in se sklanjajo po tverdem primeri *правый*, samo *третій* po jotovanem *рыбий*, na primer: *перв-ый*, *-ое*, *-ая*, *второй*, *четвертый*, *пятый*, *шестой*, *седьмой*, *осьмой*, *девятый*, *десят-ый*, *-ое*, *-ая*.

Čisla redovna od 11 do 19 so ravno tista, kakor od *перв-ый* do *девятый* in se tako tudi sklanjajo, samo da se vsakemu pristavi nespremenljivo slovo *надесять*: *перв-ый*, *-ое*, *-ая* *надесять*; *второй* *надесять* . . . Tudi narejajo Rusi čisla redovna tako, kakor Slovenci, da se te dve čisli sjedinite v jedno slovo, na primer: *одиннадесят-ый*, *-ое*, *-ая*; *двѣннадесят-ый*, *-ое*, *-ая* . . .

Desetke se izpeljujejo scela pravilno: *двадесатый*, *тридесатый*, *четыредесат-ый*, *-ое*, *-ая* . . .

§. 66. Čisla redovna višja, ktera segajo v stotine in tisuče, se skladajo tako, da se stavijo vse sama nespremenjena čisla osnovna in da je samo poslednje čislo redovno, ktero se sklanja, na primer: *тридесатимлѣтняя война началась въ тысячу шестсотъ осмь надесятюмъ году* (leti).

O glagolji.

§. 67. Deli glagoljevi so: koren, prehodni slog in koncovka časovavna, na primer v glagolji *дѣл-а-ть* je *дѣл* koren, *а* prehodni slog, *ть* časovavna koncovka. Koren s jedinen s prehodnim slogom *дѣла* se imenuje penj glagoljev. Nekteri glagolji neimajo prehodnega sloga, na primer: *нес-ти*, tadaj je koren glagoljev zajedno tudi penj njegov.

§. 68. Glagolji se delijo po naravi svoji na jednostavne in složene, na izvirne in izpeljane. Jednostavni so, kteri niso sestavljeni s predlogom; na primer: *нести*, *писать* . . . Složeni so, kteri so s predlogom sestavljeni: *отнести*, *написать* . . . Izvirne imenujemo glagolje, kteri imajo koren svoj v glagolji, na primer: *сидѣть*; izpeljane, kteri imajo svoj koren v drugih besedah, v statnih, pridavnih in tako dalje, na primer: *вечерять* od *вечерь*, *трубить* od *труба* . . .

§. 69. Po prehodnem slogu se glagolji delijo na šest obrazov:

1. brez prehodnega sloga: *нес-ти*, *би-ть*.
2. Prehodni slog *ну*: *дѣи-ну-ть*.
3. " " *ѣ*: *рад-ѣ-ть*.
4. " " *и*: *хвал-и-ть*.
5. " " *а*: *дѣл-а-ть*.
6. " " *ова*: *куп-ова-ть*.

Vsi glagolji se ne morejo staviti v vse obraze, nego samo v tiste, kteri se njih naravi priliježjo.

§. 70. Po trajanji se delijo glagolji na 4 vide in ti so: 1. vid dokončavni, 2. vid nedokončavni trajavni, 3. nedokončavni ponavljavni, 4. nedokončavni mnogokratni.

Vida ponavljavni in trajaven se neredko stavljata jeden mesto drugega.

Razlikovati glagolje po obrazih in vidih je tako važno, da se ne more pravi značaj glagolja dobro razumeti, ako se razlika in znamenovanje teh obrazov in vidov dobro ne razumi.

§. 71. Po pomeni so glagolji:

1. Dokončavni, kateri kažejo, da se nekaj jedenkrat do konca stvari, dogodi, naredi, dodela, na primer: *принести, двинуть, прилетѣть, похвалить, додѣлать, написать, презимовать* . . .

2. Nedokončavni trajavni, kateri kažejo, da se nekaj jedenkrat neopredeljeno dolgo dela, godi, na primer: *нести, летѣть, хвалить, дѣлать, писать* . . .

3. Nedokončavni ponavljavni, kateri kažejo, da se nekaj večkrat ali stvari, dogodi, naredi, dodela, — ali da se večkrat dela, godi, na primer: *падать, нападать, куповать* . . .

4. Nedokončavni mnogokratni, kateri kažejo, da se nekaj večkrat v različnih dobah, s prestavkami zgadja, dela ponavlja, na primer: *капывать* od *копать*, *подкапывать*, *полетывать* . . .

§. 72. Po obrazi so glagolji:

1. Dokončavni:

- Glagolji složeni in jednostavni obraza drugega, na primer: *двинуть, метнуть*, — *передвинуть, отметнуть* . . .
- Glagolji složeni obraza prvega, tretjega in četrtega, ako v svojem obrazi ostanejo, na primer: *принести, вынуть* — *прилетѣть, посидѣть* — *похвалить, раздѣлить* . . .
- Glagolji složeni obraza petega, ako niso prenešeni iz prvih četririh obrazov v obraz peti, na primer: *написать, набрать, подкопать* . . .
- Glagolji složeni obraza šestega, ako niso izpeljani od glagoljev, nego od drugih besed, na primer: *навоевать, презимовать* . . .

Vsi drugi glagolji so nedokončavni in to:

2. Nedokončavni trajavni so:

- Glagolji jednostavni obraza prvega, tretjega, in četrtega, na primer: *нести, пить* — *летѣть, сидѣть* — *хвалить, дѣлать* . . .
- Glagolji jednostavni obraza petega, ako niso prenešeni iz prvih četririh obrazov, na primer: *писать братъ, копать* . . .

c) Glagolji jednostavni obraza šestega, ako niso izpeljani iz glagoljev, nego iz drugih besed, na primer: *воевать, зимовать*.

3. Nedokončavni ponavljavni so glagolji jednostavni in složeni:

a) Obraza petega, ako so prenešeni iz prvih četririh obrazov v obraz peti, na primer: *сб́дать, па́дать, ле́татъ — напа́дать, приле́татъ*.

b) Obraza šestega, ako so prenešeni iz nižjih obrazov v obraz šesti (včasih so tudi ponavljavni), na primer: *купо́ватъ, сб́рывать, помаз-ова́тъ, -ую*.

4. Nedokončavni mnogokratni so glagolji jednostavni in složeni obraza petega na *ывать, ываю*, na primer: *подкап-ывать, -ываю*.

§. 73. Nazorno bi se to moglo takole pokazati:

1. vid kakor jeden bod, ali kakor jedna pika.

2. " " jedna čerta

3. " ali — — — —

4. vid (.), (.), (.) in tako dalje, ali (— — — —), (— — — —) in tako dalje, morebiti tudi takole (—), (—), (—) in tako dalje.

§. 74. Obča poznamenovanja o oblikah časovavnih. Slovensčina ima dostizni način (supinum) in dvojnik tudi pri glagoljih, ruščina tega neima, zato pa ima pričastje sedajno terpeče, katero slovensčini menjka, na primer: od *дѣлать дѣлаем-ъ, -о, -а*; od *писать пишем-ъ, -о, -а*, to je, kar bi se imelo delati, pisati . . .

Pričastja so od glagoljev izpeljana pridavna, in se tudi sklanjajo kakor pridavna, na primer: *дѣлаел-ъ, -о, -а*; *дѣлан-ъ, -о, -а*; *дѣлав-ъ*, sr. ž. -ши; *дѣлаем-ъ, -о, -а* . . .

Dokončavni glagolji neimajo pričastja sedajnega terpečega.

Časovavne oblike so ali jednostavne ali složene. Jednostavne obstojijo samo iz jednega jedinega slova, na primer: *дѣлать, дѣлаю, дѣлаешь, дѣлаетъ* . . . složene iz več besed, na primer: *я дѣлалъ, буду дѣлать* . . .

§. 75. O časovavnih oblikah jednostavnih. Dve naj važnejše obliki jednostavne sta: nedoločni način (infinitiv) in se-

dajni čas, iz teh dveh se izpeljavajo vse časovavne oblike jednostavne.

Glagolji, kateri izpeljujejo vse časovavne oblike jedino iz nedoločnega načina, kakor iz jednega jedinega penja, se imenujejo jednopenji; glagolji pak, kateri izpeljujejo nekatere časovavne oblike iz nedoločnega načina, nekatere iz časa sedajnega, kakor iz dveh penjev, se imenujejo dvopenji.

Pri dvopenjih glagoljih se izpeljujejo iz nedoločnega načina sledeče časovavne slike: pričastje minulo časovavno, pričastje minulo čineče in pričastje minulo terpeče — vse druge časovavne oblike jednostavne se izpeljujejo iz časa sedajnega, namreč: velivni način, pričastje sedajno čineče in pričastje sedajno terpeče.

§. 76. Da se vse razlike časovanja vide, je potreba šest časovanj, katerih prvo in peto ima po dva primera:

Časovanje.

I.		II.		III.		IV.		V.		VI.	
Nedoločni način.											
нес	би	двѣ	рад	хвал	дѣл	пис	куп				
-ти	-ть	-нуть	-ѣть	-ить	-ать	-ать	-овать				
Pričastje minulo časovavno.											
-лъ	-лъ	-нулъ	-ѣлъ	-илъ	-алъ	-алъ	-овалъ				
Pričastje minulo čineče.											
-ъ	-въ	-нувъ	-ѣвъ	-ивъ	-авъ	-авъ	-овавъ				
Pričastje minulo terpeče.											
-енъ	-тъ	-нутъ	-ѣнъ	-енъ	-анъ	-анъ	-ованъ				
Čas sedajni.											
	бѣ						ниш				
1.	-у	-ю	-ну	-ѣю	-ю	-аю	-у	-ую			
2.	-ешъ	-ешъ	-нешъ	-ѣешъ	-ишь	-аешь	-ешъ	-уешь			
3.	-еть	-еть	-нетъ	-ѣеть	-ить	-аешь	-еть	-уетъ			
1.	-емъ	-емъ	-немъ	-ѣемъ	-имъ	-аемъ	-емъ	-уемъ			
2.	-ете	-ете	-нете	-ѣете	-ите	-аете	-ете	-уете			
3.	-уть	-ють	-нутъ	-ѣють	-ятъ	-иють	-уть	-уютъ			

Način velivni.

бе

2.3.	-и	-й	-нь	-ѣй	-и	-ай	-и	-уй
1.	-имъ	-ймъ	-нимъ	-ѣймъ	-имъ	-аймъ	-имъ	-уймъ
2.3.	-ите	-йте	-ните	-ѣйте	-ите	-айте	-ите	-уйте

Pričastje sedajno čineče.

би

-я,	-учи;	-я,	-учи;	-нучи-ѣя	-я,	-ячи-ая	-а	-уя

Pričastje sedajno terpeče.

-омъ	-емъ	—	-ѣемъ	-имъ	-аемъ	-емъ	-уемъ.

§. 77. Po prvem časovanji po primeri *нести* se časujejo glagolji obraza prvega, katerih penj sedajnega časa se konči na soglasnik, na primer na:

з, с: грызу *грысти*, лѣзу *лѣсти*, пасу *пастн* . . .

д, т: боду *бостн*, краду *крастн*, плету *плестн* . . .

в, б, н: гребу *грестн* . . .

г, х, к: стрижу *стричь*, пеку *печь*, теку *течь* . . .

л, р: мелю *мельет*, молотъ; мру *мрет*, мереть; тру, *терет* *тереть* . . .

§. 78. Primetbe.

1. V pričastji minulem časovavnem se po ruski neredko odmetne koncovka *л*, pa samo v padi 1. jednotnem možkega spola, na primer: *нести*, *нес-ѣ*, *-ло*, *-ла*; *везти*, *вез-ѣ*, *-ло*, *ла* . . .

2. Glagolji katerih penj sedajnega časa se konči na *д, т:*

a) Spremenijo v načini nedoločnem te dve pismeni na *с*, na primer: *бод-у*, *бос-ти*, *плет-у*, *плес-ти*, *крад-у*, *крае-ти* . . . v vseh drugih oblikah časovavnih pak ostaneta izvirna *д, т*.

b) Odmetnejo po ruski v pričastji minulem časovavnem *д, т*, na primer: *краду* *крал-ѣ*, *-о*, *-а*; *паду* *пал-ѣ*, *-о*, *а*; *плету* *плел-ѣ*, *-о*, *-а* . . . Slovenci te dve pismeni ne odmetnejo pišoč: *kradel*, *padel*, *pletel* . . .

3. Glagolji, katerih penj se konči na *с, б, н* radi odmetnejo ta pismena, pa samo v nedoločnem načini, na primer: *греб-у* *гре-сти* . . . Slovenci: *гребем*, *гребсти* . . .

4. Glagolji, katerih penj sedajnega časa se konči na, *г, х, к:*

a) Imajo nedoločni način takole; *пеку печь, стригу стричь, жгу жечь, могу мочь, влеку влечь, теку течь, ебку ебчь, толку толочь, тлеци тлечет* . . .

b) Spremenjajo *г, х, к* pred *е* v *ж, ш, ч* v časi sedajnem in v pričastji minulem terpečem, na primer: *пек-у, печ-ешь, -еть, -емъ, -ете, пекутъ; печ-ень; стри-у, стри-жешь, -еть, -емъ, -ете, стригутъ; стри-жень* . . . Pred *ѣ* in *и* se po ruski ta pismena ne spremenjajo, na primer v velivnem načini: *пеки, пекимы, пеките* . . . po slovenski se pak spremenijo: *pečī, pečimo, pečite* . . .

5. Nekaj malega glagoljev, katerih penj sedajnega časa se konči na, *л, р* ima nekatere nepravilnosti, na primer: *мру мрет, меръ вмерл, мертъ ромерт, мереть мрети; меляю тельем, мολола тлел, мολотъ тлет, мολотъ тлети* . . .

§. 79. Po prvem časovanju po primeri *битъ* se časujejo:

1. Glagolji prvega obraza, katerih penj se konči na čist samoglasnik *а, и, ъ, о, у* pa samo tadaj, kadar tak samoglasnik spada k korenu glagoljevemu, na primer: *пи-тъ, -ю; ли-тъ, -ю; кры-тъ, -ю; ры-тъ, -ю; грѣ-тъ, -ю; обу-тъ, -ю* . . .

2. Glagolji prvega obraza dvopenji, katerih penj nedoločnega načina se konči v staroslavjansčini na samoglasnik nosni *а*, v ruščini pak obično na *я, а*, penj sedajnega časa pak na *и* ali *и*. Sedajni čas in oblike od njega izpeljane se časujejo po primeri *несу*; so blizo sledeči: *ять иму, поjeti пажет; жать жму, žmeti žмет прање; пять пну, запети зарпет; мять мну, тети тнет; жать жну, žети ženjem; зачать зачну, зачети зачет*.

Мыть мѣи ima: *мою, моешь, моетъ* . . . po slovenski pak *mijem, mijesh, mije* . . .

§. 80. Po drugem časovanju se časujejo glagolji drugega obraza, na primer: *вернуть, гинуть, метнуть, мазнуть, понуть* . . .

Mnogi glagolji tega obraza radi odmetnejo soglasnik stoječi pred prehodnim slogom *ну*, na primer: *то (п) нуть, блес (к) нуть, ка(п)нуть, тля(г)нуть, вя(д)нуть, гля(д)-нуть* . . .

V pričastji minulem časovavnem se v časi prehodni slog more izpustiti, na primer: *погаснул-ъ, о-, -а*, ali: *погас-ъ, -ло, -ла*; tudi v pričastji minulem terpečem, posebno po *г, х, к*, na primer: *дви (г) нуть* ali *движен-ъ, о-, -а* . . .

§. 81. Po tretjem časovanju se časujejo:

1. Glagolji jednopenji tretjega obraza, to je, na *ѣтъ, ѣю, ѣешь* na primer: *богат-ѣтъ, -ѣю, -ѣешь; гов-ѣтъ, -ѣю, -ѣешь, postiti se; одол-ѣшь, ѣю, ѣешь, premagati; зелен-ѣтъ, -ѣю, -ѣешь; стар-ѣтъ, -ѣю, -ѣешь* . . .

2. Glagolji dvopenji, to je, na *ѣтъ, ю, ишь*. Sedajni čas in od njega izpeljane oblike se časujejo po časovanji četvertem, na primer: *гор-ѣтъ, -ю, -ишь*. Pisme stoječe na konci korena glagoljevega se pomehča pa samo jedino v prvi osobi jednotni sedajnega časa tako, da se spremenijo:

л, н, р, д, т, з, с, в, б, п, м,
na *ль, нь, рь, ж, ч, ж, ш, вль, бль, пль, мль;*
na primer: *звен-ѣтъ, -ю, -ишь; зр-ѣтъ, -ю, ишь; верт-ѣтъ, вер-чу, вертишь; лет-ѣтъ, лечу, леишь; вис-ѣтъ, вишу, висишь; кип-ѣтъ, -лю, ишь* . . .

3. Glagolji tretjega obraza, kateri imajo v nedoločnem načini in oblikah od njega izpeljanih po mehkih soglasnikih *ж, ш, ч, щ, (ј)* prehodni slog *а* mesto *ѣ*: *ать (ять) у, ишь*; sedajni čas in od njega odpeljane oblike se časujejo po časovanji četvertem, na primer: *бѣж-ать, -у, ишь; держ-ать, -у, -ишь; леж-ать, -у, -ишь; слыш-ать, -у, -ишь; крич-ать, -у, ишь; молч-ать, -у, -ишь* . . .

§. 82. Po četvertem časovanji se časujejo glagolji četverttega obraza. Pisme stoječe na konci korena časa nedoločnega se pri teh glagoljih pomehča pa samo v osobi 1. jednotni sedajnega časa in v pričastji minulem terpečem takole:

л, н, р, д, т, з, с, в, б, п, м,
na *ль, нь, рь, ж, ч, ж, ш, вль, бль, пль, мль,*
па-лить, -лю, -ленъ; бра-нить, -ню, -ненъ; ва-рить, -рю, -ренъ; бу-дуть, -жу, -женъ; му-тить, -чу, -ченъ; ра-зить, -жу, -женъ; га-сить, -шу, -шенъ; ло-вить, -влю, -вленъ; ва-бить, -блю, -бленъ; ку-пить, -плю, -пленъ; ло-мить, -млю, -мленъ . . .

§. 83. Po petem časovanji, po primeri *дѣлать* se časujejo glagolji petega obraza:

1. Jednopenji, to je, na *ать, аю, аешь*, na primer: *игр-ать, -аю, -аешь; пит-ать, -аю, -аешь; мот-ать, -аю, -аешь; руг-ать; -аю, аешь; гад-ать, -аю, -аешь; вал-ять, аю, -яешь* . . .

2. Glagolji dvopenji, to je, na *ать, у, ышь*, katerih penj sedajnega časa se konči na tverd soglasnik; sedajni čas in od

njega izpeljane oblike časovavne se časujejo po časovanji prvem po primeri *нести*, na primer: *брать, бер-у, -ешь; драсть, дер-у, -ешь; звать, зов-у, -ешь* . . .

3. Glagolji dvopenji, katerih penj sedajnega časa se konči na samoglasnik, to je, na *ять, ю, ешь*; sedajni čas in od njega izpeljane oblike časovavne se časujejo po časovanji prvem po primeri *бить*, na primer: *сб-ять, -ю, -ешь; ла-ять, -ю, -ешь; ма-ять, -ю, -ешь* . . .

§. 84. Po petem časovanji po primeri *писать* se časujejo glagolji dvopenji obraza petega, katerih koren nedoločnega načina se konči na tverd ali obojeten soglasnik:

л, и, р, д, т, в, с, г, х, к, в, б, н, м, koren sedajnega časa pak na soglasnik pomehčan:

ль, нь, рь, ж, ч, ж, ш, ж, ш, ч, вль, бль, пль, мль; na primer: *о-рать, -рю, -решь; гла-дать, -жу, -жешь; ка-зать, -жу, -жешь; пла-кать, -чу, -чешь; зо-вать, -блю, -блешь; сы-пать, -плю, плешь; дрв-мать, -млю, -млешь* . . .

Mnogo glagoljev obraza petega se more svobodno časovati ali po primeri *двлать* ali po primeri *писать*; mnogi samo po *двлать*, malokteri samo po *писать*, na primer: *капать, капаю in каплю; храмать, храмаю in храмлю; мигать, мигаю in мижу* . . . Tako tudi v slovenščini: *kapati, karati in karljem* . . .

Sledeči glagolji se nekako neobično zavijajo: *колоть колю, клати колjem; стлать стелю, слать шлю, послати pošljem; бороть борю, бурити burim; пороть порю, прати porjem šev* . . .

§. 85. Po šestem časovanji se časujejo glagolji obraza šestega, na primer: *сбровать, воевать, зимовать* . . .

§. 86. Časovavne oblike složene se slagajo iz glagolja, kateri se ima časovati in iz glagolja pomočljivega *быть, буду, есмь*.

Časovanje glagolja *быть, буду, есмь*.

Nedoločni način: *бы-тъ*

Pričastje minulo časovavno: *бы-ль, -ло, -ла*.

Pričastje minulo čineče: *бы-съ, sr. ž. виш*.

Pričastje minulo terpeče: *(до) бы-тъ, -то, -та*.

Sedajni čas.

Jedn. (*есмь, еси, есть*, mn. *есмы, есте, суть*).

Čas bodoči.

Jedn. *буд-у, -ешь, -етъ*, mn. *буд-емъ, -ете, -утъ*.
Velivni način.

Jedn. 2. 3. *будь*, mn. 1. *будьмъ*, 2. 3. *будьте*.

Pričastje sedajno: *будущ-и, -е, -а*.

Pričastje buduče: *будущ-и, -е, -а*.

Čas minuli.

Jedn. *я, ты, онъ, оно, она был-ъ, -о, -а*.

mn. *мы, вы, т. они, ср. ж. онѣ были*.

Želivni način.

Čas sedajni v vseh osebah jednotnih in množnih: *бы*.

Čas minuli.

Jedn. *бы был-ъ, -о, -а*, mn. *бы были*.

Mesto slovenskega: *sim, si, je, smo, ste, so* stavlja ruščina zaimena osebna: *я, ты, онъ, оно, она; мы, вы, т. они, ср. ж. онѣ*.

Želivni način je v ruščini se tako skerčil, da ima v vseh osebah samo *бы*, ktero slovo se, kakor nespremenno veže s slovom *да* v jedno slovo: *дабы*.

§. 87. Časovavne oblike složene so sledeče: 1. čas minuli, 2. čas bodoči, 3. način želivni sedajnega časa, 4. način želivni minulega časa. 5. smisel terpni.

§. 88. Oblike složene činečega smisla se časujejo takole:

Čas minuli.

Jedn. *я, ты, онъ, оно, она дѣлал-ъ, -о, -а*,

mn. *мы, вы, т. они, ср. ж. онѣ дѣлали*.

Čas bodoči.

Jedn. *дѣлать буду, будешь, будетъ*,

mn. *дѣлать будемъ, будете, будутъ*.

Želivni način.

Čas sedajni.

Jedn. *дѣлал-ъ, -о, -а бы*,

т. *дѣлали бы*.

Čas minuli.

Jedn. *был-ъ, -о, -а бы дѣлал-ъ, -о, -а*,

mn. *были бы дѣлали*.

Tako se v teh složenih časovavnih oblikah časujejo jednako vsi glagolji vseh časovanj.

§. 89. Nepravilni glagolji so sledeči in se časujejo takole: Nedoločni način.

всть, вѣдѣть, дать, имѣть, хотѣть,

Pričastje minulo časovavno. *вѣлъ, вѣдѣлъ, далъ, имѣлъ, хотѣлъ.*

Pričastje minulo čineče. *вѣдѣ, да, имѣ, хотѣ.*

Pričastje minulo terpeče. *вѣдѣнь, дань, имѣнь, хотѣнь.*

Čas sedajni.

Jedn. 1. *вѣмъ, вѣдѣмъ, дамъ, имѣмъ, хочу.*

2. *вѣшь, вѣдѣшь, дашь, имѣшь, хочешь.*

3. *вѣсть, вѣдѣть, дастъ, имѣть, захочетъ.*

mn. 1. *вѣдимъ, вѣдѣмъ, дадимъ, имѣмъ, хотимъ.*

2. *вѣдите, вѣдѣте, дадите, имѣте, хотите.*

3. *вѣдѣтъ, вѣдѣтъ, дадутъ, имѣтъ, хотятъ.*

(*дадутъ*).

Velivni način.

Jedn. 2. 3. *вѣжь, вѣжь, дай, имѣй, хоти.*

mn. 1. *вѣжьмы, вѣжьмы, даймъ, имѣймъ, хотимъ.*

2. 3. *вѣжьте, вѣжьте, дайте, имѣйте, хотите.*

Pričastje sedajno čineče.

вѣдя, вѣдя, —, имѣя, хотя.

Pričastje sedajno terpeče.

вѣдомъ, вѣдомъ, —, —, хотимъ.

O predlogu.

§. 90. Sledeči predlogi terjajo 2. pad:

у, до, отъ, изъ, безъ, съ.

Mnogi prislovi terjajo tudi 2. pad: *близъ, для zadel, кромѣ звинай, вмѣсто, около, сръди, вѣб, ради zavoſjo, унутри, возлѣ zraven, округъ, послѣ, сверху, окрестъ около, опречь . . .*

Pad 3. terja *къ* in prislov *прямо*.

Pad 4. terjajo: *объ, чрезъ, про за, низъ, сквозь, съ близъ*, na primer: *пришло челоуѣкъ съ (bliz) десятъ.*

Pad 6. terja *при*.

Pad 7. terja *съ* (cum, mit).

Pada 4. obično na pitanje, kam? in 6. na pitanje kje? terjajo: *о, съ, на, по.*

Po ruski terja *po* tudi še tretji pad: *лазить по горамъ, поступать по законамъ*.

Pad 4. obično na pitanje kam? in 7. na pitanje kje? terjajo; *надъ, подъ, предъ, за*.

Po ruski terja predlog *между* med pad 2. in 7.: *между досокъ прошла вода, медъ десками је текла вода; быть между страхомъ и надеждою, biti medъ strahom in upanjem*.

O skladnji besed.

§. 91. *Себя, себѣ, ся* se stavljajo v ruščini kakor v slovenščini ne samo za tretjo osobo, nego tudi za prvo in drugo, ako je djanje, o katerem se govori, obračeno na podmet (subject): *я себя знаю* pa ne *меня*; *ты себя бережешь, ти за себе skerbiš*, pa ne *тебя*; *онъ себя одбываетъ*, pa ne *его*; *мы себя обманываемъ, mi себе goljfasto*, pa ne *насъ* . . .

§. 92. Zaimе prisvajajoče *свой, свое, своя*, se stavlja po ruski in po slovenski v vseh spolih in padih ne samo za tretjo osobo, nego tudi za prvo in drugo, to je, mesto *мой, нашъ, твой, вашъ*, ako se nekaj privlastjuje podmetu: *я даль это своему отчиму и твоей мачыхъ; онъ любитъ своего пасынка и твою унучку* . . .

Naprotiv kadar se kaj ne privlastjuje podmetu, se stavlja za prvo osobo *мой, нашъ*, za drugo *твой, вашъ*, za tretjo možko in srednjo *его*, za žensko *ее*, za množnik *ихъ*; po slovenski za tretjo osobo možko in srednjo se pak stavlja: *нјегов, -о, -а*, za žensko: *нјейн, -о, -а*, za množnik *нјихов, -о, -а*, na primer: *я хвалилъ его дочь, jaz sem hvalil nјегово hći; я мужа ее не знаю, jaz тожа нјенега не познам; ты познакомилсъ давно съ братомъ ихъ, ti si se давно прознал s нјиховим братом* . . .

§. 93. Da se naredi govor zanikajoči, mora se po ruski in po slovenski postaviti slovo *не* pred glagolj, ako ravno bi bila v povedi uže druga zanikajoča slova: *никто, ничто ницъ, никогда николи, николи, никуда никатор*, na primer: *я никого не видѣлъ, я ничего не слыхалъ, онъ никуда не ходитъ* . . .

§. 94. V ruščini kakor v slovenščini terjajo pad drugi zvanj imenovanih predlogov še:

1. *ne, нѣтъ, (нѣ)*, na primer: *не дѣлай зла; не тѣряй (zapravljaj) времени; про него нѣтъ извѣстiя; не видно перемѣни . . .*

2. Sledeča in njim podobna pridavna: *полокъ poln, достоинъ, vreden, лишениый, скуденъ potreben . . .*, na primer *сосудъ полный воды, posoda polna vode; человекъ достойный почтенiя, лишениъ всего имѣнiя . . .*

3. Pridavna imena in prislovi stoječi v drugi stopnji, kadar je v povedi izpuščeno *нежели, чѣмъ*, na primer: *четъ дороже золота; Метузаиль жилъ болѣе всѣхъ, Metusalem je živel dalje (od) vseh.*

4. Čisla osnovna višja od *пять* so statna imena ženskega spola in tirjajo drugi pad množni soštevanih stvari: *чувствъ считается пять; шесть рублей; тридцать курцовъ.*

5. Čisla obča: *много, мало, довольно, сколько, столько, нѣсколько . . .* na primer: *много работы, мало времени, много дела мало časa; сколько (естъ) дней въ году? Koliko je dni v leti?*

6. Nekteri glagolji pomeneči nekako željo ali čut: *жадать, tirjati, желать, искать, просить, чаять čakati, прѣбавать, достигать doseči . . .* na primer: *я ожидаю отъ васъ прощения; желать случая; искать мѣста; онъ просилъ въ васъ милости . . .*

7. Skoro vsi glagolji povračajoči: *онъ боится кошекъ и науковъ; я держусь его мнѣнiя; tako tudi glagolji: стыдиться, дожидаться, спрашиваться, страшиться, схватиться . . .*

8. Imena statna, ktera pomenijo neizvestno množino: *хлѣбъ, вода, вино, мука, жито . . .* se stavijo v drugi pad, kadar se govori o jednem deli stvari, ker se tadaj razumi slovo *нѣсколько, нѣчто, много, мало*, na primer: *принеси (нѣсколько) воды, вина, дровъ.* Kadar se pak govori o celi stvari, se stavijo taka statna imena v pad 4.: *носить воду, вино, дрова . . .*

§. 95. Čas in čislo (datum) se more naznačiti ali s padom drugim: *это случилось пятого января тысяча осмь сотъ шестьдесятъ перваго года; ali s padom četvertim: десятый годъ живу здѣсь, deseto leto živim tukaj.*

§. 96. Statno ime, ktero kaže čigava je neka osoba ali stvar, se stavi v drugi pad, pa samo tadaj, kadar ima pri sebi pridavno ime, na primer: *сынъ Бога живаго; престолъ царя*

китайскаго. — Kadar bi pak imelo tako statno ime stati samotno v padi drugem, se tisto ne stavi v pad 2. nego se spremeni v pridavno ime na *ый, ій, ов, ев, инъ*, ali *скій*, na primer: *сынъ божій, домъ Давидовъ; рука царева, царскій престолъ* . . .

§. 97. Kadar se nekaj privlastuje samo jedni osobi ali stvari, se stavi pridavno s koncovko *овъ, евъ, инъ*, na primer: mesto *голова мужа* — *голова мужева*; mesto *образъ дѣвицы* — *образъ дѣвичинъ*; kadar se pak *nekaj* privlastuje več osobam ali stvarjem ali celi družbi, ali celemu stanu, se stavi pridavno s koncovko *скій* ali *ій*, na primer: mesto *дѣло мужей* — *дѣло мужское*; mesto *обычай дѣвиць* — *обычай дѣвичій*.

Vse to je tako tudi v slovenščini.

§. 98. Pad 3. se stavlja včasí mesto pada drugega, na primer: *онъ хозяинъ этому дому, онъ је gospodar te hiše; розпись книгамъ, razpis knjig*.

§. 99. Kadar stoji pridavno samotno pri glagolji *быть*, se stavi v rusščini v pad tretji, na primer: *быть здорову и спокойну душою первое благо*, po slovenski menje prav: *zdrav in spokojen biti je prvo blago; умъ должно быть готовимъ, они имаю biti pripravljени*.

§. 100. Pad 7. se stavlja po ruski s predlogom *съ*, samo kadar se govori o nekakem druŕtvi ali tovarštvu, na primer: *вхатъ съ приятелемъ; сдѣлатъ что съ помощью нѣкого*.

Sicer se stavlja po ruski 7. pad vsegdar lepo brez predloga:

1. Kadar znamenuje orodje (instrument) pripomoček ali sredstvo, s katerem se kaj dela, na primer: *писатъ мѣломъ, pisati s kredo; оковать сандукъ желѣзомъ, okovati skrinjo s železom; мѣрять аршиномъ, meriti z aršinom (s laktom); я его видѣлъ своими глазами, jaz sem ga videl s svojimi očmi; онъ его рубилъ саблею; новое знакомство подкрѣпляется подарками, novo znanstvo se okrepljuje s darí*.

2. Kadar znamenuje naĉin, kako? ali uzrok zakaj? se nekaj stori ali dela ali godi, na primer: *онъ блѣденъ лицомъ, онъ је bledega lica; боленъ головою; је боленъ в глави; великъ именемъ и дѣломъ, је великъ по imeni in djanji; высокъ ростомъ, је visoke rasti; дикъ нравомъ, dieje narave; зна-*

мень породю, imenitnega roda; нищъ духомъ, ubožen v duhu; слабъ здоровіемъ, slabega zdravja . . .

3. Kadar stoji statno za prisodek (praedikat) se stavlja mesto pada 1. pad 7. po glagoljih sledečih in njim podobnih: *быть, живѣть, статься; сдѣлаться учиниться, признаться*, na primer: *сестра моя была тому причиною, sestra moja je bila temu vzrok; онъ сталъ великимъ человекомъ, on je postal velik človek; онъ сдѣлался богатымъ, je obogatel . . .*

4. Kadar stoji statno za prisodek se stavlja mesto pada 4. tudi pad 7. po glagoljih sledečih in njim podobnih: *назвать, именоватъ, показыватся, почитатся . . . его зовутъ Иваномъ, pravijo mu Janez; онъ назывался княземъ, on se je nazival knez; онъ показался добрымъ человекомъ, on se je skazal dobrega človeka.*

5. Kadar znamenuje o katerem časi se kaj godi ali zgodi, na primer: *днемъ работатъ, ночью покоится, по дневи делати, по ноči počivати; весной насѣятъ, осенью собратъ, в спомлади vsejati, в jeseni spravljati.*

6. Slovo, katero kaže, po čem nekaj diši ali smerdi, se stavi v 7. pad, na primer: *кушанье пахнетъ дымомъ, jed diši po dimu; пригарю пахнетъ, po prisnoji diši; вино озывается бочкою, vino cikne po sodi.*

7. Mnogi prislovi niso nič drugega kakor skameneli padi sedmi, na primer: *тайкомъ skrivši, пшикомъ peš, лѣткомъ leteč, верхомъ jezdecъ на конји; кругомъ okrog, даромъ даровaje . . .* V slovenščini tudi tako, samo da se stavlja 7. pad v dvojniku: *skokoma, vekoma, križema . . .*

§. 101. Opisani terpni smisel je verlo protiven značaju jezika ruskega in v obče slavjanskega, zato se mu vsegar izbegne, kjerkoli je samo mogoče; to se stori takole:

1. Poved terpna oberne se v činečo, na primer: *люди, которые нами люблены, lepše: люди, которыхъ любимъ, ljudi, ktere ljubimo.*

2. Glagolj se stavi v smisel čineči s zaimenem povračivnim ся, na primer: *я былъ утрашенъ этой вѣдомостью, lepše: я утрашился этой вѣдомостью, jaz sem se utrašil te novice.*

3. Glagolj se stavi v osobo tretjo množno činečega smisla in tadaj se razumi beseda *люди*, na primer: *онъ хвалень бывалъ*, lepše: *хвалили его (люди)*.

§. 102. V ruščini in v obče v slavjanščini se morejo svobodno stavljati beseda v kateremkoli redi, kakor to smisel govornikov terja, samo sledeče bi se moglo opomeniti:

1. Podmet in glagolj bi se imela boljše od početka stavljati, po tem prihaja govor posebno jasen, tako rekoč pregleden in prezračen (transparent).

2. Slovo *не* mora se postaviti vsegdar pred glagolj in predlog pred statno ime.

3. V pitajočih govorih se postavi naj pred slovo pitajoče; ako pak v povedi ni posebnega slova pitajočega, se postavi naj pred ali glagolj, ali tisto slovo, za katero se osobito prša in obično berzo za njim pitajoče slovo *ли*, *ль*, na primer: *когда хотите смотрѣть нашъ домъ? Kadaj hočete pogledati našo hišo? читали-ли вы не давно обнаруженный указъ? Ali ste brali ne davno proglašeni ukaz?*

§. 103. Nagovor je v ruščini in slovenščini blizo jednak. Prijateljsko in doverno nagovori Rus in Slovenec prijatelje, družino, ljudi sebi ravne in nižjega stana s prijateljskim in dovernim slovom *ты*, na primer: *Федоръ затопи скрѣпѣ печь, Федоръ занети берѣже печь*. — Po ruski se *ты* v slovesnih nagovorih še za samega vladarja upotrebuje.

Priljudno, in udvorno nagovori Rus in Slovenec vsakega človeka od vladarja do kmeta s slovom *вы*; v ruščini se pristavi k imenu kerstnemu vsegdar tudi očetovo ime na *ичъ* brez rodbinskega imena (ohne Schreiber oder Geschlechtsnamen), na primer: *Здравствуйте Петеръ Михаилычъ*. Slovenci naprotiv imajo obično po tri imena, kerstno, rodbinsko in hišno, na primer: *Janez Berdcar Klančnikov*; v običnih pogovorih se služijo samo imena kerstnega in hišnega: *Janez Klančnikov*.

Пословице. — Poslovice.

Богъ высоко, да видить далеко. Дающая рука не оскудѣетъ. *Bog visoko, pa vidi daleč. Dajoča roka ne osiromaši se.* Все въ мѣрѣ творится не нашимъ умомъ, а божьимъ судомъ. Не такъ живи, какъ хочется, а какъ темоѣ по божьей судби. *Vse na sveti dela se ne z našim umom,* Не такъ живи, какъ хочется, а какъ темоѣ по божьей судби. *Ne živi tako, kakor se ti hoče, temoč kakor bogъ veli.* Врагъ хочетъ голову, а богъ и волосы не даетъ. *Bog veleva. Vrag hoče glavo, bog pa še vlasa ne dá.* Аще не Господъ сохранитъ града, всея стражъ и ограда. *Ako Gospod ne obvarje mesta, zastoj je straža in ograja.* Радъ би въ рай, да грѣхи не пускаютъ. Хвалился чортъ *Rad bi prišel v sveti raj, pa grehi ne pusté.* Нвалил се же худиѣ, всею вселенною обладать, а богъ ему и надъ свиньею вода боде все свет обладал, а богъ му же надъ свинью обли не далъ. *Dobro storiš, sebe razveseliš. Uči se dobromu, takъ худое на умъ не поидетъ. И доброй временемъ dobrega tako ti hudo v misel ne pride. Tudi dobri v časi vlačetъ, а худой скачетъ. Иному не можетъ быть благъ, plače hudobni pa skače. Drugemu ne more biti dober, кто себѣ золь. Отъ чорта крестомъ, отъ свиньи пестомъ, kdor je sebi hud. Hudiča s križem, svinje s kolom, а отъ лихаго человека ничѣмъ не отойдешъ. Добрымъ pa malovrednega človeka s ničim ne znebiš se. Dobrim тотъ вредитъ, кто злымъ попускаетъ. Межъ волками жить, tisti škoduje, kateri hudobnim odpušča. Med volki živeti, по волчью и выть. — Лебедъ летитъ къ снѣгу, а гусь къ po volčje tudi tuliti. — Labod leti k snegu, gos pa k дождю. Ложной другъ подобенъ конкѣ, спереди лижетъ, dežju. Lažnjiv prijatelj je podoben mački, spredaj liže, а сзади царапаетъ. Воръ не всегда крадетъ, да всегда ego odzadaj pa praska. Tat ne krade vedno, pa vedno se njega*

берегись. Малыхъ воровъ вѣшаютъ, а большихъ прощаютъ. *čuvaj. — Male tate vešajo, večje pak izpuščajo. —* Легче счастье найти, нежели удержать. Не умѣла песья нога *Ložeje srečo najti, kakor uderžati. Ni znala pesja noga* лежать на блюдѣ, такъ валайся под лавкой. Счастью не *ležati na klori, tako valjaj se pod klorjo. Sreči ne* вѣрь, а отъ бѣднаго не затворяй дверь. Счастье идетъ на *veruj, in pred nesrečnim ne zapiraj dur. Sreča gre na* костыляхъ, а несчастье летитъ на крыльяхъ. Счастливой на *bergljah, nesreča pa leti na perutah. Srečni na* конѣ ѣдетъ, а несчастной пѣшь бредетъ. Будь лишь медъ, *konji jezdi, nesrečni pak peš leze. Bodi le med,* мухъ много нальнетъ. Когда будетъ пиръ, тогда будутъ и *muh mnogo prileti. Kadar bode obed, tadaaj bojo tudi* пѣсни. Кто на морѣ не былъ, досыта богу не малывался. *pesni. Kdor ni na morji bil, ni se Bogu dosta namólił.* Всякъ своего счастья кузнецъ. Золото не говоритъ, да много *Vsak je svoje sreče kovač. Zlato ne govori, pa mnogo* творить. Деньги идутъ къ богатому, а злы дни къ убогому. *stori. Denarji grejo k bogatemu, slabi dnevi pak ubogemu* Богатой вѣсть, какъ захочетъ, а убогой, какъ случится. *Bogati je, kakor hoče, ubogi pa kakor se primeri.* Богатой не сахаръ зоблетъ а убогой не каменье гложетъ. Бол- *Bogati ne je sladkorja ubogi pa ne gloda kamenja. Bol-* ному кровать и золотая не поможетъ. Не учиться *nemu postelja tudi zlata ne pomaga. Ni (potreba) učiti se* хромать, когда ноги болятъ. Въ одной рукѣ пусто, а въ дру- *hromatati, kadar noge bolijo. V jedni roki je prazdno, v dru-* гой ничего. И кафтанъ грветъ, когда шубы нѣтъ. Желѣзо *gi pa nič ni. Tudi suknja greje, kadar kožuha ni. Železo* ржа съѣдаетъ, а сердце печаль погубляетъ. Мужикъ не пря- *rja preje, serdce pak žalost mori. Kmet ne pre-* детъ, а безъ рубашки не ходитъ; а баба и прядетъ, да не по- *de, pa brez srajce ne hodi; pa žena tudi prede, pa po* двѣ носитъ. Въ морѣ потопъ, въ пустыняхъ звѣри, а въ *dve ne nosi. V morji potop, v puščavah zveri, na* мѣрѣ бѣды да напасти. Голодъ не сосѣдъ; отъ него не *sveti pak križi in nadloge. Lakota ni sozeda, nji ne* уйдешь. Кто на молокѣ ожегся, тотъ и на воду дуешь. Ни *utečeš. Kdor je na mleku sparil se, ta tudi na vodo piha. Ni*

радость вѣчна, ни печаль безконечна. Онда сорока съ плота, veselje večno, ni žalost brezkončna. Jedna sraka gas plota, а десять на плоть. Изъ тучи дождь, а за тучей умивается ра deset на plot. Iz hude ure dež, за hudo uro pa umiva красное солнышко. Око видитъ далеко, а мысль еще дальше. se prelepo solničice. Око vidi daleč, pa misel še dalje. Что на умѣ думается, то и во снѣ видится. Дурака учить, Kar na umi misli se, to tudi v sanji vidi se. Norca učiti, что мертвого лѣчить. Дураковъ ни орютъ ни сѣютъ, а kakor mertvega ozdravljati. Норцевъ не оржею, не сежею, темоѣ сами родятся. Одинъ дуракъ камень въ воду бросить, а sami rodijo se. Jeden norca kamen v vodo zažene ра умныхъ десять не вытаскать. Бѣда глупости сосѣдъ. modrih deset ne izvleče ga. Nadloga je neumnosti soseda. Красна нава перьемъ, а человекъ ученьемъ. Lep je rav zavoljo perja, človek pak zavoljo učenja. Кто хочеть много знать, надобно мало спать. Умъ нашъ за Kdor hoče mnogo znati, nima malo spati. Pamet naša за горами, а смерть за плечами. Не учи рыбу плавать. Волку gorami, smert pa za pleči. Ne uči ribo plavati. Волку зима за обычай. Какъ волка ни корми, а онъ все къ je zima po navadi. Kakor hočeš volka kermi, vendar le k лѣсу глядитъ. На чужой сторонѣ и сокола зовуть вороною. gozdu gleda. V tujej deželi tudi sokola imenujejo vranó. Глуна та птица, которой гнѣздо свое немилó. Рыбамъ море, Neumna ta tica, kateri je gnezdo svoje nemilo. Ribam morje, птицамъ воздухъ, а человекъ отчизна вселенной кругъ. Кто tiscam zrak, človeku pak je domovina zemeljski krog. Kdor хочеть искать чести, тотъ не живи на одномъ мѣстѣ. Онъ hoče iskati časti, ta ne živi na jednem mestu. Од вѣрнаго друга не отлучайся, а всегда на него надѣйся. vernega prijatelja ne loči se, temoč vselej na njega zanesi se. Друзей много, да прямыхъ мало. У друга пить Tovaršov mnogo, pa ravnodušnih malo. При prijatelji piti воды лучше неприятельскаго меду. Гдѣ больно, тамъ vode je boljši kakor neprijateljski med. Кжер је болно, там рука, а гдѣ мило, тамъ глаза. Гляди подъ ноги; хотя чего je roka, kjer pa je ljubo, tam so oči. Glej pod noge; ako nič не найдешь, такъ голову не разобьешь. Внятно разсудить, ne najdeš, vsaj glave ne razbiješ. Dobro premisliti,

скоро начать, прилѣжно производить. Куй желѣзо, пока горячо. berzo začeti, marljivo storiti. Kuj železo, dokler je goreče. Когда дрова горятъ, тогда и кашу варятъ. Молоти, пока Kadar derva gorijo, tadaj tudi kašo varijo. Mlati, dokler молотится; говори пока слушаютъ. Гора съ горой не se mlati; govori, dokler poslušajo. Гора с горою не сойдется, а человекъ съ человекомъ столкнутся. Кто воли snide se, človek s človekom pa sreča se. Kdor volje своей не переможетъ, тотъ и счастливъ быть не можетъ. Не svoje ne premaga, ta tudi srečen biti ne more. Ни ладно скроенъ, да крѣпко сшитъ. Что поставятъ, то dobro urezan, pa močno šit. Kar postavijo (pred te), to и кушай, а хозяйина въ домѣ слушай. Мѣтилъ въ ворону, tudi jej, pa gospodarja v hiši poslušaj. Мерилъ же в урано, а попалъ въ корову. Худо лѣто, когда солнца нѣтъ. Хотъ pa zadél v kravo. Худо лѣто, kadar solnca ni. Bodi изба слова, да душа здорова. На цвѣтъ пчелка летитъ, на izbja jelova, pa duša je zdrava. На цветъ буѣлица летитъ, на prijetstvo na človek gleda. Золотое время молодья лѣта. Zlati čas so mlada leta. Зеленъ виноградъ не сладокъ, а младъ человекъ не крѣ- Zelen grozd ni sladek, pa mlad človek ni ter- покъ. Старость приходитъ не съ радостью, но съ слабостью. den. Starost pride ne s veseljem, temoč s slabostjo. За малое судиться, большое потерять. Кто захочетъ собаку Za malo pravdati se, večje zgubiti. Kdor hoče psa ударить, тотъ найдетъ палку. Лучше десять виновныхъ про- udariti, ta najde palico. Boljše deset krivičnih spu- стить, чѣмъ одного невиннаго наказать. Виноватаго кровь вода, stiti, kakor jednega ne dolžnega kazniti. Krivičnega kri je voda, а невиннаго бѣда. Не зато волка бьютъ, что онъ сѣръ, nedolžnega pa nesreča. Ne zato bijejo volka, ker je siv, а за то, что овцу сѣлъ. Громи своихъ, такъ temoč zato, ker je ovco snedel. Gromi proti svojim, tadaj чужие трясутся. Горе тому, кто непорядкомъ живетъ въ дому. se bojo tuji tresli. Gorje temu, kateri v neredi živi v hiši. Неволя, неволя боярской дворъ: ходя наѣшься, стоя Sužnost, sužnost gospodski grad: hodeč naješ se, stoje выплешься. napiš se.

Изъ Несторовой лѣтописи ¹⁾.

1. О Разселеніи славянскихъ племенъ.

Вотъ повѣсть временныхъ лѣтъ, откуда пошла русская земля, кто первый началъ княжить въ Кіевѣ, и какъ стала русская земля.

Мы такъ начнемъ эту повѣсть. Послѣ потопа, три сына ноевы, Симъ, Хамъ и Афетъ раздѣлили землю: востокъ достался Симу, южная страна — Хаму, сѣверъ и западъ — Афету; отъ племени афетова пошелъ народъ славянскій. Спусти много вѣковъ, славяне сѣли по Дунаю, гдѣ теперь земля венгерская и болгарская. Отъ тѣхъ славянъ разошлись по землѣ многіе народы, и назвались каждый своимъ именемъ, гдѣ кто сѣлъ на какомъ мѣстѣ: такъ напр. одни поселились на рѣкѣ, называемой Моравъ, — и назвались моравами, а другіе назвались чехами; а вотъ тоже славяне: бѣлые хорваты, сербы и хоружане. Когда волохи напали на славянъ дунайскихъ, поселились среди нихъ, и стали ихъ притѣснять; то славяне опять начали двигаться къ сѣверу: такъ одни пришли и сѣли на Вислѣ, и прозвались ляхами; отъ этихъ ляховъ пошли поляки, лутичи, мазовшане, поморяне. Другіе славяне пришли и сѣли по Днѣпру, и назвались полянами, а другіе — древлянами, потому-что стали жить въ лѣсахъ; а другіе сѣли между Припетью и Двиною, и назвались дреговичами; половчане прозвались отъ рѣчки, именемъ Полоты, которая втекаетъ въ Двину. Тѣ, которые поселились около озера Ильменя, прозвались своимъ именемъ, славянами; они построили себѣ городъ, и назвали его Новгородомъ. Такъ разошелся славянскій народъ.

¹⁾ Преподобный Несторъ, монахъ кіевонечерскій, какъ полагаютъ, родился 1056, умеръ 1111 г.

Iz Nestorovega letopisa ¹⁾.

1. O razseljenji slavjanskih plemen.

Tukaj je povest let časa, odkod se je začela ruska država, kdo je prvi začel vladati v Kijevi, in kako je postala ruska država.

Mi tako začnemo to povest. Po potopu so trije sini Noetovi razdelili zemljo Sem, Ham, Jafet; izhod je pripadel Semu, južna stran Hamu, sever in zapad Jafetu; od plemena Jafetovega je izišel narod slavjanski. Kadar je minulo mnogo vekov so Slavjani se usedli ob Donavi, kjer je sdaj zemlja ogerska in bolgarska. Od teh Slavjanov so razšli se mnogi narodi in so se imenovali vsaki po svojem imeni, kjer je kdo usedel se na kakem mestu: tako na primer so se jedni naselili na reki imenovani Morava — in so se imenovali Moravani, in drugi so se imenovali Čehi; in to so tudi še Slavjani: beli Horvati, Serbi in Gorotani. Kadar so Vlahi napadli na Slavjane dunajske so se uselili v sredi njih, in so začeli jih pritiskati; tadaj so Slavjani spet začeli vzdigovati se k severu, tako jedni so prišli in usedli se na Visli in so se imenovali Lehi; od tih Lehov so prišli Poljaki, Lutiči, Mazovljani, Pomorjani. Drugi Slavjani so prišli in usedli se ob Dnepru in so se imenovali Poljani, drugi pak — Drevljani, zato ker so začeli živeti v gojzdi; drugi pak so se usedli med Pripetjo in Dvino in so se imenovali Dregoviči; Polovčani so se imenovali od reke, z imenom Polota, ktera teče v Dvino. Ti kateri so naselili se okolo jezera Iljmena, so se imenovali s svojim imenom Slavjani, oni so si naredili mesto in so ga imenovali Novigrad. Tako se je razšel slavjanski narod.

¹⁾ Castiltjivi Nestor, minih kijevopečerski, kakor menijo, se je rodil tisoč šest in petdesetega, umerl tisoč sto in jedenajstega leta.

2. Какъ жили славянскія племена.

Всѣ названныя племена жили особо другъ отъ друга, каждое на своемъ мѣстѣ, со своими нравами, обычаями и преданіями. У полянъ были обычаи кроткіе и тихіе, а другія племена жили, какъ звѣри. Между полянами было три брата: одному имя Кій, другому — Щекъ, третьему — Хоривъ; сестру ихъ звали Лыбедью. Они построили городъ, который назвали, по имени старшаго брата, Кіевомъ. По смерти этихъ братьевъ древяне и другіе окольные народы стали притѣснять полянъ; тогда пришли къ нимъ козары, и сказали: „платите намъ дань.“ Поляне подумали и дали имъ по мечу отъ каждаго дома. Козары принесли мечи къ князю звое му и старшинамъ, и сказали: „вотъ мы нашли новую дань.“ Старшины спросили: „откуда вы это взяли?“ — „Да вонъ тамъ, въ лѣсу, на горѣ, надъ рѣкою Днѣпромъ“, — отвѣчали они. Тогда старцы козарскіе сказали: „охъ, не хороша эта дань, князь! мы воюемъ саблями, острыми съ одной только стороны, а у этого народа мечи съ обѣихъ сторонъ острые: будутъ они брать дань и на насъ и на другихъ странахъ.“ — Все сбылось, что предсказали старцы: русскіе и до сихъ поръ владѣютъ козарами.

3. Призваніе варяговъ, и отъ чего прозвалась русская земля.

Въ то время, какъ поляне, сѣверяне и другія племена платили дань козарамъ, по бѣлкѣ съ каждаго дома, варяги ¹⁾ изъ-за моря брали дань на славянахъ новгородскихъ, на кривичахъ, также на чуди и мери ²⁾. Скоро однако эти народы прогнали варяговъ за море, перестали давать имъ дань, и начали владѣть сами собою. Но прогнавши варяговъ, они никакъ не могли *уладиться другъ съ другомъ*, и начали междоусобныя войны. Тогда они стали говорить между собою: „поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами, и судилъ всѣ дѣла справедливо“; — отправили пословъ за море, къ

¹⁾ Народы сѣверозападной Европы. ²⁾ Народы финскаго племени.

2. Kako so žvela slavjanska plemena.

Vsa imenovana plemena so žvela posebi jeden od drugega, vsako na svojem mestu s svojimi šegami, običaji in sporočili. Pri Poljanih so bile navade krotke in tihe, druga plemena so pak žvela kakor zverine. Med Poljani so bili trije bratje: jednemu je bilo ime Kij, drugemu — Šček, tretjemu — Horiv; njihovo sestro so imenovali Lebedijo. Oni so sežidali mesto, ktero so imenovali po imeni naj staršega brata, Kijev. Po smerti tih bratov so začeli Drevljani in drugi okolni narodi, stiskati Poljane; tadaj so prišli k njim Kazari in so rekli: „plačajte nam davek.“ Poljani so premislili in dali jim po meču od vsake hiše. Kazari so prinesli meče k knezu svojemu in k starašinam in so rekli: „glejte mi smo dobili nov davek.“ Starašine so prašali: „odkod ste to vzeli? — „Da, odtam, v gojzdi, na gori, nad reko Dneprom.“ — so odgovorili. Tadaj so rekli starašine kazarski: „oh ta davek ni dober, knez! mi vojujemo s sabljami, ostrimi samo z ene strani, pri tem narodi so pa meči ostri z obeh strani: bodo oni davek pobirali pri nas in v drugih deželah.“ Vse se je zgodilo, kar so prerokovali starašine: Rusi vladajo tudi do zdaj nad Kazari.

3. Poklic Varjagov in od čega se je imenovala ruska zemlja.

Tisti čas, kadar so Poljani, Severjani in druga plemena plačevali davek Kazarom po veverici od vsake hiše, so Varjagi iz za morja pobirali davek od Slavjanov novogradskih, od Krivičev in tudi od Čudov in Merjanov. Skoro ob enem so ti narodi odgnali Varjage za morje in so jenjali dajati jim davek in so začeli vladati sami sebe. Ali pregnavši Varjage, niso se mogli nikako sdružiti jeden s drugim in so začeli med seboj vojske. Tadaj so začeli govoriti med seboj: „pojiščimo si kneza, kateri bi vladal nas in sodil vsa dela pravično;“ — so odpravili poslanca za morje k Varjagom,

варягамъ, къ Руси; Русью назывались варяги точно такъ же, какъ другіе зовутся шведами, иные норвежцами, англичанами, готами. Чуды, новгородцы и кривичи сказали Руси: „земля наша велика и обильна, да порядка въ ней нѣтъ; пойдите княжить и владѣть нами.“ Собрались три брата съ родственниками своими, взяли съ собою всю Русь, и пришли: Рюрикъ въ Новгородъ, Синеусъ на Бело-озеро, Труворъ въ Изборскъ; отъ нихъ-то и прозвалась русская земля.

4. При Рюрикѣ.

Черезъ два года умерли Синеусъ и Труворъ; Рюрикъ одинъ принялъ всю власть, и роздалъ города приближеннымъ къ себѣ людямъ. Двое изъ нихъ, Аскольдъ и Диръ, которые не были ни родня Рюрику, ни бояре его, отпросились идти къ Царюгороду. Идучи внизъ по Диѣпру, они увидали на горѣ городокъ, и спросили: „чей это городокъ?“ Жители отвѣчали имъ: „были три брата: Кій, Щекъ и Хоривъ; они-то и построили этотъ городокъ, да послѣ изгибли, а мы вотъ платимъ дань коварамъ.“ Аскольдъ и Диръ остались въ Кіевѣ, собрали много варяговъ, и начали владѣть полянами; а Рюрикъ княжилъ въ Новгородѣ.

Въ 866 году пошли Аскольдъ и Диръ на грековъ, при царѣ Михайлѣ. Царь въ это время пошелъ былъ войною на аравитянъ, но получивъ вѣсть, что Русь идетъ на Царьгородъ, возвратился. Междутѣмъ Аскольдъ и Диръ вошли въ константинопольскую гавань, перебили множество христіянъ, и съ двумястами кораблей обступили городъ. Царь съ патриархомъ всю ночь молился въ церкви Влахернской Богородицы, и потомъ, вынеся ризу Богородицы, погрузили ее въ воду. До того времени море было тихо; вдругъ поднялась буря съ вѣтромъ, встали волны, и разбила русскіе корабли; очень немного изъ аскольдовыхъ воиновъ спаслось отъ такой бѣды, и возвратилось въ отечество.

5. Княженіе Олега.

Междутѣмъ умеръ Рюрикъ; онъ передалъ княженіе Олегу, своему родственнику, поручивъ ему и сына своего Игоря, который былъ еще дитя. Собравши много войска, по-

k Rusom; Rusi so se imenovali Varjagi ravno tako, kakor se drugi imenujejo Švedi, drugi Norvegi, Angličani, Goti. Čudi, Novogradčani in Kriviči so rekli Rusom: zemlja naša je velika in obilna, pa reda ni v nji; pojdite knežit in vladat nam.“ Sbrali so se trije bratje s rodbeniki svojimi, so vzeli seboj vse Ruse in so prišli: Rjurik v Novigrad, Sineus na Be-lojezero, Truvor v Izborsk; in od njih sem je tudi ime dobila ruska zemlja.

4. Pod Rjurikom.

Črez dve leti sta umerla Sineus in Truvor; Rjurik jedini je prevzel vso oblast in je razdál mesta ljudem sebi bližnjim. Dva iz njih, Askold in Dir, ktera nista bila Rjuriku žlahta, tudi ne plemiča njegova, sta si sprosila (da bi smela) iti k Carigradu. Gredé doli po Dnepru sta zagledala na gori mestice in sta vprašala: „čigavo je to mestice?“ Prebivalci so jima odgovorili: „bili so trije bratje Kij, Čeh in Horriv, in oni so tu sezidali to mestice, pa potlej so poginili in mi zdaj plačujemo davek Kazarom“. Askold in Dir sta ostala v Kijevi, sta zbrala mnogo Varjagov in sta začela vladati nad Poljani; Rjurik je pa knežil v Novemgradu.

V leti osem sto šest in šestdesetem sta šla Askold in Dir nad Gerke ob času cesarja Mihaela. Cesarja je ta čas bil šel s vojsko na Arabe, dobivši pa naznanilo, da Rusi gredo na Carigrad se je povernil. Medtim sta Askold in Dir prišla v pristanišče carigradsko sta pobila množstvo kristjanov in s dvema stotinama ladij sta obstopila mesto. Cesar in patriarh sta mólila vso noč v cerkvi Vlahernske matere božje in potlej sta iznesla oblačilo matere božje in ga postopila v vodo. Do tega časa bilo je morje tiho; sedaj se je vzdvignila nevihta z vetrom, vstali so valovi in so razbili ruske ladije; zelo malo askoldovih vojakov se je rešilo iz take nesreče in se je vernilo v domovino.

5. Kneženje Olegovo.

Medtim je umerl Rjurik; on je oddal vlado Olegu, svojemu rodbeniku izročivši mu tudi sina svojega Igorja, kateri je bil še dete. Oleg sbravši mnogo vojske je šel k Smolensku,

шелъ Олегъ къ Смоленску, взялъ этотъ городъ, и посадилъ въ немъ своихъ мужей. Оттуда пошелъ внизъ, взялъ Любечъ, и посадилъ въ немъ также своихъ мужей. Пришедши къ горамъ кievскимъ, и видя, что Аскольдъ и Диръ княжатъ, Олегъ скрылъ часть воиновъ своихъ въ лодкахъ, другихъ оставилъ позади, а самъ пришелъ, неся малютку Игоря на рукахъ. Онъ послалъ сказать Аскольду и Диру: „мы купцы; идемъ въ Грецію отъ Олега и Игоря; придите повидаться съ нами.“ Аскольдъ и Диръ пришли. Тогда войны выскакали изъ лодокъ, и Олегъ сказалъ кievскимъ князьямъ: „вы не князья, ни княжескаго рода, но я княжескаго рода, и вотъ сынъ рюриковъ.“ Аскольда и Диру убили, понесли на гору, и погребли на горѣ. Олегъ сѣлъ княжить въ Кіевѣ, и сказалъ: „это будетъ мать русскимъ городамъ“; послѣ чего началъ строить города, и уставлялъ дани. Сперва Олегъ воевалъ съ древлянами, и заставлялъ ихъ давать дань по черной куницѣ. Потомъ онъ пошелъ на сѣверянъ; побѣдивъ ихъ и наложивъ на нихъ дань легкую, не далъ имъ платить дани козарамъ, сказавши: „я непріятель имъ, а съ вами у меня нѣтъ никакой вражды.“ Послали и къ радимичамъ спросить: „кому дань даете?“ Они отвѣчали „козарамъ.“ Олегъ сказалъ имъ: „не давайте козарамъ, но давайте лучше мнѣ.“ Радимичи согласились.

Въ 907 году пошелъ Олегъ на грековъ, а Игоря оставилъ въ Кіевѣ; взялъ съ собою варяговъ множество, и новгородцевъ, и чуди, и кривичей, и другихъ народовъ. Со всѣми съ ними пошелъ Олегъ на коняхъ и въ корабляхъ, и пришелъ къ Царюгороду; греки замкнули гавань, и затворили городъ. Олегъ вышелъ изъ корабля, велѣлъ корабли вытащить на берегъ, и повоевалъ городскія окрестности. Русскіе перебили множество грековъ, разворили дома, пожгли церкви, — однимъ словомъ, поступали такъ, какъ обыкновенно поступаютъ непріятели. Греки, видя все это, испугались, послали къ Олегу изъ города, и сказали ему: „возьми дани, сколько хочешь.“ Олегъ согласился и возвратился въ Кіевъ, неся золота, драгоценныя ткани, плоды и вина. Народъ прозвалъ его вѣщимъ.

je vzel to mesto in postavil v njega svoje može. Odtod je šel doli, je vzel Ljubeč in postavil v njega tudi svoje može. Prišedši k goram kijevskim in videč da Askold in Dir vladata, je skrtil Oleg del vojakov svojih v ladijah in je druge pustil zadi, in je prišel sam nesoč malega Igorja na rokah. Poslal je povedat Askoldu in Diru: „mi smo kupci; gremo v Gerčko od Olega in Igorja, pridite da se vidimo.“ Askold in Dir sta prišla. Tada j so vojaki poskakali iz ladij in Oleg je rekel kijevskima knezoma: „Vidva nista kneza, tudi nista kneževskega roda, jaz pa sem knježevskega roda in tukaj je sin Rjurikov.“ Askolda in Diru so ubili, nesli na goro in pokopali na gori. Oleg je začel knežiti v Kijevi in je rekel: „to bode mati ruskih mest;“ potlej je začel zidati mesta in je ustanovil davke. Sperva je vojeval Oleg s Drevljani in ustanovil jim, dajati dávek po črni kuni ¹⁾. Potlej je šel nad Severjane, premagavši jih in naloživši jim davek lehek ni dal jim plačevati davka Kazarom rekši: „jaz sem jim sovražnik, do vas pa neimam nič sovražtva.“ Poslali so tudi k Radimičem prašat jih: „komu dajete davek?“ Odgovorili so: „Kazarom.“ Oleg je rekel jim: „ne dajajte Kazarom, temoč dajajte rajše meni.“ Radimiči so privolili.

V leti devet sto in sedmem je šel Oleg nad Gerke, Igorja pak je pustil v Kijevi; seboj je vzel množino Varjagov in Novogradjanov in Čudov in Krivičev in drugih narodov. Z vsimi s njimi je šel Oleg na konjih in ladijah in je prišel k Carigradu; Gerki so zatvorili pristanišče ²⁾ in zaperli mesto. Oleg je šel iz ladije, je ukazal ladije potegniti na breg in je razdeval mestne okolice. Rusi so ubili mnogo Gerkov, so poderli hiše, požgali cerkve, — s jedno besedo, so delali tako, kakor navadno delajo sovražniki. Gerki videč vse to, so prestrašili se, poslali k Olegu iz mesta in mu rekli: „vzemi davka kolikor hočes.“ Oleg je privolil in se je vernil v Kijev in odnesel zlata, dragih tkanin, ploda in vina. Narod ga je imenoval razumnega.

¹⁾ Jedes Haus musste geben einen schwarzen Marder. ²⁾ Pristanišče Hafen.

6. Княженіе Игоря.

По смерти Олега (922 г.), началъ княжить Игорь. Древляне затворились отъ него; Игорь пошелъ на нихъ, побѣдилъ и наложилъ дань больше, чѣмъ Олегъ. Въ 941 году пошелъ Игорь на грековъ. *Болгары послали вѣсть къ царю, что идетъ Русь на Царьгородъ.* Русскіе опустошали азійскіе берега до тѣхъ поръ, пока не пришли греческіе воеводы съ востока, и окружили ихъ со всѣхъ сторонъ. Русскіе, посоветовавшись, вышли на грековъ, и послѣ злой сѣчи греки едва могли одолѣть. Русскіе сѣли ночью въ лодки, и побѣжали. Но греческій воевода встрѣтилъ ихъ въ лодкахъ съ огнемъ, и началъ пускать трубами огонь на русскія лодки, такъ-что страшно было смотрѣть. Русскіе, увидавъ пламень, пометались въ морскую воду, чтобъ уйдти какъ-нибудь, и такимъ образомъ возвратились домой. Пришедши, каждый рассказывалъ своимъ о чудесномъ огнѣ. *„У грековъ въ рукахъ точно молніе небесное, которое они пускали и жгли насъ; вопиѣ почему и не одолѣли мы ихъ“, говорили войны Игоря.* Игорь же, пришедши, началъ собирать большое войско, и послалъ звать варяговъ изъ-за моря: онъ опять хотѣлъ итти на грековъ. Въ 944 году, Игорь въ самомъ дѣлѣ отправился къ Царю-городу въ лодкахъ и на коняхъ. *Корсуницы, услышавъ объ этомъ послали сказать императору Роману: „идетъ Русь; кораблей у нихъ множество; покрыли все море кораблями.“* Также и болгары послани вѣсть: *„идутъ русскіе, наняли и печенѣговъ.“* Тогда царь послалъ къ Игорю лучшихъ бояръ съ просьбою: *„не ходи, но возьми дань, какую бралъ Олегъ; придамъ и еще къ той дани.“* Игорь, дошедши до Дуная, созвалъ дружину, и началъ думать съ нею о предложеніи царя. Дружина игорева сказала: *„если царь такъ говоритъ, то чего же намъ еще больше: безъ битвы возьмемъ золото, серебро и дорогія ткани. Вѣдь не извѣстно, кто одолѣетъ: мы или они? Съ моремъ нельзя заранѣе уговариваться; теперь мы не по землѣ ходимъ, но по глубинѣ морской: здѣсь одна смерть грозитъ намъ всѣмъ!“* Игорь послушался дружины, и велѣлъ печенѣгамъ воевать болгарскую землю; а самъ, взявши у грековъ золото и ткани на всѣхъ войновъ, возвратился назадъ, и пришелъ къ Кіеву домой.

6. Vladanje Igorjevo.

Po smerti Olega je začel vladati Igor. Drevljani so se za- perli pred njim; Igor je šel nad nje, je premagal jih in jim naložil davek večji, kakor Oleg. V leti devet sto jeden in četiridesetem je šel Igor nad Gerke. Bolgari so poslali sporočilo k cesarju, da pride Rusija. Rusi so pustošili azijatske breg- ge, dokler niso prišli gerčki vojvode z izhoda in obdali jih z vsih stran. Rusi posvetovavši se so šli nad Gerke, in po hudi bitki so Gerki komaj mogli zmagati. Rusi so po noči sedli na ladije in so pobegnili. Gerčki vojvoda pak je srečal jih v ladijah z ognjem in je začel spuščati iz cevi ogenj na ruske ladije, tako da je bilo strašno videti. Rusi zagledavši plamen so vrgli se v morsko vodo, da bi ušli, ka- kor uže bodi, in tako so se vernili domu. Prišedši je vsaki pripovedoval svojim o čudnem ognji. „Gerki imajo v rokah pravi nebesni blisk, kateri so oni spuščali in žgali nas; glej zakaj jih nismo premagali“, so govorili vojaki Igorjevi. Igor pak, kadar je prišel, je začel sbirati večjo vojsko in je poslal klicat Varege iz za morja in je spet hotel iti nad Gerke. V letu devet sto četiri in čtiridesetem se je odpravil v resnici k Carigradu na ladijah in na konjih. Korsunci o tem zaslišavši, so poslali pravit cesarju Romanu: „ide Rus; ladij imajo mnogo, vse morje so pokrili s ladijami. Tako so tudi Bolgari poslali sporočilo: „idejo Rusi, so najeli tudi Pečenege.“ Tada je ce sar poslal naj imenitnejšo gospodo k Igorju s prošnjo: „ne hodi ampak vzemi davek, kakoršen je pobiral Oleg; pridam ti tudi še k temu davku.“ Igor prišedši k Donavi je sklical družino in je začel posvetovati se z njo o ponudbi cesarja. Družina Igorjeva je rekla: „ako cesar tako govori, to kaj more biti za nas še boljšega: brez bitve vzamemo zlato, srebro in drage tkanine. Ne ve se kdo premaga, mi ali oni? Z morjem se poprej ne more ugovarjati, zdaj mi ne hodimo po zemlji, temoč po globočini morski, tukaj grozi jednaka smert nam vsem!“ Igor je poslušal družino in je ukazal Pečenegom uda- riti na bolgarsko zemljo; sam pak je vzemši od Gerkov zlato in tkanja za vse vojake vernil se nazaj in je prišel v Kijev domu.

Послѣ этого пришли назадъ и послы игоревы, и привели съ собой пословъ отъ греческаго царя Романа. Игорь призвалъ къ себѣ пословъ греческихъ, и спросилъ ихъ: „скажете, что же вамъ говорилъ царь?“ Царскіе послы отвѣчали: „вотъ царь насъ послалъ къ тебѣ; онъ очень радъ миру, хочеть миръ имѣть и любовь съ русскимъ княземъ: твои послы водили нашихъ царей къ присягѣ, и насъ послали привести тебя и мужей твоихъ также къ присягѣ.“ Игорь обѣщался исполнить это. На другой день призвалъ Игорь пословъ, и пошелъ на холмъ, гдѣ стоялъ Перунъ ¹⁾). Поклали передъ идоломъ оружіе, щиты и золото, и клялись Игорь и всѣ люди его, сколько было язычниковъ между русскими. А христіанъ — русскихъ водили къ присягѣ въ церкви св. Іліи, что надъ ручьемъ: то была соборная церковь, потому-что многіе варяги были уже христіане. Игорь, утвердивъ миръ съ греками, отпустилъ пословъ, одаривъ ихъ звѣриными шкурами, рабами и воскомъ. Послѣ этого Игорь началъ княжить мирно въ Кіевѣ; когда же пришла осень, началъ задумывать походъ на древлянъ, желая взять съ нихъ бѣольшую дань. Дружина игорева сказала ему: „наши товарищи, которые съ Свѣнелдомъ ²⁾), богаты оружіемъ и платьемъ, а мы наги; пойдѣмъ, князь, съ нами за данью: и ты добудѣшь и мы.“ Игорь послушался ихъ: пошелъ къ древлянамъ за данью, и началъ обижать ихъ; побравши дань, пошелъ въ свой городъ. На дорогѣ Игорь раздумалъ и сказалъ дружину свою: „ступайте вы съ данью домой, а я возвращусь назадъ, похожу еще.“ Какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ: отпустилъ дружину домой, а самъ съ немногими возвратился назадъ, желая бѣольшаго имѣнія. Древляне, услыхавъ, что Игорь опять идетъ, начали совѣтоваться съ княземъ Маломъ; они говорили: „повадится волкъ къ овцамъ, перетаскаетъ все стадо, если не убьютъ его; такъ теперь и съ нами: если не убьемъ Игоря, то всѣхъ насъ погубить.“ Послѣ совѣщанія, они послали сказать Игорю: „зачѣмъ идѣшь опять; вѣдь ты уже взялъ всю дань.“ Но Игорь не послушался ихъ; тогда древляне вышли изъ города, и убили Игоря и дружину его, потому-что ея было очень мало.

С. Соловьевъ.

¹⁾ Богъ языческихъ славянъ. ²⁾ Полководецъ Игоря.

Po tem so prišli nazaj tudi poslanci Igorjevi, in so pripeljali seboj poslanca od gerčkega cesarja Romana. Igor je pozval k sebi poslance gerčke in je vprašal jih: „Povejte, kaj vam je govoril cesar?“ Cesarski poslanci so odgovorili: „glej cesar je nas poslal k tebi, on ima verlo rad mir, hoče mir imeti in ljubezen z ruskim knezom: tvoji poslanci so peljali naše cesarje k prisegi in nas so poslali peljati tebe in može tvoje tudi k prisegi.“ Igor je obljubil spolniti to. Drugi dan je poklical poslance in je šel na hrib, kjer je stal Perun. Odložili so pred malikom orožje, ščite in zlato in so prisegli Igor in vsi ljudje njegovi, kolikor je bilo ajdov med Rusi. Kristjane — ruske so peljali k prisegi v cerkev svetega Elija, ktera stoji pri potoku: to je bila velika cerkev, zato ker so uže mnogi Varjagi bili kristjani. Igor uterdivši mir z Gerki, je odpustil poslance, obdarivši jih s kožami zverinjimi, s sužnji in z voskom. Zatim je Igor začel knežiti mirno v Kijevi; kadar je pa prišla jesen, je začel misliti na vojsko zoper Drevljane želeč dobiti od njih večji davek. Družina Igorjeva je rekla mu: „naši tovarši, kateri so s Sveneldom, so bogati z orožjem in oblačilom, mi pak nagi; pojdemo, knez, po davke; bodeš dobil ti in mi.“ Igor je poslušal jih, je šel k Drevljanom po davek in je začel nadlegovati jih; pobravši davek je šel v svoje mesto. Na cesti se je Igor premislil in je rekel družini svoji: „popotujte vi z davkom domu, jaz pak vernem se nazaj, pojdem še (davek pobirat).“ Kakor je rekel, tako je storil: je odpustil družino domu, sam pak se je vernil z nemnogimi nazaj, želeč večega premoženja. Drevljani, zaslišavši, da Igor spet ide, so začeli posvetovati se s knezom Malom; oni so govorili: „navadi se volk k ovcam, razvlači vso čredo, ako ga ne ubijejo; tako je zdaj z nami: ako ne ubijemo Igorja, nas vse pogubi.“ Po posvetovanju so poslali povedat Igorju: „Zakaj ideš spet; saj veš, da si prejel ves davek.“ Pa Igor ni poslušal jih; tadaj so Drevljani prišli iz mesta in so ubili Igorja in družino njegovo, zato ker je je bilo zelo malo.

7. Эльтонское озеро.

Эльтонское озеро находится на луговой сторонѣ Волги, въ астраханской губерніи, царевскомъ уѣздѣ. Оно имѣетъ видъ нѣсколько продолговатый, въ длину 21, въ ширину 14 верстъ. Въ озеро впадаетъ восемь небольшихъ рѣчекъ, но изъ него не выходитъ ни одного источника. Въ жаркое лѣто, эти рѣчки пересыхаютъ или имѣютъ слабое теченіе; зимою же, при самыхъ жестокихъ морозахъ, не замерзаютъ. Вода въ нихъ теплая, на вкусъ соленая, горьковатая.

При озерѣ находится нѣсколько казенныхъ зданій: православная церковь, дома для священника, смотрителя, магазины для складовъ соли и проч.

Дно Эльтонскаго озера покрыто солью въ такомъ изобиліи, что ею можно снабжать весь міръ; но ее берутъ только, по мѣрѣ надобности, на небольшомъ пространствѣ. Вода озера заключаетъ въ себѣ чрезмѣрное множество соляныхъ частицъ съ примѣсью щелочныхъ веществъ, и называется рапою, или тузлукомъ. Она отличается такою ослѣпительною бѣлизною, что при солнечномъ сіяніи, на нее нельзя смотрѣть безъ боли для глазъ, особенно же слабыхъ. Рапою покрыта большая часть озера, а все прочее имѣетъ отвердѣлую толщу соли, которой дна доселѣ не могли достать. Если вѣрить рассказамъ, то раскапывали будто бы на 30 сажень, и чѣмъ глубже копали, тѣмъ соль оказывалась чище и столь крѣпкою, что желѣзные ломы отскакивали.

Глубина рапы на озерѣ различная: весною въ аршинѣ, среди же лѣта, когда озеро испаряется отъ жаровъ, доходитъ до четверти аршина. По этой жидкости плаваютъ работники на досчаникахъ, и гребутъ изъ-подъ рапы особыми лопатами соль, которую складываютъ на свои продолговатыя лодки. Соль, которую они берутъ, есть самая чистая: она образуется ежегодно отъ осадка рапы.

Добытую изъ озера соль рабочіе привозятъ къ берегу, и складываютъ въ продолговатыя скирды, гдѣ она остается до тѣхъ поръ, пока достаточно просохнетъ, а потомъ уже складывается въ запасные магазины. Въ Эльтонскомъ озерѣ ежегодно добывается до милліона пудовъ отличной соли.

Такъ-какъ всякая соль образуется кристалльными слоями, то можно приготовить изъ нея разныя вещи. Сдѣлан-

7. Eljtonsko jezero.

Eljtonsko jezero najde se na travnati strani Volge, v astrahanski oblasti, v carevskem okraji. Ono ima podobo nekoliko podolgasto, dolgo je eno in dvajset, široko četrnajst verst. V jezero vpada osem nevelikih rečic iz njega pa ne teče nič potokov. O vročem poletju posahnejo te rečice ali pa imajo slabo tečenje; po zimi pak pri naj hujših mrazih ne zamrznejo. Njih voda je topla, na okus slana, grenkljata.

Pri jezери se nabaja nekoliko cesarskih poslopij: pravoslavna cerkev, hiše za duhovnika, za oglednika, magazini za sklade soli in druge reči.

Dno Eljtonskega jezera je pokrito s soljo tako preobilno, da bi se mogel z njo oskerbeti ves svet; vzamejo je pak samo toliko, po meri potrebe, na nevelikem prostoru. Voda jezera obseže v sebi čezmerno mnogo solnih delcev zmešanih z lužnimi stvarmi in imenuje se rapa ali »stuzluk.« Ona kaže tako oslepljivo belost, da pri sijanju solnčnem ni mogoče na njo gledati, da bi te ne bolele oči, posebno ako so slabe. Z rapo je pokrit naj večji del jezera, vse drugo pa je strjena debela sol, kateri dna do zdaj niso mogli doseči. Ako se more verjeti pripovedkam, tu da so razkopavali na trideset seženj, in kolikor da so globokeje kopali, toliko se je sol skazovala čistejša in tako terdna, da so železni drogovi odskakovali.

Globokost »rape« na jezeri je različna; v spomladi za jeden aršin, v sredi leta pak, kadar se jezero izparuje od vročine seže do četertine aršina. Po ti tekočini plavajo delavci na plavih in grebejo izpod rape s posebnimi lopatami sol, katero skladajo na svoje podolgaste ladjice. Sol, katero nabirajo, je naj čistejša, ona napravlja se vsako leto od gošče rape.

Dobito iz jezera sol vozijo delavci k bregu in jo skladajo v podolgaste kope, kjer ostane dokler dosta presahne in in potlej uže sklada se v založišča. V Eljtonskom jezeri dobiva se vsakega leta do jednega milijona pudov izverstne soli.

Ker vsaka sol napravi se iz kristalnih skamenelin, se morejo narejati iz nje razne reči. Reč, kakoršno koli storjeno

ную какую-нибудь вещь изъ дерева, напริมѣръ крестъ, чашу, или тому подобное, кладутъ въ рапу, и оставляютъ тамъ на двѣ или на три недѣли: положенная такимъ образомъ вещь окристаллизовывается, а самое вещество превращается въ соль. Окристаллизованныя вещи портятся только въ сырую погоду.

Почва около Эльтонскаго озера солонцоватая и глинистая; послѣдняя очень вязка и весьма удобна къ выдѣлыванію кирпича. Въ окрестностяхъ растетъ весьма тощая трава, которая, по мѣрѣ углубленія въ степь, дѣлается лучшею, каковою, появляется не ближе двадцатипяти-верстнаго разстоянія.

8. Буранъ.

Нигдѣ бури у насъ, въ Россіи, не бываютъ такъ часты и такъ сильны, какъ въ степяхъ, особенно въ восточныхъ, въ Заволожьи, по берегамъ Каспійскаго моря и въ Киргизскихъ-степяхъ. Наибольшее число ихъ бываетъ зимою, и наименьшее осенью. Зимою приходится по одной бурѣ на каждые 5 или 6 дней.

Сильные вѣтры въ степяхъ и въ Сибири имѣютъ даже особое названіе *бурана*, хотя въ метеорологическомъ смыслѣ они не составляютъ какого-либо особаго явленія. Дѣйствіе вѣтровъ, и само собою разумѣется, сильныхъ, такъ рѣзко въ степяхъ и такое имѣетъ вліяніе на людей и домашнихъ животныхъ, что у мѣстныхъ жителей существуетъ даже классификація бурановъ: есть бураны лѣтніе и бураны зимніе. Первые отличаются зноемъ, ими наносимымъ: при нихъ обдаетъ раскаленнымъ вѣтромъ, какъ паромъ въ банѣ; густая пыль стоитъ и кружится въ воздухѣ на необозримое пространство; въ городахъ запираютъ окна и ставни, но пыль проникаетъ все, что есть въ домѣ. Зимою бураны сопровождаются снѣгомъ и метелью. Нѣкоторые названіе бурановъ придаютъ только зимнимъ, и дѣлятъ ихъ на *бураны сверху* и *бураны снизу*, смотря потому, падаетъ ли при этомъ снѣгъ сверху, или же сильнымъ вѣтромъ лишь вздымается съ земли, и кружится въ воздухѣ. Но въ оренбургской губерніи большею частью эти два случая различаютъ особыми названіями, называя одни *буранами*, а другіе — *метелями*; въ

iz lesa, na primer, križ, čašo ali kaj tacega položijo v rapo in jo pustijo tam dva, tri tedne; tako se položena reč okristalizuje, in sama reč se prepodobi v sol. Okristalizovane reči se skazuje samo ob vlažnem vremeni.

Zemljišče okolo Eljtonskega jezera je solnato in glinasto; poslednja (glina) je zelo sprijemljiva in posebno pripravna za delanje opék. V okollicah raste verlo borna trava, ktera, kolikor je globokeje v stepi, toliko prihaja boljša in taka se ne prikazuje bliže, kakor 25 verst daleč od tamo.

8. B u r j a.

Nikjer pri nas, v Rusiji niso burje tako pogostne in tako silne, kakor v stepah posebno v iztočnih, v Zavolžji, po bregih kaspijskega morja in v kirgizkih stepah. Naj več jih je po zimi, in naj menj v jeseni. Po zimi prihaja po jedna burja na vsakih pet ali šest dni.

Silni vetri v stepah in v Sibiru imajo tudi posebno ime: ako ravno v smislu meteorologičem „buran“ ne dela nika-koršnega posebnega prikazka. Piš vetrov, samo po sebi se razumi močnih, je tako rezen ko po stepah in ima tako moč do ljudi in domače živine, da je pri prebivalcih onih krajev prav razredba buranov: so burani letni in burani zimni. Pervi se pokazujejo po znoju, kterege našenejo; obdajo z gorečim vetrom, kakor s paro v kopelji; gosti prah stoji in verti se v zraku na preglednem prostori; v mestih zapirajo okna in obóknice, pa prah prešine vse, kar je v hiši. Po zimi sprem-lja burane sneg in metež. Nektera imena dajejo samo zimnim buranom in delijo jih na burane verhnje in na burane spodnje, gledé na to, ali pada pri tem sneg od zgoraj, ali se po silnem vetru le uzdviguje z zemlje in se verti v zraku. Pa v orenburžki oblasti večji del ta dva primerleja razlikujejo s posebnimi imeni, in imenujejo jedne burane, druge pak za-

мятели снѣгъ падаетъ сверху, а при бурѣ онъ взвивается снизу, съ земли. Трудно вообразить, до какой степени чело-вѣкъ и самыя даже животныя, у которыхъ есть обыкновенно какое-то внутреннее чувство познанія мѣстности, лишаются во время жестокаго зимняго бурана всякаго соображенія. Люди замерзаютъ въ нѣсколькихъ десяткахъ сажень отъ жилья, иногда почти на улицахъ селъ и деревень, выбившись изъ силъ и почти не сходя съ мѣста, а плутая все круговую. Скотъ бѣжить по вѣтру, забѣгаетъ безъ остановки за сотню верстъ, и нерѣдко мечется прямо и безъ оглядки въ пропасти и крутояры, гдѣ и погибаетъ. Стенный кайсакъ, который ведетъ васъ въ темную ночь, какъ въ ясный день, на любое урочище, рѣшительно отказывается быть вожакомъ вашимъ во время зимняго бурана, а если этотъ застаётъ его на пути, то онъ слѣзаетъ на мѣстѣ съ лошади, ложится, зарывается, если можно, въ снѣгъ, и выжидаетъ ведра.

Оренбургскимъ буранамъ не уступаютъ въ силѣ и даже превосходятъ ихъ — бураны южныхъ степенъ западной Сибири, степной части Алтайскаго округа и Киргизскихъ степенъ.

9. Мятель въ степи.

Я приближался къ мѣсту моего назначенія. Вокругъ меня простирались печальныя пустыни, пересѣченные холмами и оврагами. Все покрыто было снѣгомъ. Солнце садилось. Кибитка ѣхала по узкой дорогѣ, или точнѣе, по сѣду, проложенному крестьянскими санями. Вдругъ ямщикъ сталъ поглядывать въ сторону, и наконецъ, снявъ шапку, оборотился ко мнѣ и сказалъ: „Баринъ! не прикажешь ли воротиться?“

„Это зачѣмъ?“

„Время не надежно: вѣтеръ слегка подымается; вишь, какъ онъ сметаетъ порошу.“

„Что за бѣда?“

„А вишь, тамъ что?“ (Ямщикъ указалъ кнутомъ на востокъ).

„Я ничего не вижу, кромѣ бѣлой степи, да яснаго неба.“

„А вонъ—вонъ: это облачко.“

mete; v metenji sneg pada od zgoraj, pri burani zavija se k višku, od zemlje. Težko si je pomisliti, do kake stopnje človek in tudi še sama živina, v kateri je obično nekaj znotranji občutek poznanja kraja, zgubijo ob časi silnega zimnega burana vso zavednost. Ljudje zmerzujejo nekoliko desetek seženj od hiše, v časi skoro na ulicah sel in vasi, omedlevši in skoro ne gredoč z mesta in verte se neprestano okrog. Živina beži po vetru, leti neprenehoma za sto verst in velikrat meče se naravnost in bez obzira v prepade in s sterminih obrežij, kjer tudi pogine. Stepni kajzak, kateri pelje vas po temni noči kakor belem dnevu na ljubno shajališče, naravnost vam odreče biti vaš vodnik ob časi zimnega burana in če ga ujame na potu, zleze pri ti priči raz konja, ulega se, zariva se, ako je mogoče, v sneg in pričakuje vedrine.

Od orenburških buranov niso manj silni, temoč jih še prekosujejo — burani južnih step zapadne Sibirije, stepnega dela Altajskega okraja in Kirgizskih step. —

9. Zamet v stepi.

Jaz sem se približal odločenemu mestu. Okolo mene so se razpostirale žalostne puščave presekanе s hribi in soteskami. Vse je bilo pokrito s snegom. Solnce je zahajalo. Kibitka je tekla po ozki cesti, ali bolj na tanko (rečeno), po sledu napravljenem s sanmi kmetijskimi. Naenkrat je začel voznik pogledovati v stran in na zadnje je snemši kapico, se obernil k meni in rekel: „Gospod! ali ne ukažeš vrniti se?“

„Zakaj to?“

„Vreme ni zanesljivo: veter iz lehka popihuje; vidiš, kako goni mladi sneg.“

„Kaka nesreča je to?“

„Pa vidiš, kaj je to tam?“ Voznik je pokazal s bičem proti izhodu.

„Jaz nič ne vidim, zvonaj bele stepe pa jasnega neba.“

„Pa tam — tam: ta oblačić.“

Я увидѣлъ въ самомъ дѣлѣ на краю неба бѣлое облачко, которое принялъ было за отдаленный холмикъ. Ямщикъ изъяснилъ мнѣ, что облачко предвѣщало бурянь.

Я слыхалъ о тамошнихъ мятеляхъ, и зналъ, что цѣлые обозы бывали ими занесены. Савельичъ, согласно съ мнѣніемъ ямщика, совѣтовалъ воротиться. Но вѣтеръ покался мнѣ несиленъ; я понадѣялся добратся заблаговременно до слѣдующей станціи, и велѣлъ ѣхать скорѣе.

Ямщикъ поскакалъ; но все поглядывалъ на востокъ. Лошади бѣжали дружно. Вѣтеръ междутѣмъ часъ отъ часу становился сильнѣе. Облачко обратилось въ бѣлую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облежала небо. Пошелъ мелкій снѣгъ — и вдругъ повалилъ хлопьями. Вѣтеръ завылъ, сдѣлалась мятель. Въ одно мгновеніе темное небо смѣшалось съ снѣжнымъ моремъ. Все исчезло. „Ну, баринъ“, — закричалъ ямщикъ: „бѣда! бурянь! . . .“

Я выглянулъ изъ кибитки: все было мракъ и вихорь. Вѣтеръ вылъ съ такой свирѣпой выразительностію, что казался одушевленнымъ; снѣгъ засыпалъ меня и Савельича; лошади шли шагомъ и скоро стали. „Чтожь ты не ѣдешь?“ спросилъ я ямщика съ нетерпѣніемъ. — „Да что ѣхать?“ отвѣчалъ онъ, слѣзая съ облучка; „не вѣсть и такъ куда заѣхали: дороги нѣтъ и мгла кругомъ.“ — Я сталъ было его бранить. — Савельичъ за него заступился: „И охота было не слушаться“, — говорилъ онъ сердито: „воротился бы на постоялый дворъ, накушался бы чаю, почивалъ бы себѣ до утра, буря бѣ утихла, отправились бы далѣе. И куда снѣшимъ? Добро бы на свадьбу!“ — Савельичъ былъ правъ. Дѣлать было нечего. Снѣгъ такъ и валилъ. Около кибитки подымался сугробъ. Лошади стояли, понурия голову и изрѣдка вздрагивая. Ямщикъ ходилъ кругомъ, отъ нечего дѣлать улаживая упряжь. Савельичъ ворчалъ; я глядѣлъ во все стороны, надѣясь увидѣть хоть признакъ жилья или дороги, но ничего не могъ различить, кромѣ мутнаго круженія мятели. . . . Вдругъ увидѣлъ я что-то черное. „Эй, ямщикъ!“ закричалъ я: „смотри, что тамъ такое чериѣется?“ Ямщикъ сталъ всматриваться. — „А Богъ знаетъ, баринъ“, — сказалъ онъ, садясь на свое мѣсто: „возъ не возъ, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть, или волкъ или человѣкъ.“

Jaz sem zagledal v resnici na kraji neba bel oblacič, kateri se je bil prijel oddaljenega homca. Voznik mi je razjasnil, da oblacič je prerokoval buran.

Jaz sem slišal o tamošnjih zametih in sem vedel, da so cele voze zametovali. Saveljič je soglasno z mnenjem voznikovim svetoval verniti se. No, meni se veter ni zdel silen; jaz sem se nadjal priti o pravem časi do bližnje postaje in sem ukazal voziti berže.

Voznik je podirjal; pa vedno je pogledoval proti izhodu. Konji so dirjali naglo. Veter med tem je prihajal od časa do časa silnejši. Oblacič se je spreobernal v bel oblak, kateri se je težko povdzigoval, rasel in sčasoma obdal nebo. Začel je iti droben sneg — pa naenkrat se je usul debel. Veter je potegnil, začelo je mestiti. Na jeden mig se je zmešalo temno nebo s snežnim morjem. Vsega je zmanjkalo. „No, gospod“ — je zaupil voznik: „zdaj je težava! buran!...“

Jaz sem pogledal iz kibitke: vse je bilo mrak in vihar. Veter je vil s tako grozno močjo, da se je zdel oduševljen (biti); sneg je zasipal mene in Saveljiča; konji so šli korakoma in so kmalu stali. „Ali ne voziš?“ sem vprašal voznika nesterpljivo. — „Čemu pa voziti?“ mi je odgovoril, in zleze s sedeža; „še tako se ne ve, kam smo zavozili: ceste ni, megla pa krog in krog.“ — Zdaj sem začel ga zmirjati. — Saveljič je ga branil: „Tudi je bilo treba, ne poslušati — je govoril serdito: „bi se vernil do postaje, bi se napil čaja, bi počival do jutra, burja bi utihnila, in bi se bili odpravili dalje. In kam pa tako hitimo? Kakor na svatbo!“ — Saveljič je imel prav. Delati se je moralo nekaj. Sneg je se prav valil. Okolo kibitke je rasel kup snega. Konji so stali, pobešaje glavo in le redko z njo zmajaje. Voznik je hodil okolo, da bi kaj delal, uredovaje zaprežno orodje. Saveljič je mermral; jaz sem gledal na vse strani nadjaje se zagledati saj znamenje prebivališča ali ceste, pa nič nisem mogel razločiti zvnaj temnega sukanja zameta . . . Naenkrat sem zagledal nekaj črnega. „He voznik!“ sem zakričal: „poglej kaj tam nekaj tako črni se?“ Voznik je začel paziti. — „A Bog ve, gospod“, — je rekel usedaje se na svoje mesto: „voz, to ni voz, drevo, to ni drevo, zdi se, da se nekaj giblje. To mora biti ali volk ali pak človek.“

Я приказалъ ѣхать на незнакомый предметъ, который тотчасъ и сталъ подвигаться намъ на встрѣчу. Черезъ двѣ минуты мы поровнялись съ человѣкомъ. „Гей, добрый человѣкъ!“ закричалъ ему ямщикъ: „скажи, не знаешь ли гдѣ дорога?“

„Дорога-то здѣсь; я стою на твердой полосѣ“, отвѣчалъ дорожный: „да что толку?“

— „Послушай, мужичекъ“, сказалъ я ему: „знаешь ли ты эту сторону? Возмешься ли ты довести меня до ночлега?“

„Сторона мнѣ знакома“, отвѣчалъ дорожный: „слава Богу, исхожена и изъѣзжена вдоль и поперекъ. Да вишь какая погода: какъ разъ собьешься съ дороги. Лучше здѣсь остановиться, да переждать, авось буранъ утихнетъ, да небо прояснится: тогда найдемъ дорогу по звѣздамъ.“

Его хладнокровіе ободрило меня. Я уже рѣшился, предавъ себя волѣ Божіей, почевать посреди стени, какъ вдругъ дорожный съѣлъ пороворно на облучокъ, и сказалъ ямщику: „Ну, слава Богу, жило не далеко; сворачивай вправо, да поѣзжай.“ — „А почему ѣхать мнѣ вправо?“ спросилъ ямщикъ съ неудовольствіемъ; „гдѣ ты видишь дорогу? Не бось, лошади чужія, хомуть не свой, погоняй не стой.“ — Ямщикъ казался мнѣ правъ. „Въ самомъ дѣлѣ“, сказалъ я: „почему думаешь ты, что жило недалече?“ — „А потому, что вѣтеръ оттолѣ потянулъ“, отвѣчалъ дорожный: и я слышу: дымомъ пахнуло; знать, деревня близко.“ — Смѣтливость его и тонкость чутья меня изумили. Я велѣлъ ямщику ѣхать. Лошади тяжело ступали по глубокому снѣгу. Кибитка тихо подвигалась, то взъѣзжая на сугробъ, то обрушаясь въ оврагъ и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. Это похоже было на плаваніе судна по бурному морю. Савельичъ охалъ, поминутно толкаясь о мой бока. Я опустилъ цыновку, закутался въ шубу, и задремалъ, убаюканный пѣніемъ бури и качкою тихой ѣзды.

А. Пушкинъ.

10. Алтарь для жертвы.

Діонъ, богатый юноша, сдѣлался очень боленъ, и долгое время пролежалъ въ постелѣ; но наконецъ стало ему легче, и онъ выздоровѣлъ. Вышедши въ первый разъ въ

Jaz sem ukazal voziti proti neznani stvari, ktera je ta čas tudi začela iti nam nasproti. Črez dve minuti smo srečali se s človekom. „He dobri človek!“ mu je za kričal voznik: „povej, ali ne veš kje je cesta?“

„Cesta to je tukaj; jaz stojim na tverdem zemljišču“, je odgovoril popotnik: „pa kaj čem povedati?“

„Poslušaj, kmetič“, sem mu jaz rekel, „ali poznaš ti ta kraj? Ali bi me mogel pripeljati do prenočišča?“

„Kraj mi je znan“, je odgovoril popotnik, „slava Bogu, prehojen in prevožen podolgoma in popreko. Pa vidiš, kaka je to nevihta, kadar jedenkrat zablodiš s ceste. Bolje tukaj ustaviti se, pa počakati, dokler buran ne utihne in nebo ne razjasni se: potlej najdemo cesto po zvezdah.“

Njegova hladnokervnost me je ohrabrila, jaz sem uže namenil udavši se v voljo božjo, prenočiti vsredi stepe, ko je naenkrat popotnik sedel berzo na prednji sedež in rekel vozniku: „No, slava Bogu, prebivališče ni daleč, obračaj na pravo, pa vozi.“ — „Zakaj pa mi je voziti na pravo?“ je prašal voznik nevoljno; „kje pa vidiš cesto? Ni bos, konji tuji, komat ne svoj, poženi, ne stoj,“ — Meni se je zdelo, da voznik ima prav. „Resnično“ sem mu rekel, „zakaj misliš ti, da prebivališče ni daleč?“ „Zato ker je veter odtod sem potegnil“, je odgovoril popotnik, „in jaz čutim: po dimu je zadišalo; to se mora vedeti, da je vas blizo.“ Nad njegovo modrostjo in tenkim čutjem sem ostermel. Jaz sem ukazal vozniku voziti. Konji so težko stopali po globokem snegu. Kibitka se je tiho gibala zavaževaje, zdaj na kup snega, zdaj zavračevaje se v jamo in zavaljevaje se zdaj na jedno, zdaj na drugo stran. To je bilo podobno plavanju ladije na burnem morji. Saveljič je stokal vsako minuto zadevaje se o mojo stran. Jaz sem pustil dvojni koc, sem se zamotal v kožuh in sem zadremal, mamljen na spanje s petjem burje in s zibanjem tihe vožnje.

10. Oltar za darovanje.

Dion bogat mladenč je zelo zbolel, in dolgo časa je preležal v postelji; na zadnje mu je postalo ložeje in je ozdravel. Prišedši pervikrat na vert bil je kakor novorojen, poln

садъ, онъ былъ какъ бы новорожденный, полонъ радости, и славословилъ Господа громкимъ голосомъ, и въ избыткѣ благодарныхъ чувствъ, обращая взоры и сердце свое къ небу, произнесъ: „О Всеблаженный и Вседовольный! если бы человекъ могъ что-либо воздать Тебѣ . . . о, какъ охотно отдалъ бы я все свое имѣніе!“

Слова эти слышалъ одинъ благочестивый старецъ, и подошедши къ богатому юношѣ, сказалъ: „Благіе дары нисходятъ свыше; туда послать ты ничего не можешь. Но иди, слѣдуй за мною.“

Юноша послѣдовалъ за благочестивымъ старцемъ, и они пришли въ одну мрачную, полуразвалившуюся хижину, гдѣ встрѣтили ихъ ужасная нищета и горестъ. Отецъ лежалъ больной, мать плакала, дѣти были наги и просили хлѣба.

Ужаснулся юноша. Тогда старецъ сказалъ ему: „Вотъ — здѣсь алтарь для твоей жертвы! Это меньшіе братья Господни.“

Юноша простеръ къ нимъ благодѣющую руку, — и утѣшенные несчастные благословили его, и назвали ангеломъ Божиимъ.

Но старецъ, улыбаясь, сказалъ ему: „Такъ всегда — сначала обращай благодарный взоръ свой на небо, а потомъ на землю.“

11. Графъ Румянцевъ.

Графъ Румянцевъ однажды рано утромъ расхаживалъ по своему лагерю. Какой-то майоръ, въ колпакъ, стоялъ передъ своею палаткою, и въ утренней темнотѣ не узналъ приближающагося Румянцева, пока не увидѣлъ его передъ собою лицомъ къ лицу. Майоръ хотѣлъ было скрыться, но Румянцевъ взялъ его подъ руку, и, дѣлая ему разные вопросы, повелъ съ собою по лагерю, который между тѣмъ проснулся. Бѣдный майоръ былъ въ отчаяніи. Румянцевъ, разгуливая такимъ образомъ, возвратился въ свою ставку, гдѣ уже вся свита ожидала его. Майоръ, умирая отъ стыда, очутился посреди генераловъ, одѣтыхъ по всей формѣ. Румянцевъ, тѣмъ еще недовольный, имѣлъ жестокость напонтъ его чаемъ, и потомъ уже отпустилъ, не сдѣлавъ никакого замѣчанія.

veselja in je hvalil Gospod-boga na ves glas in v obilnosti hvaležnih občutkov obračaje poglede in serce svoje proti nebu reče: O preblagi, naj dobrotljivejši (Bog)! ako bi človek mogel Tebi kaj darovati ... oj kako rad bi ti jaz daroval vse svoje premoženje!

Te besede je slišal neki častitljivi starec in prišedši k bogatemu mladenču reče: „Dobri dari pribajajo od zgoraj, tje poslati nič ne moreš. Pa pojdi, pridi za menojo!“

Mladeneč je nasledoval častitljivega starca in sta prišla v jedno temno na pol poderto hišo, kjer se njima pokaže strahovito vbožstvo in revščina: Oče je ležal bolan, mati je plakala, detca so bila naga in so prosila kruha.

Prestrašil se je mladenič. Taday je starec rekel mu: „Glej — tukaj je oltar, za tvojo žertvo. To so manjši bratje Gospod-boga.“

Mladeneč je odperl jim dobrotljivo roko — in potolaženi nesrečniki so ga blagoslovili in imenovali angela božjega.

Starec pak smebljaje se, mu je rekel: „Tako vsegdar — od začetka obračaj hvaležni pogled svoj na nebo, potlej pa na zemljo.“

11. Grof Rumjancev.

Grof Rumjancev se je jedenkrat zgodaj zjutraj sprehajal po svojem taboru. Neki major je stal v nočni kاپici pred svojim šotorom in v juterni temi ni spoznal približajočega se vojvoda, dokler ni zagledal ga pred seboj od obličja do obličja. Major se je hotel skriti, pa Rumjancev ga je vzel pod roko in stavlja mu razna vprašanja odpeljal ga seboj po taboru, kateri se je med tem prebudil. Nesrečni major je bil v obupu. Rumjancev je tako se sprehajaje vernil se v svojo stanico, kjer ga je uže vsa družba pričakovala. Major, umirajoč od sramote, se je znajšel vsredi generalov oblečenih v celi opravi. Rumjancev s tem še ni bil zadovoljen, je imel neusmiljenje napojiti ga s čajem in za tem ga je še le odpustil, ne storivši nikake opombe.

12. Доброта А. П. Сумарокова.

А. П. Сумароковъ въ послѣдніе годы жизни своей худо занимался хозяйственными дѣлами, и они пришли въ совершенный упадокъ. Между тѣмъ, проходя однажды въ Москвѣ по улицѣ, онъ встрѣтилъ стараго израненнаго инвалида, который попросилъ у него милостыню. Не имѣя денегъ ни въ карманѣ, ни дома, Александръ Петровичъ снялъ съ себя шитый генеральскій мундиръ, и отдалъ его инвалиду, а самъ возвратился домой въ одномъ камзолѣ.

13. Солдаты измайловскаго полка.

Преслѣдуя Наполеона, Кутузовъ подъѣхалъ однажды къ измайловскому полку, и спросилъ: „Есть ли хлѣбъ?“ — „Нѣтъ, ваша свѣтлость“ — отвѣчали солдаты. — „А вино?“ — „Нѣтъ, ваша свѣтлость.“ — „А говядина?“ — „Тоже нѣтъ.“ — Принявъ грозный видъ, князь Кутузовъ сказалъ: „Я велю повѣсить провинцiальныхъ чиновниковъ. Завтра навезутъ вамъ хлѣба, вина, мяса, и вы будете отдыхать.“ — „Покорнѣйше благодаримъ!“ — „Да вотъ что, братцы: пока вы станете отдыхать, злодѣй-то, не дожидаясь васъ, уйдетъ.“ Тогда въ одинъ голосъ возопили гвардейцы: „Намъ ничего не надобно; безъ сухарей и вина пойдемъ его догонять!“ — При сихъ словахъ, поднявъ глаза къ небу, и утирая слезы, Кутузовъ произнесъ: „Великій Боже! чѣмъ возблагодарить тебя за милость, что имѣю счастье начальствовать такими молодцами!“ — Неумолкаемое ура! было отвѣтомъ измайловцовъ.

Михайловскій-Данилевскій.

14. Суворовъ и адъютантъ.

Всѣмъ извѣстно, какъ графъ Александръ Васильевичъ любилъ самъ точность въ исполненіи служебныхъ обязанностей, и строго требовалъ ея отъ своихъ подчиненныхъ. Однажды Суворовъ отпустилъ своего адъютанта въ домовый отпускъ, на срочное время. Срокъ отпуска давно уже прошелъ, а адъютанта нѣтъ. Графъ однакоже вспомнилъ объ немъ, и спросилъ: не пріѣхалъ ли онъ? Но ему отвѣчали, что его еще нѣтъ. Суворову это не понравилось. Наконецъ

12. Dobrota A. P. Sumarokova.

A. P. Sumarokov se je poslednja leta svojega življenja slabo pečal z gospodarskimi deli in ona so scela propadla. Medtem grédé jedenkrat v Moskvi po ulici srečal je starega, izranjenega invalida, kateri ga je prosil za miloščino. Ne imajoč denarjev ne v žepu, ne doma, slekel je Aleksander Petrovič s sebe obšito generalsko opravo, in jo podal invalidu, sam pak vernil se je domu v samem kamžoli.

13. Vojaki izmailskega polka.

Kutuzov preganjaje Napoleona je pridirjal jedenkrat k izmailskemu polku in v vprašal: „Imate kruha?“ — „Ne, Vaša svetlost.“ — so odgovorili vojaki. — „Pa vina?“ — Ne, Vaša svetlost.“ — „Pa govedine?“ — „Tudi ne.“ — Knez Kutuzov uperši grozen pogled reče: „Jaz bodem ukazal obesiti proviantske uradnike. Jutri pripeljejo vam kruha, vina mesa in vi bodete oddahnili.“ — „Naj ponižnejše se zahvaljujemo!“ — Pa glejte brati! dokler vi bodete počivali, pa sovražnik ne čakaje vas uide.“ — Tadaž so v jeden glas zavpili gardejci: „Nam nič ni potreba; brez suhega kruha in vina ga pojdemo loviti!“ Pri teh besedah povzdigne vojvoda oči k nebu, in brísaje si solze Kutuzov pregovori: „Veliki Bog! s čem se morem tebi zahvaliti za milost, da imam srečo zapovedovati s takimi junaki.“ Hura! katero ni hotelo umolk-niti je bilo odgovor Izmailcev.

14. Suvorov ino adjutant.

Vsem je znano, kako je grof Aleksander Vasiljevič ljubil sam točnost v izpolnovanji službenih dolžnosti in jo ostro zahteval od svojih podložnih. Jedenkrat je Suvorov pustil svojega pobočnika na odpust domu, na določen čas. Rok odpusta je že davno minul, pa pobočnika ni. Toda grof se ga je spomnil in vprašal: ali ni še prišel. Pa so mu odgovorili, da ga še ni. Suvorovu to ni bilo všeč. Posled-

адъютантъ явился, и первый его вопросъ былъ: не спрашивалъ ли меня графъ?

Нѣсколько уже разъ, отвѣчали его товарищи, и кажется, онъ тобой зато не доволенъ; а если ты хочешь загладить свою вину, то совѣтуемъ тебѣ сейчасъ же идти къ нему и просить извиненія въ твоей просрочкѣ.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано.

— А гдѣ теперь графъ? спросилъ адъютантъ.

— Купается въ морѣ, отвѣчали ему.

Адъютантъ не заставилъ себя долго дожидаться, приказалъ деньщику подать парадный свой мундиръ, въ минуту переодѣлся, и пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ купался Суворовъ. Александръ Васильевичъ, еще издали увидя возвратившагося своего адъютанта, началъ уходить дальше отъ берега. Адъютантъ догадался, что Суворовъ хочетъ сыграть съ нимъ шутку, и, не пожалѣвъ параднаго мундира, отправился въ воду, и идетъ прямо на графа. Суворовъ понялъ, что адъютантъ угадалъ его намѣреніе, и пошелъ еще дальше въ море; адъютантъ за нимъ. Наконецъ Суворовъ зашелъ въ воду по самое горло, но адъютантъ не отстаетъ отъ него. Александръ Васильевичъ, видя, что бѣдный адъютантъ намокъ, какъ курица, и что этого наказанія достаточно съ него, остановился и подпустилъ его къ себѣ; адъютантъ подошелъ къ графу, вытянулся, приложилъ руку къ каскѣ, и явился.

Суворовъ посмѣялся надъ мокрымъ адъютантомъ, сдѣлалъ ему отеческій выговоръ, приказалъ идти на квартиру, переодѣться и впредь выполнять въ точности всѣ приказанія, если въ параднымъ мундиру не хочетъ купаться въ морѣ.

15. Жизнь Суворова въ отставкѣ.

Село Кончанское, родовое имѣніе Суворовыхъ, находится въ самой глуши новгородской губерніи, знаменитый герой Рымника, Измаила и Праги поселился въ совершенномъ уединеніи, подъ присмотромъ полицейскаго чиновника. Тяжко было такое изгнаніе для человѣка честолюбиваго; но Суворовъ перенесъ свое несчастіе истиннымъ христіяниномъ. Сохраняя обычную свою твердость духа, онъ проводилъ часы одиночества надъ книгами, и внимательно слѣдилъ за хо-

njič pride adjutant in prvo njegovo vprašanje je bilo: ali ni popraševal grof po meni?

— Že nekolikokrat, so mu odgovorili tovarši in kaže se, da je on s teboj zato nezadovoljen; ali pa ti hočeš svojo napako poravnati, svetujemo ti, da pri ti priči greš k njemu in ga prosiš za odpuščanje zavoljo zamude obroka.

Kakor rečeno, tako storjeno.

— Kje pa je zdaj grof? je vprašal adjutant.

Koplje se v morji, so mu odgovorili.

Adjutant ni dal dolgo čakati se, je ukazal slugi podati praznično svojo opravo, se je v minuti preoblekel in šel k temu mestu, kjer se je kopal Suvorov. Aleksander Vasiljevič je že od daleč ugledal svojega vernivšega se adjutanta in je začel dalje od brega odhajati. Adjutant je uganil da Suvorov hoče pošaliti se z njim, ni mu žal bilo praznične oprave, se je odpravil v vodo in gre naravnost k grofu. Suvorov je razumel, da je adjutant uganil njegovo namero in je šel še dalje v morje; adjutant za njim. Na zadnje je zašel Suvorov v vodo noter do gerla, pa adjutant ne jenja mu. Aleksander Vasiljevič, videč da siromak adjutant je premočil se, kakor pišče in da je to dosta kazni zanj, se ustavi in ga pustí k sebi; adjutant je prišel k grofu, postavil se po vojaško, priložil roko k čeladi in se oglasil.

Suvorov se je posmejal mokremu adjutantu, ga je po očetovsko posvaril, ukazal mu iti v prebivališče, preobleči se in za naprej dopolniti na tanko vse ukaze, če neče v praznični opravi kópati se v morji.

15. Življenje Suvorova v odstavki.

Vas Končanska rodovinsko posestvo Suvorovih se nahaja v sami hosti novogradske gubernije. Tukaj se je uselil imenitni vitez Rimnika, Izmaila in Prage v popolni odločenosti pod ogledom policijskega uradnika. Težko je bilo tako izgnanje za človeka častiljubnega; pa Suvorov je prenesel svojo nesrečo, kakor pravi kristjan. Ohranivši svojo navadno terdnost duha, je preživel ure samote pri knjigah in je pazljivo sledil

домъ политическихъ событій; однакожь и здѣсь, въ глуши деревенской, не переставалъ быть тѣмъже чудакомъ, какимъ привыкъ уже показываться при дворѣ и передъ войскомъ: онъ вмѣшивался въ крестьянскія забавы, игралъ съ деревенскими мальчишками, а въ праздники читалъ въ церкви апостолъ, пѣлъ на клиросѣ, и звонилъ въ колокола. *Д. Милютинъ.*

16. Народное преданіе объ озерѣ Гидденѣ.

На Балтійскомъ морѣ есть островъ *Рюгенъ*. На этомъ островѣ есть озеро Гидденѣ. Объ немъ въ народѣ разсказывается слѣдующее преданіе.

На Рюгенѣ когда-то жили двѣ женщины: одна — добрая, сострадательная, другая — жестокая и скупая. Однажды вечеромъ, въ дождь и бурю, какой-то старикъ, одѣтый бѣдно, какъ нищій, дрожа отъ холода, пришелъ къ злой женщинѣ, просилъ у нея пріюта на ночлегъ и куска хлѣба. Злая женщина была богата, но не дала бѣдному старику ничего, и выгнала его изъ своего дома. Старикъ пошелъ къ другой женщинѣ. Она приняла его охотно и ласково, и раздѣлила съ нимъ послѣдній кусокъ хлѣба. Переночевавъ въ ея хижинѣ, онъ по утру поблагодарилъ ее отъ всей души, и, уходя, сказалъ: „За твое доброе дѣло, у тебя будетъ нынче цѣлый день споро все, за что ты возьмешься въ первый разъ.“ Женщина улыбнулась считая это добродушною шуткой, выражавшей благодарность прохожаго.

Проводивъ его, она пошла въ комодъ, и вынула оттуда кусокъ полотна, чтобы сшить рубашку своему ребенку. Полотна было всего три аршина: но когда она смѣрила ихъ, — видитъ, что его стало больше. Она отмѣрила еще три аршина; а полотна все остается; она стала мѣрить больше и больше, — полотно все вырастаетъ, все тянется. Она намѣрила столько, что завалила имъ всю свою избу, весь свой дворъ; наконецъ пошла она бродить по своимъ полямъ, — полотно и тутъ тянулось и вилось за ней нескончаемыми дорожками. Такъ проработала она до самаго вечера, и удивлялась, и радовалась до чрезвычайности. Она сдѣлалась богата.

Узнали объ этомъ всѣ сосѣди, узнала и злая женщина. Досадно ей стало, что она не дала у себя старику ночлега, и грубо обошлась съ нимъ. Думая какъ-бы поправить свою ошибку и, можетъ-быть, еще больше доброй женщины

hod političnih prigodeb; vendar tudi tukaj v samoti selski ni nehal biti ravno tisti čudni človek, za kakoršnega se je navedil pokazovati se pri dvoru in pred vojsko; on se je umeševal v kmetijske veselice, je igral z otroci vaskimi, v praznikih je pa čital v cerkvi apostoljsko branje, je pel v spevališči in zvonil z znonovi.

16. Narodna pripovedka o jezeri Gideni.

Na baltiškem morji je otok Rigen. Na tem otoku je jezero Giden. O njem se v narodu pripoveduje sledeča povest.

Na Rigeni ste živele nekdam dve ženski: jedna — dobra, usmiljena, druga — huda in skopa. Jedenkrat zvečer, v dežji in burji, je prišel neki starček, siromašno oblečen kakor ubožec tresoč se od mraza, k hudi ženski in je prosil jo za pribežališče, da prenoči in za kosček kruha. Hudobna ženska je bila bogata, pa ni dala ubožnemu starčeku nič in je izgnala ga iz svoje hiše. Starček je šel k drugi ženski. Ona je sprejela ga rada in ljubeznivo in razdelila ž njim poslednji kosček kruha. Prenočivši v njeni hiši se je zjutraj zahvalil ji iz vse duše, in je na odhodu rekel: „za tvoje dobro delo bode tebi zdaj cel dan vsega dovolj, za kar najpred primeš.“ Ženska se je namuznila, imaje to za dobrodušno šalo, pokazavšo hvaležnost popotnikovo.

Spremlivši ga je šla v omaro in vzela odtod kosček platna, da bi sšila svojemu detetu srajčico. Platna je bilo vse vkup tri aršine: kadar jih je pak zmerila — vidi, da ga je postalo več. Ona je odmerila še tri aršine; platna pa vedno še ostaja; ona je merila le več in več — platno vedno narašča, vedno razteguje se. Ona je namerila toliko, da je napolnila ž njim vso svojo izbo, ves svoj dvor; poslednjič je šla sprehajati se po svojih poljih, — platno je tudi tukaj se potegovalo in se je vilo za njo v neskončnih progah. Tako je delala vse prav do večera in se je čudila in veselila nenavadno. Ona je postala bogata.

Zvedili so to vsi sosedi, zvedila tudi hudobna ženska.

Neprijetno ji je bilo, da ona pri sebi ni dala prenočišča starčeku in se je ž njim neotesano ponesla. Misleč kako bi popravila svojo pogreško, in, da bi morebiti ona še več dobička

получить выгоды за гостеприимство, она отыскала, гдѣ милъ чудный старикъ, пришла къ нему, и позвала его къ себѣ. Онъ пошелъ къ ней. Съ притворнымъ добродушiемъ, подѣ которымъ скрывалось одно низкое корыстолюбіе, она приготовила ему мягкую постель, и угощала его всѣмъ, что было у ней лучшаго. На слѣдующій день старикъ поблагодарилъ ее, и, уходя, сказалъ: „У тебя будетъ нынче споро все, за что ты возьмешься въ первый разъ.“

Не успѣлъ онъ выдти за порогъ, она бросилась къ своимъ деньгамъ, дрожа отъ одной мысли, что насчитаетъ ихъ ужасное множество. Но, чтобы кто-нибудь не увидѣлъ и не ограбилъ ея, она зашла въ уединенное глухое мѣсто. Еще не принимаясь считать, она захотѣла прежде всего обмыть нѣкоторыя почернѣвшія монеты: но начавъ обливать ихъ водою, она никакъ не могла остановиться — все лила; а вода не изсякала, текла все больше и больше, такъ-что наконецъ затопила ея домъ и поля. На этомъ-то самомъ мѣстѣ теперь и стоитъ озеро Гидденъ.

17. Обращеніе Хазаровъ.

Просвѣтителями Хазаровъ были Св. *Константинъ* Философъ, послѣ въ монашествѣ названный *Кирилломъ*, и братъ его *Меодій*, родомъ Фессалоникійцы.

Около 840 г. прибыли въ Константинополь къ императору Михайлу 3-му послы Хазарскіе и просили его послать въ ихъ страну ученаго проповѣдника вѣры христіанской, который бы могъ состязаться съ Евреями и Срацинами, склонявшими Хазаровъ въ свою вѣру. „Еврей, говорили послы, убѣждаютъ насъ приять ихъ вѣру, — и многіе изъ нашихъ уже послѣдовали имъ; а Срацины преклоняютъ къ своей, утверждая, будто она лучшая изъ всѣхъ вѣръ, существующихъ на землѣ. Въ такихъ обстоятельствахъ, по старой дружбѣ съ вами, мы просимъ васъ: пошлите къ намъ какого либо ученаго мужа; если онъ посрамитъ Евреевъ и Срацинъ, то мы примемъ вашу вѣру.“ Царь вмѣстѣ съ святѣйшимъ патріархомъ *Игнатіемъ*, избрали на это важное дѣло знаменитаго по учености и благочестію Константина Философа. Пригласивъ съ собою брата своего Меодія, Константинъ прибылъ сначала въ Корсунъ; научившись здѣсь Еврейскому и

dosegla za svojo gostoljubnost, kakor dobra ženska, je poiskala, kje živi čudni starček, je prišla k njemu in ga je — povabila k sebi. On je prišel k nji. S hinavsko dobrodušnostjo, pod katero se je skrivala samo nečimurna samopridnost, mu je pripravila mehko posteljo in ga je pogostila z vsem, kar je imela naj boljšega. Sledeči dan je starček se zahvalil ji in na odhodu rekel: „Pri tebi bode od zdaj vsega dovolj, kar najpred primeš.“

Ni utegnil on črez prag stopiti, je skočila ona k svojim denarjem, trepetaje samo od jedne misli, da bi jih naštevala grozno množino. Da bi je pak nikdo ne opazil in je ne oropal je šla v posebno samotno mesto. Ni se še lotila štenja, je hotela pred vsem umiti nekatere začernele denarje: ali začeni jih oblivati z vodo, ni mogla se nikakor ustaviti — vedno je ulivala; voda pak ni usehnila, je tekla vedno bolj in bolj, tako da poslednjič je zatopila nje hišo in polja. Na ravno tem mestu stoji tudi zdaj jezero Giden.

17. Sveti Ciril in Metod.

Preobernjenje Kazarjev.

Prosvetitelja Kazarjev sta bila sveti Konstantin, modrijan, potlej v mništvu imenovan Ciril, in brat njegov Metod, po rodu Solunjana.

Okolo leta 840. so prišli v Carigrad k carju Mihaelu tretjemu poslanci Kazarski in so prosili ga, poslati v njih deželo učenega oznanovalca vere kristjanske, kateri bi mogel prepirati se z Judi in Saraceni, ki so nagovarjali Kazarje na svojo vero. „Judje so govorili poslanci, napravljajo nas, sprejeti njih vero, — in mnogi izmed naših so uže ubogali jih; Saraceni pak nas napeljujejo k svoji, tverdeč, da je ona naj boljša iz vsih ver, kar jih je na zemlji. V takih okolnostih, po starem prijateljstvu z vami, mi prosimo vas: pošljite nam kakega koli učenega moža; ako on osramoti Jude in Saracene, tadaj mi sprejmemo vašo vero.“ Car pri ti priči s presvetim patrijarhom Ignatijem izbere za to važno delo za voljo učenosti in pobožnosti imenitnega Konstantina modrijana. Konstantin poklicavši s seboj brata svojega Metoda je prišel od začetka v Korsunj. Naučivši se tukaj jezika judovskega

Хазарскому языкамъ, оба брата отправились въ страны Хазаровъ, и съ честью были приняты ханомъ ихъ. Послѣ многихъ преній о вѣрѣ съ Срацинами, а особенно съ Евреями, проповѣдники Евангелія достигли цѣли своего посольства: самъ князь, бояре его и множество народа увѣровали во Христа и приняли св. крещеніе. Оставивъ у Хазаровъ священниковъ, пришедшихъ изъ Херсонеса, Константинъ и Меѳодій, съ благодарственнымъ письмомъ отъ хана къ Греческому императору, возвратились въ свое отечество.

18. Утвержденіе христіанства въ Болгаріи.

Св. Кириллу и Меѳодію приписываютъ немалое участіе въ обращеніи ко Христу и *Болгаровъ*, которые уже давно имѣли нѣкоторое понятіе о христіанствѣ. Ибо Греки, захватываемые ими въ плѣнъ, не оставляли впустать имъ Божественность Евангелія; особенно же въ этомъ святомъ дѣлѣ трудился епископъ *Мануилъ*, который многихъ изъ Болгаровъ убѣдилъ принять крещеніе, и потомъ со многими другими, по повелѣнію Болгарскаго царя Мудрана, былъ преданъ мученической смерти. Начатое Мануиломъ продолжалъ другой плѣнникъ *Феодоръ Кифара*, который познаніе христіанской вѣры старался сообщить и самому царю Болгарскому, *Богорису* или *Борису*. Княжна Болгарская, сестра царская, бывшая въ плѣну у Грековъ и уже просвѣщенная св. крещеніемъ, по возвращеніи изъ Константинополя, всѣми мѣрами старалась склонить брата своего къ вѣрѣ во Христа; но Борисъ все еще не рѣшался перемѣнить вѣру. Наконецъ голодъ, происшедшій въ странѣ Болгарской, заставилъ царя обратиться къ Богу христіанскому; а изображеніе страшнаго суда, написанное для Бориса Греческимъ монахомъ Меѳодіемъ, братомъ Константиновымъ, — котораго онъ просилъ написать что нибудь страшное на стѣнахъ въ его покояхъ, — довершило надъ нимъ побѣду Евангелія. Такимъ образомъ подвигнутый къ благочестію, Борисъ съ вельможами своими прибылъ въ Константинополь, и тамъ крестился, бывъ переименованъ въ *Михайла*, по имени воспріемника его Михаила Самодержца (861 г.). Вельможи, враждебные христіанству, произвели было противъ царя возмущеніе въ народѣ; но укрѣпленный помощію Христовою, новоосвѣщенный государь безтрепетно напалъ на мятежныхъ и, по низложеніи

in kazarskega, sta se oba brata podala v dežele Kazarjev, in sta bila častno sprejeta po njih knezu. Po mnogih prepiranjih o veri s Saraceni a posebno s Judi sta dosegla oznanovalca evangelija namen svojega poslanstva: sam knez, gospoda njegova in množina ljudstva so verjeli v Kristusa in sprejeli sveti kerst. Konstantin in Metod, pustivši pri Kazarjih duhovnike, prišedše iz Hersonesa, sta se vernila s zahvalnim pismom od kneza carju gerčkemu v svojo domovino.

18. Utverjenje kristjanstva v Bolgariji.

Svetemu Cirilu pripisujejo tudi veliko udeležbo pri spreobnjeni Bolgarjev k Kristusu, kateri so imeli uže davno nekatero spoznanje kristjanstva; ker Gerki, ako so jih ujeli v plen, niso opustili priporočati jim božanstvenost evangelija; a posebno se je trudil v tem svetem delu škof Manuel, kateri je mnogo Bolgarjev pripravil sprejeti sveti kerst in je bil poleg z mnogimi drugimi po ukazu cesarja bolgarskega Mudrana izrožen smerti mučeniški. Po Manuelu začeto delo je nadaljeval drug jetnik, Teodor Kifara, kateri je prizadeval si poznanje kristjanske vere razodeti tudi samemu cesarju bolgarskemu Bogorisu ali Borisu. Kneginja bolgarska, sestra cesarjeva, bivši ujeta pri Gerkih in uže razsvetljena s svetim kerstom, je po povernjenju iz Carigrada na vso mož se trudila nakloniti brata svojega k veri v Kristusa; pa Boris še vedno ni namenil premeniti vero. Poslednjič je carja pripravila lakota, nastavši v deželi bolgarski, da se je obernal k Bogu kristjanskemu: podoba strašne sodbe namalane za cesarja Borisa po gerčkem minihu Metodu, bratu Konstantinovem — ktereга je on prosil namalati nekaj strašnega na stenah njegovih izb — pa je dokončala nad njim zmago evangelija. Tako k pobožnosti povzdignjen je Boris z veliko gospodo svojo prišel v Carigrad in se je tam kerstil in so ga prekerstili za Mihaela, po imeni botra njegovega Mihaela cesarja (861. leta). Velika gospoda kristjanstvu sovražna je napravila, kakor se pravi, punt proti cesarju v ljudstvu, pa s pomočjo Kristusovo okrepečani novorazsvetljeni vladar je brez straha napadel puntarje in premagavši jih je mnoge izmed svojih

ихъ, многихъ изъ своихъ подданныхъ возбудилъ къ принятію христіанства. Весь же народъ Болгарскій крестился при преемникъ Борисовомъ, крестившемся также въ Константинополѣ и получившемъ въ кичели имя *Симеона*.

19. Утвержденіе христіанства между Славянами.

Просвѣтителями *Славянскихъ племенъ* были также св. братья—Константинъ и Меѳодій. Сии проповѣдники присланы были (863 г.) въ страны Славянскія Греческимъ императоромъ Михаиломъ, вслѣдствіе просьбы князей Славянскихъ — прислать къ нимъ такихъ проповѣдниковъ, кои бы могли сдѣлать для Славянъ вразумительными св. книги. Избранные на столь важное дѣло, св. мужи съ ревностію занялись имъ. Князья Славянскіе — *Ростиславъ* и племянникъ его *Сватополкъ* и Паннонскій владѣлецъ *Коцель*, со многими вельможами, тотчасъ, по прибытіи проповѣдниковъ, приняли вѣру во Христа; ихъ примѣру послѣдовалъ и народъ и даже самыя жрецы идольскіе. Главнѣйшимъ пособіемъ къ быстрымъ успѣхамъ христіанства между Славянами служило то, что св. проповѣдники изобрѣли для нихъ письмена и перевели на Славянскій языкъ книги Новаго Завѣга, Псалтырь и многія другія книги, пужныя для богослуженія. Кириллъ и Меѳодій трудились вмѣстѣ въ просвѣщеніи племенъ Славянскихъ около четырехъ лѣтъ съ половиною. Папа Николай 1-й потребовалъ первоучителей Славянскихъ въ Римъ. Кириллъ и Меѳодій повиновались; но папы Николая уже не застали въ живыхъ. Преемникъ его *Адрианъ* 2-й встрѣтилъ св. учителей съ любовію, и почтилъ ихъ саномъ епископскимъ. Кириллъ скончался въ Римѣ, а Меѳодій возвратился въ званіи епископа Паннонскаго и Моравскаго, и неуспѣшно трудился для блага Славянской Церкви.

20. Церковь.

Когда ты въѣзжаешь въ село, что прежде всего тебѣ бросается въ глаза? — Церковь.

Стоитъ она выше всѣхъ домовъ; колокольную ты еще версты за двѣ завидѣлъ. Церковь стоитъ поодаль отъ всѣхъ домовъ; ни на одинъ домъ она не похожа, и больше всѣхъ

podložnih uzbudil k sprejetju kristjanstva. Ves narod bolgarski pa se je kerstil pod naslednikom Borisovim, kerstivšim se tudi v Carigradu in dobivšim pri kerstnem kamenu ime Simeona.

19. Utverđenje Kristjanstva med Slavjani.

Razsvetlilja slavjanskih plemen sta bila tudi sveta brata — Konstantin in Metod. Ta oznanovalec vere sta bila poslana leta 863. v dežele slavjanske po gerškem cesarji Mihaeli vsled prošnje slavjanskih knezov — poslani jim take oznanovalce vere, kateri bi mogli Slavjanom svete knjige storiti razumljive. Izbrana na tako važno delo, sta se ga sveta moža iskreno prijela. Knezi slavjanski — Rostislav in njegov bratič Svatopolk in panonski vladar Kocel z mnogo velike gospode, so tisti čas, po prihodu oznanovalcev, sprejeli vero v Kristusa: njih izgled je nasledoval tudi narod in celo sami ajdovski duhovni. Za najglavnejši pripomoček k berzimi napredkom kristjanstva med Slavjani je služilo to, da sta sveta oznanovalec iznašla za nje čerke in da sta predstavila na slavjanski jezik bukve novega zakona, knjigo psalmov in mnoge druge bukve potrebne za božjo službo. Ciril in Metod sta se trudila skupa z razsvetljenjem plemen slavjanskih blizo pol petih let. Papež Nikolavž prvi je poklical prva učitelja slavjanska v Rim. Ciril in Metod sta ga poslušala, pa papeža uže nista več našla med živimi. Naslednik njegov Adrijan drugi je sprejel sveta učitelja ljubeznjivo in ju je počastil s dostojnostjo škofovsko. Ciril je umerl v Rimi, Metod pak se je vernil s častjo škofa panonskega in moravskega in neutrudljivo je delal za srečo slavjanske cerkve.

20. C e r k e v.

Kadar voziš se v vas, kaj pred vsim prihaja ti pred oči? Cerkev.

Stoji ona više izmed vseh hiš; zvonik si uže dve versti daleč zagledal. Cerkev stoji malo dalje od vseh hiš; ni podobna nobeni hiši in je večji od vsih hiš. V nobeno hišo

домовъ. Ни въ одинъ домъ не пойдутъ міряне со всего села, а въ церкви мѣсто для всѣхъ есть: и старому и малому, и богатому и бѣдному, и здоровому и больному. Всѣ равно предстоятъ предъ Господомъ.

Въ церкви тебя крестили. Въ церковь тебя принесутъ, когда отдашь душу Богу. Близко церкви тебя похоронятъ. Словомъ, что бы важнаго въ твоей жизни ни случилось, во всемъ участвуешь, и во всемъ тебѣ помогаетъ церковь, — и не тебѣ одному: посмотри, вокругъ церкви лежатъ отцы твои, дѣды и прадеды. Всѣ они въ церкви крестились, женились, приносили крестить своихъ дѣтей; всѣ они тамъ молились, гдѣ ты молишься.

Стало-быть, церковь не то, что всякой другой домъ. Въ иной домъ ты самъ не пойдешь, въ иной тебя не пустятъ. Въ иномъ домѣ у тебя другъ, въ иномъ врагъ. Но въ церковь Божию всѣ входятъ: и знакомые и незнакомые, и родня и неродня, и други и недруги; и часто враги, предстоя въ одно время предъ престоломъ Божиимъ, умиляются сердцемъ и забываютъ объ обидахъ.

21. Чайный кустъ.

Чайное растеніе представляетъ невысокій кустъ, достигающій на свободѣ 10—12 футовъ росту, но при воздѣлываніи вообще не болѣе 5—6 и даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ только 2½—3 футовъ; не даютъ ему высоко расти изъ расчета: чѣмъ ниже чайный кустъ, тѣмъ вѣтвистѣе и тѣмъ легче сборъ листьевъ.

Существуютъ ли нѣсколько видовъ чая, или только одинъ видъ; происходятъ ли именно зеленый и черный чай отъ двухъ различныхъ видовъ растенія, или же отличие это основано только на разнородныхъ способахъ приготовления чая въ продажу — это съ достовѣрностію еще неизвѣстно. Однакожъ въ настоящее время большее число ботаниковъ, посѣщавшихъ родину чая или изучавшихъ доставленные въ Европу кусты и высушенные экземпляры этого растенія, держатся того мнѣнія, что всѣ сорта чая происходятъ отъ *однаго* вида чайнаго растенія.

Чай воздѣлывается въ Китаѣ и Японіи. Въ южномъ Китаѣ, наир. въ Кантонѣ, чайный кустъ произрастаетъ на сво-

ne pojdejo ljudje iz cele vasi, v cerkvi je pa mesto vsem: staremu in mlademu, bogatemu in ubožnemu, zdravemu in bolnemu. Vsi stoje jednako pred Gospodom.

V cerkvi so te kerstili. V cerkev te prinesó, kadar oddaš dušo Bogu. Blizo cerkve te pokopljejo. Z jedno besedo, karkoli bi se prigodilo v tvojem življenji važnega, v vsem se udeležuje in v vsem ti pomaga cerkev — in ne tebi samemu: poglej, okolo cerkve ležijo očetje tvoji, dedje in prededje. Vsi so se v cerkvi kerstili, se ženili in prinašali kerstit svoje otroke, vsi so tam molili, kjer ti moliš.

Gotovo je, cerkev ni to, kar vsaka druga hiša. V drugo hišo ti sam ne pojdeš, v drugo te ne pusté. V drugi hiši je tvoj prijatelj, v drugi sovražnik. Pa v cerkev božjo hodijo vsi; znanci in neznani, žlahta in nežlahta, prijatelji in neprijatelji, in mnogokrat se sovražnikom, stoječim ravno tisti čas pred sedežem božjim, ganejo serca in oni pozabijo razžaljenja.

21. Čajni germ.

Čajna rastlina prikazuje nizek germ, dosegajoč, ako je na svobodi deset do dvanajst čevljev rasti, ako se pak prideluje, v obče ne več od pet do šest, in v nekterih krajih celo samo dva in pol do treh čevljev; ne dajo mu visoko rasti s premislikom, ker, kolikor nižji je čajni germ, toliko je boljje vejast in je lagljeje pobiranje perja.

Ali je več verst čaja ali samo jedna versta, ali prihaja po imeni zeleni in črni čaj od dveh različnih verst rastline, ali je rasličnost njegova osnovana samo na raznih načinih pripravljanja čaja za prodaj, to z gotovostjo še ni znano. — Vendar zdaj večje število botanikov, obiskavših domovino čaja ali preučivših prinesene v Evropo germe ali posušene izgledte te rastline, derže se tega mnenja, da vse podobe čaja izvirajo od jedne verste čajne rastline.

Čaj se prideluje v Kitaji in v Japani. V južnem Kitaji, na primer v Kantoni, raste čajni germ svobodno; pa čaj,

бодѣ; но получаемый здѣсь чай низкаго качества; поэтому нѣтъ выгоды производить его здѣсь въ большомъ количествѣ. Тоже самое замѣчается и въ южныхъ частяхъ Японіи, гдѣ воздѣлываніе чая вообще весьма значительно. Но если холодный климатъ не выгоденъ для воздѣлыванія чайнаго куста, то и жаркій оказываетъ на него также неблагоприятное вліяніе. Въ Тонкинѣ и Кохинхинѣ существуетъ еще обработываніе чайнаго кустарника, но оно здѣсь весьма незначительно и чай дурнаго качества; точно также многія попытки разведенія чайнаго растенія въ жаркомъ поясѣ оказались неудачны. Высшія границы разведенія чая находятся въ восточной Азіи; предѣлы же свободнаго произрастанія чайнаго кустарника можно опредѣлить 15—40° сѣв. широты; поясъ, наиболѣе способный къ воздѣлыванію чая, заключается въ Китаѣ между 23—31° (отъ Юньнапа и нѣсколько южнѣе Нанкина); въ Японіи между 30 и 35°. Съ востока область распространенія чайнаго кустарника ограничивается Южнымъ моремъ; на западѣ она простирается не далѣе границъ Тибета. Въ Ассамѣ, подъ 25—26° и на средней высотѣ 2—4000 футовъ, находятъ дикорастущій кустарникъ, который Уэллхъ признаетъ настоящимъ чайнымъ; его начали тамъ теперь воздѣлывать.

Къ новѣйшимъ попыткамъ разведенія чайнаго кустарника въ другихъ странахъ свѣта принадлежитъ воздѣлываніе его въ Рио-Жанейро, въ Бразиліи, гдѣ онъ насаженъ на довольно значительномъ пространствѣ земли; обработываніе и фабрикація чая поручены китайскимъ колонистамъ; но получаемый здѣсь чай грубъ и лишенъ тонкаго, ароматнаго запаха, которымъ отличается китайскій чай; вмѣстѣ съ тѣмъ поденная плата работникамъ весьма высока; китайцы малопомалу расходятся, и вообще эту плантацію можно считать неудавшимся предпріятіемъ. Болѣе счастливымъ результатомъ увѣнчались недавнія попытки разведенія чайнаго кустарника въ Явѣ (конечно, на нѣкоторой высотѣ надъ моремъ, въ гористой странѣ). Въ Амстердамѣ, въ теченіе одного года, ввезено было около 1½ мил. фунтовъ яванскаго чая.

Чайный кустарникъ первоначально произрасталъ въ дикомъ состояніи въ Китаѣ и, по новѣйшимъ открытіямъ, на границахъ Ассама; въ Японіи же прежде его не находили,

tukaj dobivani je nizke vrednosti, zato ni dobička, ga tukaj v večji množini pridelovati. Ravno to se opazuje tudi v južnih delih Japana, kjer je pridelovanje čaja verlo veliko. Pa, ako hladno podnebje ni ugodno pridelovanju čajnega germa, tudi vroče pokazuje do njega škodljivo moč. V Tonkinji in v Kohinhini je tudi še pridelovanje čajnega germovja, pa je tukaj verlo nevažno in čaj je malovredne lastnosti; ravno tako so se skazale mnoge skušnje razširiti čajno rastlino v vročem podnebju nekoristne. Naj zadnje meje razširjenja čaja se nahajajo v izhodni Aziji; kraji v katerih čajno germovje svobodno (na polji) raste, se morejo odločiti s 15. do 40. stopnje severne širine; zemlja naj pripravnejša za pridelovanje čaja je v Kitaji med stopnjo tri in dvajseto in jedno in trideseto, od Junjnapa in nekoliko južneje od Nankina. V Japani med stopnjo trideseto in pet in trideseto. Na izhodu je deželi razširjenja čajnega germovja meja južno morje; Na zapadu ona ne razprostira se dalje čez granice Tibeta. V Assami, pod stopnjo pet in dvajseto do šest in dvajsete in v srednji višini dve tisoči do štirih tisoč čevljev, nahajajo divje rastoče germovje, katero spoznava Velih za pravo čajno; tam so ga začeli zdaj pridelovati.

K naj novejšim skušnjam razprostraniti čajno germovje v drugih straneh sveta spada pridelovanje njegovo v Rio-Žanejru v Braziliji, kjer je nasajeno na dovolj velikem prostoru zemlje; obdelovanje in pripravljanje čaja je izročeno kitajskim naselnikom; pa tukaj dobivani čaj je grob in brez tenkega aromatičnega duha, po katerem se odlikuje kitajski čaj, ob enem s tem je dnevna plača delavcev verlo visoka. Kitajci se malo po malo razhajajo, in v obče se more šteti ta nasáda za prazen poskus. Boljši uspeh so imele nedavno poskušnje razprostraniti čajno germovje v Javi, gotovo v neki višini nad morjem, v goratem kraji. V Amsterdam se je pripeljalo v jednom letu okolo jeden in pol milijona funtov javanskega čaja.

Čajno germovje je od začetka raslo divje v Kitaji in po novejših odkritjih na mejah Assama; pa v Japani ga popred niso

ибо японская исторія упоминаетъ объ одномъ китайскомъ бонзѣ (священникѣ), привезшимъ чай въ эту страну. Вѣроятно, это случилось до IX столѣтія по Р. Х., ибо въ началѣ упомянутаго столѣтія чай уже извѣстенъ былъ въ Японіи. Можетъ быть, употребленіе его началось тамъ уже въ VI вѣкѣ. Еще далѣе простираются извѣстія о воздѣльваніи его въ Китаѣ. Въ VI столѣтіи упоминается объ одномъ врачѣ, совѣтывавшемъ императору употребленіе чая, какъ средства противъ головной боли; поэтому чай долженъ былъ выиграть въ общемъ мнѣніи; даже въ IV вѣкѣ говорится о томъ, что одинъ министръ употреблялъ чай въ видѣ напитка. Въ исходѣ VIII столѣтія впервые была наложена въ Китаѣ пошлина на чай. У японцевъ существуетъ одно сказаніе о началѣ этого важнаго растенія. Буддійскій проповѣдникъ, Дарма, пришелъ изъ Индіи въ Китай съ цѣлю распространить свое ученіе; чтобы укрѣпить себя въ проповѣди и возбудить уваженіе къ своей религіи, онъ далъ обѣтъ проводить день и ночь въ благочестивыхъ размышленіяхъ; однакожь сонъ наконецъ одолѣлъ его. Пробудившись и негодуя на свою слабость, онъ, въ знакъ покаянія за нарушенный обѣтъ, обрѣзалъ свои вѣки и бросилъ ихъ на землю; на ней появилось совершенно незнакомое ему растеніе, котораго листья онъ употребилъ въ пищу, вслѣдствіе чего почувствовалъ въ себѣ крѣпость и силу для преодоленія сна. Дарма совѣтовалъ своимъ ученикамъ употребленіе этого драгоцѣннаго растенія преимущественно съ аскетическою цѣлю. Сказаніе это заключаетъ въ себѣ символическое значеніе относительно дѣйствія чая на нервы. Дарма лицо историческое, жившее въ VI вѣкѣ.

Чайный кустъ произрастаетъ усѣвшиѣ на южномъ склонѣ холма, вблизи рѣки или ручья. Онъ воздѣльвается небольшими участками, и кусты его располагаются правильными рядами; но въ Японіи поселяне, для домашнихъ своихъ потребностей, сажаютъ кусты на полевыхъ межахъ, гдѣ они имѣютъ видъ шпалерника.

Кустарникъ размножается сѣменами; его часто подрѣзаютъ, чтобъ онъ дѣлался вѣтвистѣе. На третій годъ можно уже собирать и употреблять чайные листья, но на седьмой необходимо срубить кусты и сажать на ихъ мѣста новые, если желаютъ имѣть хорошую прибыль. Прибѣгаютъ также

najšli, ker japonska povest omenja jednega Kitajskega bonza, duhovnika, pripeljavšega čaj v ta kraj. Verjetno je, da se je to zgodilo pred devetim stoletjem po rojstvu Kristusovem, ker v začetku omenjenega stoletja je čaj uže znan bil v Japani. Morebiti, da so ga začeli rabiti uže v šestem veku. Še dalje segajo sporočila o pridelovanji njegovem v Kitaji. V šestem stoletji se omenja jeden zdravitelj, kateri je cesarju svetoval zaužiti čaj, kakor za pripomoček zoper bolezen glavno; po tem je moral čaj ceno dobiti v obēnem mnenji; celo v četvertem veku se govori o tem, da je jeden minisier rabil čaj kot pijačo. Na koncu osmega veka se je prvič naložila mita v Kitaji na čaj. Pri Japancih je jedna pripovedka o začetku te važne rastline. Budijski vereoznanovalec Darma je prišel iz Indie v Kitaj z namenom razširiti svoj nauk; da bi utverdil sebe v oznanovanji in zbudil spoštovanje svoji veri, je obljubil, noč in dan prebiti v pobožnem premišljevanji; spanje ga je poslednjič vendar premagalo. Prebudivši se in nevoljen na svojo slabost, je za znamenje pokore za prelomljeno obljubo odrezal svoje trepavnice in vergel jih na zemljo; na njej se je prikazala rastlina njemu čisto neznana, ktere perje je porabil za živež in po tem je čutil v sebi moč in silo ubraniti se spanju. Darma je svetoval svojim učencem, rabo te dragocene rastline posebno iz namena sebe premagovati. Pripovedka ta ima v sebi simbolično pomembo moči čaja do čutnih žil. Darma je oseba zgodovinska, živel je v šestem veku.

Čajni germ raste pospešneje na južni rebri brega, blizo reke ali potoka. Prideluje se na malih prostorih in germi mu se razpostavljajo v pravih redih; v Japani pak seljani posajajo germe, za svoje domače potrebe po poljskih mejah, kjer imajo podobo špalirja.

Germovje se razmnožuje s semeni; mnogokrat ga podrezujejo, da bi se naredilo bolje vejasto. Tretje leto se uže more obirati in rabiti čajno perje, sedmo pak se vsakako morajo posekati germi in se posaditi novi na njih mesto, ako želé imeti dober dobiček. Pomagajo si tudi s poboljšanjem zem-

къ удобренію почвы; для этого въ Японіи употребляются масляная сбойна, сушеная сардель и сокъ горчичныхъ сѣмянъ.

Листья собираются по большей части три раза въ году: въ февралѣ или мартѣ снимаютъ нѣжные, едва распутившіяся листовыя почки; въ апрѣлѣ собираются частію старые листья, частію нѣжные почки, которые сортируются по величинѣ и мягкости; наконецъ въ маѣ или іюнѣ снимаются самые крупныя листья, которые, въ свою очередь, также сортируются. Первый сборъ даетъ самый нѣжный чай (императорскій въ Японіи); послѣ сушки онъ превращается въ порошокъ. Каждый листокъ ещипывается отдѣльно или прямо съ куста, или же срѣзанныя вѣтви приносятся домой, и здѣсь очищаются.

Послѣ сбора листьевъ, ихъ сушатъ. Для этого они кладутся на желѣзныя сковороды, которыя становятся въ небольшія отверстія очага. Сушка производится съ большею осторожностію; листья должны только сушиться, но не подгорать; сковороды по временамъ снимаютъ и затѣмъ снова ставятъ на огонь. У каждой сковороды стоитъ человекъ, который долженъ голою рукою переворачивать листья. Всякій разъ, когда листья снимаются со сковороды, они свертываются руками: такимъ образомъ чайныя листья получаютъ тотъ видъ, въ какомъ они встрѣчаются въ торговлѣ. Описанный способъ приготовленія чая названъ *сухимъ*; *мокрымъ* же путемъ чай готовится слѣдующимъ образомъ: чайныя листья кладутся сначала на желѣзное сито, и держатся надъ кипящей водою; пары поднимаются въ сито, листья проникаются ими и вслѣдствіе того измѣняются; затѣмъ они сушатся такимъ же точно образомъ, какъ и въ предыдущемъ способѣ. По удостовѣренію нѣкоторыхъ, зеленый чай получается первымъ способомъ сушки, черный же вторымъ.

Высушенные чайныя листья кладутся въ кувшины или упаковываются въ свинцовыя ящики; иногда же, при помощи бычачьей или овечьей крови, ихъ готовятъ въ родѣ лепешекъ (такъ называемый кирпичный чай, весьма распространенный у народовъ сѣверной Азіи); въ юго-западномъ Китаѣ чай встрѣчается въ видѣ кружковъ; онъ вывозится отсюда въ Аву и Кохинхину. Часто чай мѣшается съ

ljišča; za to rabijo se v Japani oljnate drože, sušene sardele in sok gorčičnega semena.

Perje zbira se večji del trikrat v leti; v februarji ali v marci potrgajo nježne listne popke ki so se komaj razpočili; v aprilu zbira se deloma staro listje, deloma nježno berstje, katero se razbira po velikosti in mehкости; poslednjič v maju ali v juniji pobere se naj debelejše perje, katero se tudi v svoje rede razbira. Perva zbira daje naj nježnejši čaj, cesarski v Japani; po sušenju se razpušča v prah. Vsaki listek se odščipne posebej ali precej z germa, ali pak se prinašajo odrezane veje domu in se tukaj otrebljujejo.

Po branju perje sušijo; zato se polaga na železne ponve, ktere se postavijo na manjše otvornice ognjišča. Sušenje se dela z naj večjo pazljivostjo; listje mora samo sušiti se ne pak se smoditi; ponvi se vsasi odstavljajo in zatim spet postavljajo na ogenj. Pri vsaki ponvi stoji človek, kateri mora z golo roko prevračevati listje. Vsakokrat, kadar se listje pobira s ponve, se obrača z rokami; tako dobiva čajno listje to podobo, v kateri se nahaja v tergovini. Popisani način pripravljati čaj se imenuje suhi; po mokri poti se čaj pak zgotovljuje takole, čajno perje se poklada od začetka na železno sito in derži se nad vrelo vodo; sopar puhti v sito, pregreje perje in po tem se spremeni, za tim se suši ravno tako, kakor v prejšnem primerleji. Po prepričanji nekterih se dobiva zeleni čaj z sušenjem perve verste, černi pa druge.

Posušeno čajno listje spravljajo v verče ali ukladajo v svinčene skrinje, včasi pak s pomočjo volovske ali ovčje kervi, ga napravljajo v podobi pogačic, to je tako imenovani opečni čaj, verlo razširjen med narodi severne Azije; v južno zapadnem Kitaji se nahaja čaj v okrogli podobi, se izvozi odtod v Avo in Košinšino. Dostokrat se čaj meša z di-

душистыми цвѣтами, однакожь совершенно несправедливо полагають, что чай не имѣеть собственного ароматнаго запаха, но заимствуетъ его только отъ примѣшиваемыхъ цвѣтовъ.

Чай скупается мелкими торговцами у производителей, затѣмъ перепродается богатымъ купцамъ въ Кантонъ, а также гон-конскимъ купцамъ. Онъ вывозится слѣдующими торговыми путями:

1. Моремъ китайскій чай почти исключительно идетъ изъ Кантона въ Европу, сѣверную Америку, отчасти въ Индію и Индѣйскіе острова. Важнѣйшую торговлю здѣсь ведутъ англичане, за ними голландцы и вѣверо-американцы.

2. Сухимъ путемъ — къ сѣверу по степи Гоби, чрезъ Кяхту, въ Сибирь, и оттуда частію въ Европу. Въ послѣднее десятилѣтіе торговля эта необычайно оживилась. Тимковскій, во время своего путешествія, встрѣчалъ множество чайныхъ коравановъ въ 100, 200 и 250 верблюдовъ.

3. Сухимъ путемъ — на западъ, отъ китайскихъ юго-западныхъ провинцій въ Монголію, Бухарию и Персію.

4. Сухимъ путемъ — на юго-западъ, отъ юго-западныхъ китайскихъ провинцій въ Тибетъ и уступы Гималайя Непаль, Бутанъ.

5. Сухимъ путемъ — на югъ въ Аву и Кохинхину. Изъ провинціи Юньнань большое количество чая вывозится въ Бирманію.

Въ Китаѣ и Японіи чай составляетъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, народный напитокъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе послѣдней тысячи лѣтъ. Онъ употребляется всѣми: отъ императора до простолюдина; его пьютъ за каждымъ обѣдомъ и во всякое время дня; его предлагаютъ каждому гостю; онъ продается повсюду на улицахъ, дорогахъ въ чайныхъ лавочкахъ. Приготовление чая и искусство его сортировки составляютъ принадлежность хорошаго воспитанія, и преподаются учителями, подобно сражанію и танцамъ въ Европѣ. Истинный знатокъ чая въ состояніи различить 700 родовъ его; тонкость его вкуса простирается даже дотого, что онъ узнаеть, какое дерево употреблено было для варки воды, и въ какой посудѣ она кипятилась.

Какъ китайцы, такъ и японцы пьютъ чай безъ молока и сахара; однакожь иногда прибавляютъ въ него разныя эссен-

šečimi rožami; vendar popolnoma krivo mislijo da čaj nima svojega posebnega aromatičnega duha in da si ga izposoja samo od primešanih rož.

Čaj se skuplja po malih tergovcih pri pridelavcih in zatim se prodaja bogatim tergovcem v Kantoni in tudi tergovcem honkonskim.

Izvozi se po sledečih tergovskih potih:

1. Po morji gre Kitajski čaj skoraj samo iz Kantona v Evropo, severno Ameriko, deloma v Indijo in na indijske otoke. Naj važnejšo tergovino tukaj imajo Angličani, za njimi Holandci in Severo-Amerikanci.

2. Po suhem potu — k severju skož stepo Gobi, čez Kijahto v Sibir in odtod deloma v Evropo. Poslednjih deset let se je ta tergovina nenavadno oživila. Timkovski o časi svojega popotovanja je srečal mnogo čajnih karavan s sto, s dvema sto in s dve sto in petdeset kamel.

3. Po suhem — na zapad, od kitajskih jugo-zapadnih dežel v Mongolijo, Buharijo in Persijo.

4. Po suhem — na jugo-zapad, od jugo-zapadnih Kitajskih dežel v Tibet in v podgorje Himalaje, v Nepal, Butan.

5. Po suhem — na jug v Avo in Kohinhino. Iz dežele Junjnanj naj večji del čaja izvozi se v Birmanijo.

V Kitaji in v Japani daje čaj v pravem smislu besede narodno pijačo, naj manje skož poslednjo tisočo let. Vsi ga rabijo od cesarja do prostaka, pijejo ga za vsakim obedom, vsaki čas dneva, postavljajo ga vsakemu gostu, on se prodaja povsod, na ulicah, na cestah in v čajnih prodajalnicah. Pripravljanje čaja in znanje njega razbire sostavljata del dobrega odgojenja in to učijo učitelji, kakor bojevanje in plese v Evropi. Pravi poznalec čaja more ga razločiti sedem sto verst tenkost njegovega vkusa seže celó tako daleč, da razpozna, kako dervo se je porabilo za kuho vode, in v kaki posodi je vrela.

Kakor Kitajci, tako tudi Japanci pijejo čaj brez mleka in sladkorja, vendar devajo večsi vanj razne dišave. Uživajo

цин. Его употребляютъ въ видѣ настоя изъ листьевъ (какъ въ Европѣ, или же въ видѣ порошка, который всыпаютъ въ чашку съ горячею водою, и затѣмъ мѣшаютъ до тѣхъ поръ, пока вода начнетъ пѣниться.

Потребленіе чая извѣстно также многимъ кочевымъ племенамъ сѣверной и средней Азіи. Отъ примѣси чая, дурная, соленая степная вода становится годною для питья, и для человѣка, проводящаго свою странническую жизнь въ сухомъ, остромъ климатѣ, чай составляетъ крѣпительный, вожде- ленный напитокъ.

Эти же самыя причины вызвали большое потребленіе чая въ Тибетѣ, гдѣ его пьютъ съ цѣлю способствовать пищеваренію, ибо пища здѣсь состоитъ изъ сухой, ячменной муки.

До VII столѣтія чай былъ неизвѣстенъ въ Европѣ. Россія и Голландія первыя познакомились съ его употребленіемъ. Русское посольство въ Монголіи получило чай замѣнъ своихъ подарковъ, состоявшихъ изъ собольихъ шкуръ, при царѣ Михайлѣ Ѳеодоровичѣ въ 1638 г. Хотя посоль былъ недоволенъ такимъ бесполезнымъ подаркомъ, но по необходимости долженъ былъ принять его и привезенный въ Москву чай встрѣтилъ тамъ одобреніе. Въ 1674 г., чай уже продавался въ Москвѣ, но постоянный ввозъ его начался не ранѣе 1689 г. по заключеніи торговаго трактата съ Китаемъ. О голандцахъ рассказываютъ, что въ 1610 году привезенъ былъ ими въ Китай шалфей (растеніе, имѣвшее прежде важное значеніе въ медицину) для обмѣна его на чай. Китайцы скорѣе оставили шалфей, но число почитателей чая въ Голландіи постоянно возрастало.

Нѣсколько позже чай проникъ въ Англію. Въ 1664 г. Остъ-Индская компанія прислала два фунта чая въ подарокъ королю, а въ 1667 г. одинъ корабль получилъ приказаніе привести сто фунтовъ чая.

Относительно потребленія чая въ разныхъ европейскихъ государствахъ замѣчается большое различіе; англичане наиболѣе (до 36 м. фунт.) потребляютъ его, за ними голландцы (3 мил. ф.) и жители (въ Россіи 5½ м.) сѣвера. Во Франціи

ga v podobi naliva iz listja, kakor v Evropi, ali pak v podobi praška, katerega vsipljejo v čašico z vrelo vodo in zatim mešajo dotlej, dokler voda ne začne peniti se.

Raba čaja je znana tudi mnogim kočevnim ¹⁾ plemenom severne i srednje Azije. Od primesi čaja gnjusna, slana, stepna voda, postane ugodna za pijačo in za človeka imajočega popotno svoje življenje v suhem, ostrem podnebj, daja čaj pokrepčujoče, zaželjeno pitje.

Ti vzroki so tudi napravili prav veliko potrebo čaja v Tibeti, kjer ga pijejo s tim namenom, da bi pospešili prebavljenje jedil, ker hrana tukaj obstoji iz suhe, ječmenove moke.

Do sedmega stoletja je bil čaj neznan v Evropi. Rusija in Holandija ste se perve soznanile z njegovo porabo. Rusko poslanstvo je sprejelo v Mongoliji čaj v zameno svojih podarov, obstoječih iz soboljih kož ob časi carja Mihaela Teodoroviča v leti tisoč šest sto in osem tridesetem. Ako ravno je bil poslanec nezadovoljen s takim brezkoristnim darom, pa je neobhodno moral sprejeti ga in v Moskvo prinešeni čaj je tam pridobil si dopadenje. Leta tisoč šest sto četrin in sedemdesetega se je čaj uže prodajal v Moskvi, pa stalni vvoz se ni začel pred letom tisoč šest sto devet in osemdesetim po sklenjenem tergovskem ugovoru s Kitajem. O Holandcih pripovedujejo, da v tisoč šest sto in desetem leti so pripeljali v Kitaj žalbej, rastlino, ktera je imela popred važno pomembo v zdravilstvi, da bi ga zamenjali za čaj. Kitajci so berzo pustili žalbej, pa množstvo spoštovalcev čaja v Holandiji je neprenehoma naraščalo.

Nekoliko pozneje je prišel čaj v Anglijo. — Leta tisoč šest sto četrin in šesdesetega je poslalo izhodno-indijsko družtvo dva funta čaja kralju v dar in leta tisoč šest sto sedem in šestdesetega je dobila jedna ladja povelje pripeljati sto funtov čaja.

Glede na porabo čaja v raznih evropejskih deržavah se opazuje naj veča razlika; Angličani ga naj več potrošijo do šest in trideset milijonov funtov, za njimi Holandci tri milijone funtov, in prebivalci v severni Rusiji pet in pol milijo-

¹⁾ Nomadskim.

и Германіи потребленіе чая весьма незначительно, и только въ послѣднее время начинаетъ увеличиваться; на югѣ Европы онъ распространенъ весьма мало. Вообще для всей Европы количество чая можетъ быть опредѣлено приблизительно въ 60 мил. фунтовъ.

Мнѣнія о пользѣ или вредѣ чая въ діететическомъ отношеніи, какъ извѣстно, весьма разногласны. Однакожь легко убѣдиться, что чай, если только употребленіе его не переходитъ границъ умѣренности, составляетъ вообще здоровый напитокъ. Его освѣжающая, оживляющая сила въ особенности испытывается послѣ утомительной ходьбы и другаго рода напряженій; онъ противодѣйствуетъ опьяненію, причиняемому крѣпкими напитками.

Чай воспѣтъ китайскимъ императоромъ Кіэнъ-Лонгомъ. Стихотворенію его, написанному на охотѣ, много удивлялись; оно было великолѣпно издано и помѣщено на фарфоровыхъ чашкахъ, предназначавшихся для императорскихъ подарковъ. Между прочимъ, въ немъ говорится слѣдующее: „Поставь на умѣренный огонь сосудъ на трехъ ножкахъ, котораго цвѣтъ и видъ показываютъ, что онъ уже давно употребляется, и наполни его чистою водою растаявшаго снѣга; дай этой водѣ нагрѣться до той степени, при которой рыба дѣлается бѣлою, а ракъ краснымъ; потомъ налей эту воду въ чашку на нѣжные листья отборнаго сорта чая; дай водѣ немного настояться, пока первые пары, образующіе густое облако, мало-помалу разсѣются и только легкій туманъ будетъ парить надъ поверхностію воды; тогда пей медленно этотъ драгоцѣнный напитокъ, и ты почувствуешь въ себѣ силу противиться пяти заботамъ, обыкновенно смущающимъ нашъ духъ. Сладкій покой, доставляемый такъ приготовленнымъ напиткомъ, можно вкушать, ощущать, но не описать.“

22. Былина о царѣ Петрѣ.

Наѣхалъ царь Петрѣ въ лѣсу на мужика; мужикъ дрова сѣчь. И говоритъ ему царь: „Божья ты помощь крестьянствовать!“ — Мнѣ-ка надо Бога на помощь!

— „А велико ли у тебя, старичокъ, семейство?“ — А семейство у меня двѣ дочери да два сына. — „Не велико жь твое семейство. Куда же ты деньги кладешь?“ — Кладу

nov funtov. Na Francozkem in Nemškem je poraba čaja verlo mala in še le poslednji čas se začenja pomnoževati; na jugu Evrope je razširjen a zeló malo. V obče se more množstvo čaja približavno opredeliti za vso Evropo na šestdeset milijonov funtov.

Mnenja o koristi ali škodi čaja v zdravilnem obziru, kakor je znano, so zeló različna. Vendar je lahko prepričati se, da čaj, samo ako ne prestopi njega raba mej zmernosti dáje zdravo pijačo. Njegova okrepčujoča, oživljajoča moč se posebno spoznava po utrudivnem popotovanji in po druge verste nateganji; on dela zoper pijanost napravljeno po močnih pijačah.

Kitajski cesar Kien-Long je péel o čaji. Pesmi njegoví, napisani na lovi, so se čudili; prav lepo se je izdala in se postavila na porcelanaste čašice, namenjene za cesarske podare. Med ostalim se v njej govori sledeče:

„Postavi na majhen ogenj posodo na treh nožicah, které barva in podoba prikazuje, da se uže od davno rabi in napolni jo s čisto vodo raztajavšega se snega, daj da se ta voda zgreje do take stopnje, pri kateri riba prihaja bela, rak pa rudeč; zatem nalij to vodo v časico na nježno listje izbrane verste čaja; daj vodi malo postati, dokler prvi sopar, podoben gostemu oblaku, malo po malo razide se, in bo samo lahka meglica hlapela po verhu vode; tadaj pij po časi to dragoceno pijačo in bodeš občutil v sebi moč protiviti se (vsim) pet skerbem, motijočim obično naš duh. Sladki pokoj, dobivan s tako napravljeno pijačo, je mogoče uživati, čutiti, ne pa popisati.“

22. Pripovedka o carji Petru.

Car Peter je nameril se v gozdu na kmeta; kmet derva seka. In car mu govori: „Božja pomoč ti bodi pri kmetovanji!“ Meni je treba Boga na pomoč!

„Ali imaš ti, starček, veliko rodovino?“ Moja rodovina je: dve hčeri pa dva sina. — „Tvoja rodovina pa ni velika. Kam pak ti denarje devaš?“ — Jaz devam denarje na tri

я деньги на три статьи: вопервыхъ, долгъ плачу, а вдругихъ, въ долгъ даю, а третьихъ, въ воду мечу. — Царь призадумался что бы это значило, что старикъ и долгъ платить, и въ долгъ даетъ, и въ воду мечеть? . . . И говоритъ ему старикъ: долгъ плачу — стараго отца и мать кормлю; въ долгъ даю — двухъ сыновей кормлю; а въ воду мечу — двухъ дочерей *кручу* ¹⁾. — „Ну, — говоритъ ему царь — умная ты голова, старичокъ. Будутъ во святой Руси бѣлые гуси, умѣй-ка щипать; а теперь сведи меня въ степи, я дороги не знаю.“ — „Почто я тебя поведу? Найдешь самъ дорогу: или прямо, сверни вправо, тутъ повороти влѣво, а тамъ опять вправо. — — „Этой я грамоты, говоритъ царь, не знаю. Ты меня сведи.“ — А мнѣ, сударь, въ крестьянствѣ день дорого стоитъ. — „Дорого день стоитъ, да я тебѣ заплачу.“ — А заплатишь, такъ поѣдемъ.

Сѣли они на одноколку и поѣхали. Дорогою сталъ царь мужичка выспрашивать: „далече ль, мужичокъ, ты бывалъ?“ — Кое-куда бывалъ, сударь. — „А видалъ ли царя?“ — Царя не видалъ, а надо бѣ посмотреть: согласился бы и помереть. — „Такъ смотри: въ степяхъ царь будетъ.“ — А какъ я царя узнаю? — „Всѣ будутъ безъ шапокъ бѣгать; одинъ царь въ шапкѣ.“ — Какъ прѣехали въ степь, увидѣли люди царя, всѣ шапки подъ пазухи, бѣгомъ бѣгаютъ. А мужикъ ширитъ глаза: двое стоятъ въ шапкахъ, и спрашиваетъ: кто же царь? — Говоритъ ему Петръ Алексѣевичъ: „видно, кто-нибудь изъ насъ царь.“ —

23. Зима зарайскаго крестьянина.

Проснувшись на утреннемъ разсвѣтѣ, и протерши глаза, земледѣлецъ смотритъ въ окно . . . и радостно сіяетъ лицо его. Снѣгъ валитъ хлопьями; и крыши сараевъ и избъ, и дворъ, и улица — все покрыто снѣгомъ ослабительной бѣлизны. Куда дѣвалась осенняя грязь, чернота и мрачность? Все надѣло чистую, бѣлоснѣжную сорочку, словно новокрещенный младенецъ.

И легко вдыхаетъ въ себя свѣжій воздухъ мужичокъ, вышедъ изъ душевой теплой избы, и мысль его прежде всего

¹⁾ Круча въ олонейской г. зн. одѣваю, снаряжаю къ замужеству.

kraje prvič, dolg plačujem, drugič, posojujem, tretjič, jih pa v vodo mečem. — Car se je zamislil, kaj bi to pomenilo, da starec dolg plačuje, posojuje in v vodo mečuje? In govori mu starec: dolg plačujem — starega oča in mater redim; posojujem — dva sina redim; pa v vodo mečem — dvema hčer-ma za možitev pripravljam. No, govori mu car — ti si modra glava, starec. Bojo v sveti Rusiji bele gosi, znaj le perje puliti; zdaj pa popelji me v stepe, jaz pota ne znam. — Po kaj bi te pak vozil? Najdeš sam pot: idi naravnost, obrni se na pravo, tu na levo, tam pa spet na pravo. — Te umetnije, govori car, jaz ne znam. Ti me popelji. — Mene pa, gospod, pri kmetijstvu dan drago stoji. — Drago dan stoji, saj te plačam. — Ako plačaš, tadaj se popeljemo.

Sedeta na kolesec in se odpeljeta. Spotoma je začel car kmetiča izpraševati: „ali si, kmetič, uže daleč bival?“ — Sem bival marsikje, gospod. — „Ali si pa videl carja?“ — Carja nisem videl, ali treba bi bilo ga viditi. Hotel bi (potem) umreti. — „Tako pazi: v stepah bode car.“ — A kako bom jaz carja spoznal? — „Vsi bodo brez kap tekli; jedini car bo v kapi.“ — Kakor sta se pripeljala v stepe, so zagledali ljudje carja, vsi s kopicami pod pazuh v tek letajo. Kmet pa oči širi: le ona-dva imata kape, in poprašuje: kdo je pa car? — Govori mu Peter Aleksijevič: „to se vidi, nekdo izmed naju je car.“

23. Zima zarajskega kmeta.

Prebudivši se o jutrenem svitu, in obrisavši si oči poljedelec pogleda na okno . . . in radostno sije lice njegovo: Sneg se usiplje na debelo; in strehe suš in hiš, in dvor in ulica — vse je pokrito s snegom oslepne beline. Kam se je djalo jesensko blato, černota in mračnost? Vse se je odelo v čisto, belosnežno srajčico, prav kakor novokerščeno dete. In lahko vdiha kmetič v se hladni zrak, prišedši iz zaduhle, tople izbe in misel njegova pred vsim obrača se k sanem.

обращается къ самямъ. Зима! . . . Телега уже не нужна, удѣль ея — до весны стоять подъ навѣсомъ; а сани — вотъ, вотъ понадобятся, надо оглобли ввернуть, да и вязочки несовсѣмъ исправны. . . почешетъ въ затылкѣ мужичокъ, наденетъ на себя старенькій дырявый полушубокъ, да и за топоръ, — и ну чинить да прилаживать. . . гдѣ гвоздемъ, гдѣ веревочкой аль лычкомъ. . . а глядишь, къ завтраку сани-то и готовы.

Но санной путь не устанавливается скоро. Первый снѣгъ, который всегда почти выпадаетъ на мерзлую землю, не бываетъ проченъ; скоро настаютъ оттепели, всегда почти бывающія въ нашемъ краю около праздника Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, и первый снѣгъ пропадаетъ, оставивъ по себѣ страшную слякоть и огромныя лужи воды. Оттепели эти оканчиваются вторичнымъ снѣгомъ, а послѣдующіе затѣмъ морозы устанавливають уже прочный санной путь. Бываютъ случаи, что оттепель смѣняется не снѣгомъ, а морозами, и это для озимей бываетъ очень вредно: вода, скопившаяся лужами во всѣхъ малѣйшихъ углубленіяхъ поля, застываетъ въ тонкій ледъ, и подъ этою ледяной корою всходы выпрѣвають. Когда же весна покроетъ все поле пушистой зеленью, выпрѣвшія мѣста представляются глазамъ въ видѣ черныхъ безобразныхъ пятенъ; а все поле подобно великолѣпному изумруднаго цвѣта ковру, съ прорванными въ немъ во множествѣ дырами.

Народъ замѣчаетъ, что когда рано съ осени начнутъ линять куры, то и зима бываетъ ранняя. Ежели грязь и мокрота дотога велики, что *„лошадиное копыто заликаетъ водою“*, тогда выпавшій снѣгъ упрочиваетъ санной путь. Пока листь съ вишневыхъ деревьевъ не опалъ, какъ бы много снѣгу ни выцало, оттепели его сгоняютъ. Ока подо льдомъ находится 20 недѣль; по дню ея замерзанія приблизительно опредѣляютъ, ранняя или поздняя будетъ весна.

Зима въ быту крестьянъ — земледѣльцевъ проходитъ, по крайней мѣрѣ для многихъ, по большей части внѣ дома. На барщинахъ едвали не у всѣхъ помѣщиковъ, развѣ за немногимъ исключеніемъ, съ рождественскаго заговѣнья или, по простонародному, съ Филипповокъ, и вплоть до весны, работаютъ по одному, или, какъ иначе называется, братъ на брата. Это значитъ то, что ежели семья состоитъ изъ двухъ

Zima! . . . Voz uže ni potreben, osoda njegova je — do spomladi stati pod streho; sàni pak — glej, glej se bodo rabile treba je vojnice zasukati in tudi vezi niso prav pripravne . . . kmetič se popraska za vratom, dene nase postaren preluknjan kratek kožuh zdaj pa kar po sekiro — ino hajd narejat pa primerjat . . . tu s žrebljem, tu s vervco ali z ličjem . . . pa vidiš, k zajterku so ti sàni že gotove.

No sàninec se ne napravlja berzo. Pervi sneg, kateri vsegdar skoro pada na merzlo zemljo, ne biva stanoviten; kmali nastajajo odjuge bivajoče v našem kraji skoro vsegdar okolo praznika vpeljevanja presvete bogorodice v svetišče, in prvi sneg skopni, pustivši za seboj strašno močo in ogromne luže vode. Te odjuge končujejo se z drugim snegom in sledeči za njim mrazi udelujejo uže stanoviten sàninec. Dogajajo se primerljeji, da se južno vreme ne spreminja s snegom, temoč z mrazi in to je za ozimine verlo škodljivo; voda, ktera se nabere v lužah po naj manjših globinah polja, zmerzne v tenek led in pod to ledeno skorjo se klijoče setve poparijo. Kadar pak spomlad pokrije vse polje z gostim zelenjem, kažejo se očem uparjena mesta v podobi černih, gerdih madežev in vse polje je podobno prelepi tkanini smaragdoye barve z mnogimi v nji razterganimi luknjami.

Narod opazuje, da kadar v jeseni zgodaj začnejo treti bit se (perje gubiti) kure, da tudi zima biva zgodnejša. Ako sta blato in mokrota tako velika, da konjska stopinja zaliva se z vodo, tadaj padši sneg. napravlja stanoviten sàninec. Dokler listje s črešnjevih dreves ni padlo, kolikorkoli bi snega tudi padlo, južno vreme ga odžene. Oka (reka) je pod ledom dvajset tednov, po dnevi njenega zamerznjenja približavno sodijo ali bode zgodna ali pozna spomlad.

Zima v stanu kmetov-zemljedelcev prehaja, vsaj pri mnogih, večji del zvunaj hiše. Na rabotah na delu, malo da ne pri vsih plemičih, zvunaj malo izjem, delajo od božičnega predposta, ali po prostonarodno, od Filipovek, prav do spomladi, po jeden ali kakor se to drugače imenuje, brat na brata. To pomeni to, da ako sestoji družina (hiša) iz dveh rodov,

тяголь, то на барщину ежедневно ходитъ одинъ работникъ; ежели изъ трехъ тяголь, то одинъ работникъ ходитъ ежедневно, а другой черезъ день. Покрестьянски называется это высылать на барщину отъ трехъ тяголь полтора работника. Ежели жь на семьѣ лежитъ только одно тягло, то этотъ одинъ ходитъ на барщину черезъ день: подобная льгота даетъ возможность половинѣ работниковъ отлучаться изъ домовъ вплоть до праздника Благовѣщенія. Имъ даютъ, пропуски на гербовой и простой бумагѣ, за подписомъ помѣщика и съ приложеніемъ гербовой печати, и идутъ мужички на заработки, иной въ Питеръ, другой на Агжельскіе фарфоровые заводы, или на другія фабрики Москвы и московской губерніи. Есть и такіе, которые далеко не ходятъ, а ищутъ себѣ работъ гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ, въ своемъ уѣздѣ, или идутъ на фабрики пласовыя, миткалевыя, нанковыя, или гдѣ ткуются полосухи, тики и другія нехитрыя издѣлія ткаческого искусства, берутъ тамъ неразмотанную бумажную пряжу, разматываютъ и ткуютъ у себя дома, по заказу фабриканта. Когда заказы сотканы, онъ везетъ ихъ на фабрику, сдаетъ и получаетъ заработанную плату. Но занимающіеся этимъ послѣднимъ промысломъ, какъ слышно, не зарабатываютъ себѣ лишней копейки, напротивъ отъ постоянного и продолжительнаго сидѣнія за станомъ, въ тѣсной и душной избѣ, теряютъ здоровье. Такихъ промышленниковъ всегда можно узнать по блѣдножелтоватому лицу и впалымъ щекамъ.

Зажиточные крестьяне, у кого наличныхъ есть рублей 50 или 100 серебромъ, отправляются на 2-хъ или 3-хъ подводахъ въ извозъ. Ѣдутъ въ Астрахань или на Донъ за рыбой, въ тамбовскую губернію за пшеномъ и солониной. Не имѣющіе своихъ денегъ нанимаются къ другимъ, для перевозки подобныхъ товаровъ. Отъ всего этого получается барышъ, хотя небольшой, но мужичокъ доволенъ и тѣмъ, что дома лошади не ѣли корма, овесъ его цѣлъ, да и самъ прокормился.

Для заработка на сторону, изъ домовъ идутъ самыя лучшіе, самыя здоровыя члены семейства, но рѣдко холостые. Неженатаго какъ-то не отпускаютъ далеко отъ двора, или, по крайней мѣрѣ, очень рѣдко: все какъ будто еще „молоденекъ.“

tadaj na raboto hodi vsaki dan jeden rabotnik; ako iz treh rodovin, tadaj jeden rabotnik hodi vsak dan, drugi vsaki drugi dan. Po kmetiško imenuje se to, pošiljati na rabato od treh rodovin poldruega rabotnika. Ako pak na hiši leži samo jedna tlaka, tadaj jeden hodi na raboto vsaki drugi dan. Tako polajšanje daja mogočnost polovini rabotnikov ločiti se iz doma celó do praznika Mariinega oznanovanja. Njim dajajo popotne liste na štempljanem in prostem papirji s podpisom plemiča in pritiskom pečati z gerbom; in kmetiči gredó na delo, jeden v Petrograd, drugi v Agželjske porcelanove delalnice ali na druge fabrike Moskve in moskovske gubernie. So tudi taki, kateri daleč ne hodijo in iščejo si dela kjer koli v okolicah, v svojem okraji, ali grejo v fabrike pliševe, mitkalove, nankinove ali kjer se tkajo progaste tkanine, cvilih in drugi neumetni izdelki tkalske umetnije, jemljejo tam nerazmotano pavolnato prejo, razmotavajo in tkajo jo pri sebi doma po naročbi fabrikanta. Kadar so naročene reči stkané, vozi jih v fabriko, oddaja in sprejema zaslužno plačo. Pa pečajoči se s tem poslednjim obertništvom ne pridelajo si, kakor se sliši, preveč kopejk, marveč gubé zdravje z vednim in dolgim sedenjem za statvami v tesni, zadušni izbi. Taki obertniki se morejo vsegdar poznati po bledorumenkastem obrazu in vpadlih licih.

Premožni kmetje, kateri imajo gotovih petdeset ali sto rubljev v srebru, odpravljajo se z dvema ali s tremi vozovi na vožnjo. Vozijo se v Astrahan, ali na Don po ribe, v tambovsko gubernio po proso in slanino. Ne imajoč svojih denarjev, si jih jemljejo na posodo od drugih za prevaževanje takega blaga. Od vsega tega potegnje dobiček, ako ravno ne velik, no kmetič je zadovoljen tudi s tem, da doma konji niso jedli klaje, oves njegov je cel, pa tudi sam se je preživil.

Na delo po deželi, od doma grejo naj boljši, naj zdravjši člani rodovine, pa redko samiči. Neoženjenega namreč ne puščajo daleč od hiše, ali vsaj, verlo redko: prav kakor da je še premlad.

Когда же парень достигнетъ узаконенныхъ лѣтъ, то его, какъ можно скорѣе, стараются женить. Но такъ-какъ дома человѣку рабочему безъ дѣла болтаться нечего, то случалось нерѣдко, что молодаго на другой или на третій день послѣ вѣнца, отправляли по пропуску въ Питеръ, гдѣ онъ, работая два или три года, и ни разу не приходя домой для побывокъ, все это время своей жены и въ глаза не видалъ. Грустное положеніе молодой бабы. Ра то для свекрови это сущее благополучіе. Полелевъ и попоковъ свою невѣтску первый годочекъ, на второй годъ старуха вваливаетъ на нее большую часть трудовъ и заботъ домашняго хозяйства; свекровь радуется отъ души, что Господь ей помогъ сына женить, и что она имѣетъ возможность чаще прежняго ничего не дѣлать и, сколько душъ угодно, лежать на горячей печи.

Дома остаются старики, да подростки, да одиночки, т. е. такіе, что ни самому отъ дома отлучиться нельзя и отпустить некого. Многія семейства, распуская членовъ своей семьи, въ надеждѣ на ихъ трудолюбіе и на способность пріобрѣтать леньги въ чужедаальной сторонѣ, вмѣсто ихъ нанимаютъ работниковъ подешевле, такихъ, которые на сторону е отлучаются, и съ которыхъ ничего болѣе и спросить нельзя, какъ только ходили бы молотить на барщину, провожали бы обозы, ѣздили бы за дровами и тому подобное.

Домашняя работа, какъ въ крестьянскомъ, такъ и въ господскомъ хозяйствѣ, осенью и зимою заключается въ молотьбѣ и въ доставленіи хлѣба на рынки для продажи, — въ вывозѣ изъ отдаленныхъ рошей дровъ и строеваго лѣса и въ перевозкѣ сѣна изъ дальнихъ поемныхъ луговъ, гдѣ оно послѣ сѣнокоса оставалось въ стогахъ, огороженное жердями отъ гулявшаго есеню скота. Если луга, съ которыхъ собрано сѣно, не свои, а били только наняты для снятія съ нихъ покоса; то сметанные на тѣхъ лугахъ стога должны быть сберегаемы отъ потравы и огорожены жердями на счетъ того общества или деревни, въ чьемъ владѣніи луга тѣ состоятъ, или у кого они наняты. Междутѣмъ послѣ сѣва и окончательной уборки съ полей, въ гумнахъ помѣшничьихъ и крестьянскихъ тщательно занимаются молотьбою. Первая обмолачивается пшеница и другіе красные хлѣба, чтобъ они не занимали мѣста въ ригахъ; потомъ постоянно молотится рожь и нѣсколько овса, и окончательно молотьбу овса ста-

Kadar pak mladenič doseže postavne leta, tu skerbe, kolikor morejo prej, ga oženiti. Pa, kakor se mora doma delaven človek brez dela zanimati s čem, tako se je dostikrat prigodilo, da so mladega (ženina) drugi ali tretji dan po poroki, odpravljali po popotnem listu v Petrograd, kjer on, delaje po dve ali po tri leta nejudenkrat ni prišel dom obiskat, in ves ta čas svoji ženi še v oči ni pogledal. Žalostno je stanje mlade žene. Zato je pa to za taščo gola sreča. Pervo letce svojo mlado nevestico pomilkovavši in spočivši drugo leto starka zvaljuje na njo večji del trudov in skerbí domačega gospodinstva; tašča se raduje iz duše, da je gospod Bog nji pomagal sinka ženiti, in da ona more večkrat kakor pred, nič ne delati in, kolikor je duši ugodno, ležati na vroči peči.

Doma ostanejo starci, pa tudi dorasli jedinčki, to je, taki, kateri se ne more ne sam od doma odločiti, ne koga (drugega) pustiti. Mnoge rodovine razpuščaje člene svojega rodu, v nadi na njih delavnost in spretnost pridobivati denarje v daljnem, ptujem kraji, mesto njih najemajo delavce malo cenejše, take, kateri v tujino ne podajajo se, in od kterih ni mogoče nič več tudi zahtevati, kakor samo da bi hodili mlatit v raboto, da bi prevažali toware, hodili po derva in kaj tacega.

Domače delo kakor v kmetijskem tako tudi v gospodskem gospodarstvu v jeseni in po zimi obstoji v mlačvi in v vožnji žita na terge na prodaj, — v vožnji derv in lesa iz oddaljenih gozdov in v prevožnji sena iz daljnjih mokrih travnikov, kjer se je po košnji pustilo v stogih, ograjeno z žerdmi pred živino blodečo v jeseni. Ako travniki, s kterih se je seno nakosilo, niso lastni, temoč samo najeti za pokošnjo, tadaj morajo stogi, na tih travnikih nametani, biti obvarovani popaše in ograjeni z žerdmi na rajtingo tiste občine ali vasi, v ktere posesti so travniki, ali komur so v najem dani. Med tem po setvi in po dokončanem spravljanji s polja pridno pečajo se z mlačvo na skednjih plemičkih in kmetiških. Perva omlačuje se pšenica in drugo lepo žito, da ne bi jemalo mesta v sušah, potlej se neprestano mlati èrž in nekoliko ovsu in poslednjič prizadevajo si začeti mlačev ovsu okolo polovice

раются начать съ половины зимы, чтобы свѣжая овсяная солома была по возможности сбережена къ концу зимы, къ тому времени, когда скоть особенно требуетъ хорошаго корма. Конечно, можно бы было яровую солому сохранить и въ обметахъ, но долго лежавшая въ обметѣ солома, какъ говорятъ, не можетъ уже быть такъ свѣжа, какъ солома изъ только что выбитаго скирда. Другая же причина — чисто практическая, утвержденная поговоркою: „что не молочено, то и цѣло.“ Молотьба у помѣщиковъ производится разнообразно. У иныхъ молотятъ только мужики, у другихъ мужики и бабы. Въ самый долгій рабочий день ржи сухой и самой крупной вязи можно обмолотить по полной копнѣ на человѣка, въ сложности обмолачивается крестца по три; въ короткій зимній день болѣе полукопны на человѣка обмолотить почти не возможно. Умолоть ржи зависитъ отъ чистоты и сухости ржи и налива зерна. Травнистая, кошенная и отвоглая рожь даетъ менѣ умолота изъ копны, нежели рожь чистая и сухая. Умолоть ржи считается у насъ обильнымъ, ежели получается изъ копны мѣръ одиннадцать или двѣнадцать, — средній — мѣръ восемь или девять, а малый — все что менѣ шести мѣръ изъ копны. Пшеница, при лучшемъ наливѣ, даетъ рѣдко болѣе четверти, но урожай пшеницы и тогда уже считается удовлетворительнымъ, когда даетъ изъ копны умолота мѣръ шесть или семь.

Обильный умолоть овса даетъ иногда отъ двухъ до двухъ съ половиною четвертей; такой умолоть бываетъ впрочемъ рѣдокъ. Обыкновенный же умолоть овса изъ копны — отъ полуторы до двухъ четвертей. У хорошихъ хозяевъ — помѣщиковъ рожь обмолачивается ручною молотьбою до рождественскаго заговѣнья почти вся, молотьбой же овса, я выше сказалъ, и не торопятся очень.

Въ нашихъ мѣстахъ весь хлѣбъ обмолачивается сыромолотомъ, т. е. прямо изъ скирдовъ, да и овинновъ для сноповой сушки ни у кого почти нѣтъ. Причина этому та, что въ нашихъ мѣстахъ ржаной соломой дорожать, какъ необходимымъ для скота кормомъ. Пересушенную же и прокуренную дымомъ солому скотина ѣсть не станетъ, и потому овины у насъ если и существуютъ, то только какъ сушильни для зерноваго хлѣба. Въ продажу же по большей части у насъ идетъ рожь сыромолотная. Въ Коломнѣ ее покупаютъ

zime, da bi se frišna ovsena slama po mogočnosti prihranila do konca zime, do tega časa, kadar goveda posebno potrebujejo dobre kerme. Gotovo bi se mogla jara slama ohraniti v kopalih, pa slama, ktera je dolgo ležala v kopi, kakor govorijo, ne more biti tako frišna, kakor slama iz ravno kar omlačenega nasada. Drugi vzrok — pak je čisto praktičen, uterjen po pregovoru „kar ni mlačeno, to je tudi celo.“ — Mlačev pri plemičih se opravlja različno. Pri jednih mlatijo samo kmetje, pri drugih možje kmetški in ženske. Najdaljši delavni dan more omlatiti jeden človek suhe èrži naj večega snopja po celi kopi; po preko omlatijo se po trije nasadi; kratki zimski dan človek več od pol kope skoro ne more omlatiti. Namlati se èrži po čistoti in suhosti èrži in polnosti zernja. Travnasta, košena in vlažna erž dá manj namlati od kope, kakor èrž čista in suha. Namlat èrži se šteje pri nas za obilno, ako se dobi iz kope jedenajst ali dvanajst mer, — srednja, — mer osem ali devet, in mala — vse kar je manj ko šest mer od kope. Pšenica naj bolj polna daje redko čez četvert in urod pšenice šteje se uže tadaj za dober, kadar daje iz kope namlati šest mer ali sedem.

Obilna namlat ovsja daje včasi po dve do po dve in pol četverti; sicer je taka namlat redka. Navadno se namlati ovsja iz kope od pol druge, do dveh četverti. Pri dobrih gospodarjih — pri plemičih se omlačuje èrž po ročni mlačvi do predposta božičnega skoro vsa, z mlačvo ovsja, kakor sem zgoraj povedal, tudi verlo ne hite.

V naših krajih se vse žito mlati po „siromlati“, to je, naravnost s kupa, da, še sušilnic za sušenje snopovja skoro nikdo nima. Vzrok temu je ta, da v naših krajih èržena slama se visoko ceni, kakor za goveda neobhodna korma. Presušeno namreč in v dimu prekajeno slamo goveda jesti nečejo in zato so sušilnice pri nas, ako ravno obstoje, le kakor sušilnice za žitno zernje. V prodaj namreč gre pri nas večji del èrži „siromlatne.“ V Kolomni je prav mnogo

въ огромномъ количествѣ для солодовенъ. Для сбора мякины строятся иногда въ гумнахъ особенныя помѣщенія подъ названіемъ „мякинницъ.“ Ихъ строятъ и рубленныя изъ бревенъ, заплетаютъ и изъ хвороста, какъ случится, или какія у кого есть на то средства, лишь бы мякина была подъ крышей да замкомъ. Крестьяне сохраняютъ мякину просто въ ригахъ. Мякина идетъ въ употребленіе коровамъ, и можно смѣло сказать, что въ содержаніи рогатаго и всякаго домашняго скота, она составляетъ ежели не необходимость, то величайшее подспорье. Для сообщенія мякинѣ большой питательности и вкуса, ее немного посыпаютъ мукою, обдаютъ кипяткомъ и мѣсятъ.

Обыкновенный зимній кормъ скоту составляетъ ржаная и яровая солома, да къ „припуску“ при дойкѣ мякина, или немного сѣна. Овцамъ всю зиму отпускается яровая солома, а когда онѣ начнутъ „котиться“, т. е. съ февраля мѣсяца, даютъ понемногу сѣна. Многіе на скотныхъ дворахъ устраиваютъ для корма ясли, но по большей части предпочитается привозимую на скотный дворъ для корма солому раскидывать около стѣнъ по всему скотному двору, чрезъ это скотина, какъ говорятъ, не завидуетъ одна другой, не бьется и не толкается, а всякая сама по себѣ, роясь рыломъ въ солому, спокойно выбираетъ то, что ей болѣе нравится. Въ то время, когда коровы начинаютъ телиться, а овцы котиться, скотницы и день и ночь, особенно въ холодное время, наблюдаютъ, чтобъ не прозвѣвать новорожденнаго, да чтобъ не дать ему зазябнуть; и лишь только маленькое животное появится на свѣтъ, скотница немедленно беретъ его на руки, бережно относить въ избу, и кладетъ въ отгороженномъ на этотъ предметъ уголкѣ на посланную солому. Если родившееся существо ягненокъ, то съ нимъ впускается въ избу и мать.

Овцеводствомъ въ большомъ размѣрѣ, какъ это водится въ степныхъ губерніяхъ, у насъ не занимаются, за неимѣніемъ возвышенныхъ сухихъ и просторныхъ пастбищъ, луговыя же пастбища на низменной и сыровой мѣстности для овецъ, какъ замѣчаютъ, губельны. Отъ подобныхъ пастбищъ въ печени у овецъ заводятся пьевки. Сначала болѣзнь не замѣтна; но мало помалу овцы начинаютъ кашлять, сохнуть

kupujejo za sladovarnice. Za nabiro plev se narejajo večasi v gumnih posebni prostori z imenom „mekinic“ (plevnik). Tudi jih narejajo iz otesanih berven, spletajo tudi iz protja, kakor se primeri, ali kakor kdo premore, le da bi bile pleve pod streho in pod ključem. Kmetje shranjujejo pleve prosto v kupih. Pleve grede v rabo za krave in se more lahko reči, da so za rejo rogate in vsake domače živine, ako ne neobhodno potrebne, vsaj naj več koristne. Da se da plevam večja redilna moč in okus, jih nekoliko posipajo z moko, pariijo z vrelo vodo in mešajo.

Navadna zimska kerma goveji živini je èržena in jara slama, in kadar molzna krava pripušča, pleve, ali nekoliko sena. Ovcam se vso zimo daja jara slama in kadar one začnejo mlade imeti, to je okolo februarja mesca, po malo sena. Mnogi narejajo v hlevih jasle za kermo, pa večji del imajo za bolj pripravno, razkidati slamo, pripeljano za kermo v hlev, okolo sten po celem hlevu, po tem živina, kakor govorijo, ne zavida jedna drugi, ne bije se in ne drega se, a vsaka sama za se, rijoč z gobcem v slami, mirno izbira to, kar ji bolje diši. Ta čas kadar krave začnejo teliti, pa ovce jagnjiti se, živinske dekcle pazijo noč in dan, posebno ob hladnem vremenu, da bi ne zamudile novorojenega, da bi mu ne dale zmerzniti in komaj se mala živinica na svet prikaže, ga živinska dekcla jemlje berž na roke, ga skerbno nese v izbo in polaga na postlano slamo v vogliču za tó stvar ograjenem. Ako je to, kar se je rodilo, jagnje, tadaj se ž njim pušča v izbo tudi mati.

Z ovčjo rejo v večji razmeri se pri nas ne pečajo, kakor v stepnih gubernijah, ker nimamo visokih, suhih in prostornih pašnikov, pašniki v travnikih na nizkem in vlažnem kraju pa so ovcam, kakor opažajo, nevarni. Od takih pašnikov se zarejajo v jetrih ovčjih pijavke. Iz začetka se bolezen ne opazi; pa malo po malo začnajo ovce kašljati,

я, съ наступленіемъ дней поздней осени, умираютъ, имѣя всю печень иногда совершенно изъѣденною пьявками.

Каждый крестьянинъ и помѣщикъ держитъ овецъ столько, на сколько хватаетъ средствъ для ихъ продовольствія. Въ отношеніи же получаемого отъ нихъ удобренія, десять овецъ считаютъ равными одной коровѣ. Овецъ „брѣютъ“, т. е. стригутъ два раза въ годъ, весною въ апрѣль или маѣ, а осенью въ сентябрѣ, по народному, послѣ „Семеня“ дня, т. е. перваго сентября. Для бритья употребляютъ особыя ножницы безъ ручекъ. Чтобъ обрить животное, связываютъ ему ноги такъ, чтобы оно не шевелилось. Шерсть апрѣльской стрижки называется *вешника*, или вешняя, а снятую съ овецъ въ сентябрѣ называютъ *осеннею*. Осенняя шерсть въ продажѣ дороже, нежели *вешника*; причина та, что есенняя шерсть вырастаетъ въ продолженіи лѣтнихъ мѣсяцовъ, по большей части на открытомъ воздухѣ, а потому она чище и мягче тогда-какъ вешняя, выросшая въ душныхъ и сорныхъ амшеникахъ, бываетъ нечиста, спутана и сваленная въ комья подобно войлоку; самая же цѣнная шерсть есть *поярки*. Поярки снимаютъ съ негодовалыхъ еще ягноковъ и ярокъ, по чему эту шерсть и называютъ поярки. Свиней въ нашихъ мѣстахъ разводятъ тоже въ большомъ количествѣ, болѣе для своего проловольствія, потому что по цѣнности хлѣба на нашихъ рынкахъ, выкармливаніе свиней для продажи не можетъ приносить значительныхъ выгодъ. Выкармливаніемъ свиней въ нашихъ мѣстахъ едвали не исключительно занимаются только мельники; но для корма они не тратятъ много муки или другаго какого хлѣба въ зернѣ, а довольствуютъ свиней единственно мучною пылью, которой на мельницахъ всегда бываетъ достаточно.

Итакъ зима! На дворѣ трещать морозы. Зады, т. е. заднія стороны деревень, на которыхъ расположены обыкновенно гумна и риги, засыпаны подъ самыя пелены крышъ сугробами, и нерѣдко случается, что этотъ привалъ сливается въ одинъ бугоръ съ покрывающимъ крышу толстымъ слоемъ снѣга. Вся природа находится будто въ какомъто оцѣпенѣніи. Веселая рѣчка сначала покрылась тоненькимъ прозрачнымъ ледкомъ; но мало помалу, мятели да вьюга занесли ледъ снѣгомъ, и рѣчки какъ не бывало. Даже и солнушко не часто радуется землю своимъ появленіемъ, а если

hujšati in z nastopom dni pozne jeseni, cerkajo, imaje včasih vsa jetra popolnoma izjedena po pijavkah.

Vsaki kmet in plemič redi ovec toliko, kolikor ima pripomočkov preživiti jih. Glede na gnoj od njih dobivani, štejejo deset ovec za jedno kravo. Ovce „brijejo“ to je, strižejo dvakrat na leto, spomladi v aprilu ali maju, a jeseni v septembru, po narodnem pregovoru, po dnevi sv. Šimna, to je prvega septembra. Za striženje se rabijo posebne škarje brez roča. Da se živina postrže, jej zvezujejo noge tako, da bi se ne premetovala. Volna aprilne strižbe se imenuje „vešnika“ ali spomladanska; vzeto z ovec v septembru imenujejo jesensko. Jesenska volna se prodaja dražejše od „vešnike;“ vzrok je ta, ker jesenska volna izrašča v teku poletnih mesecev, večji del na prostem zraku in je zato čistejša in mehčejša, kakor spomladanska, ktera je izrasla v zadušnih in prašnih hlevih in je nečista, zapletena in zvaljana v kepe podobne kosmini; naj cenejša volna pak je „pojarka“. „Pojarko“ strižejo od jagnet še slabih in od jagnjic, zato tudi to volno imenujejo „pojarko“. Svinj redijo v naših krajih tudi jako mnogo, pa bolj za svojo potrebo, zato ker zavoljo dragine žita na naših terjih, pitanje svinj za prodajo ne more nositi velikega dobička. Z rejo svinj pečajo se v naših krajih, malo da ne, le samo mlinarji; pa za pičo ne tratijo mnogo moke ali drugega kakega žita v zernji, temoč oskerbe svinje samo s polisko, ktere je v mlinih vselej dosta.

Zima je tedaj! Na dvori brijejo mrazi. „Zadi“, to so zadnje strani vasi, na kterih so obično položena gumna in stogi, so zasuti s zameti noter do vezi streh, in velikrat zgodí se, da ta kup zmeša se v jeden grič s streho pokrivačim debelim sklodom snega. Vsa narava nahaja se v nekakem oterpenji. Vesela rečica se je pokrila iz začetka s tenkim, preglednim ledičem; pa malo po malo so zameti in „vijuga“ zanesli led s snegom in rečice kakor, da bi je ne bilo. Dá, še tudi solnčice pogosto ne razveseljuje zemlje s svojim pri-

когда и вздумаетъ посіять на радость людямъ, то сіяетъ не полѣтному: нѣтъ отъ него тепла, лучи его не растапливаютъ длинныхъ ледяныхъ сосулেকъ, висящихъ по краямъ крышъ; не согрѣваютъ даже замерзающихъ и уже побѣлѣвшихъ отъ мороза щекъ прохожаго, идущаго противъ вѣтра, да и само-то солнушко, какъ будто стыдясь своего безсилія, или не шутя боясь озябнуть, далеко не достигая того мѣста, гдѣ оно обыкновенно привыкло лѣтомъ садиться, спѣшитъ поскорѣй укрыться на югъ, забывая нерѣдко второпяхъ на блѣдно сѣроватомъ вечернемъ небѣ свою багряницу, или, по просту сказать, багряную зорю, предвѣстницу стужи еще сильнѣйшей.

Зимю сумерокъ почти не бываетъ: не успѣло сѣсть солнушко, а вотъ уже ночь. На потемнѣвшемъ небесномъ сводѣ зажглись алмазныя звѣзды; въ морозную ночь онѣ какъ будто и сіяютъ ярче, и счетомъ-то ихъ больше.

Холодна и длинна зимняя ночь! . . . Давно на деревнѣ и уже не разъ послѣ полуночи кричали пѣтухи, давно ужъ въ избахъ началось движеніе житейскихъ заботъ, давно уже изъ трубъ подымается столбами койгдѣ сѣрой дымъ, хотя въ потьмахъ и непримѣтный, по дающій о себѣ знать по вылетающимъ съ нимъ вмѣстѣ повременамъ искоркамъ, давно и въ окнахъ блестятъ огоньки, возбуждая зависть перезябшихъ отъ мороза проѣзжихъ, зависть ко всемъ тѣмъ, кто въ этакую стыдь не въ дорогъ; а на дворѣ все еще темно, и нѣтъ и признака, чтобы свѣтало. Только морозъ передъ наступленіемъ утра такъ и хруститъ подъ ногами, такъ и деретъ за лицо, и бѣлымъ инеемъ пушитъ овчинные треухи и бороды мужиковъ, идущихъ съ обозомъ.

Въ ясные зимніе дни, когда морозъ одѣнетъ пушистымъ инеемъ вѣковую дубраву, высокой березнякъ, и каждый кустикъ, и даже былинку сухой полыни, растущей на межѣ и торчащей изъ ровню покрывшаго поле снѣга, этотъ серебряно матовый нарядъ, при сіяніи солнца, иногда дотога прекрасенъ, что дѣлается какъ-то жаль, зачѣмъ природа такъ радить голько навремя. Не наглядны особенно бываютъ въ этомъ нарядѣ старинныя деревья, когда очерки ихъ рисуются на безоблачной синевѣ полдневнаго неба, или на пурпурѣ вечерней зори. Тогда бываетъ хорошо, и я не разъ испытывалъ это: хорошо бываетъ стоять въ лѣсу одному,

kazom in ako kedaj hoče posjati na radost ljallem, sije, ne kakor po leti: ni toplote od njega, žarki njegovi ne raztapljajo dolgih ledenih sveč visečih po kraj streh, ne ogrevajo že zmerzujočih in uže pobelevših od mraza lic popotnika gredočega proti vetru, da, tudi samo solučice kakor sramovaje se svoje slabosti, ali brez šale bojé se pozebniti, na daleč ne dosega je tega mesta, kjer se je navadilo, se po leti postavljati, speši beržeje zakriti se na jugu, pozabivaje velikrat v naglici na blede-sivkastem večernem nebi svojo bagrenico ali, po prosto reči, bagreno (purpurno) zarjo, označevalko še silnejšega mraza.

Po zimi mraka skoro nič ni: ni utegnilo solnčice zaiti, pa glej uže je noč. Na potemnelem nebeškem stropi so se užgale biserne zvezde; mrazno noč kakor da bi sijale nekako jasneje in množtvo jih je večje.

Hladna in dolga je zimska noč! . . . Davno so uže na vasi in to večkrat po polnoči peli petelini, uže davno se je začelo v izbah gibanje posvetnih opravil, uže davne ozdiguje se iz dimnikov stolpoma simtertje siv dim, ako ravno po temi neopazljiv, vendar dajoč o sebi vediti po izletujočih ob enem ž njim včasi iskricah, davno tudi v oknih bliščijo ogenjci, zbuja je zavist prezebljih od mraza popotnikov, zavist proti vsim tistim, kateri v takem mrazi niso na cesti: pa na dvori je še vse temno in tudi ni znamnja, da bi svitalo. Le mraz pred začetkom jutra je tak, da pod nogami škriplje, tak da reže v lice in z belim ivjem obdaja troogelne klobuke iz ovčine in brade kmetov, gredočih z vozom.

Jasne zimske dni, kadar mraz odene s kosmatim ivjem stoletno dobrovo, visoki breznik in vsaki germič, in celó bilko suhega pelina, rastočega na meji, in šterlečega iz snega, pokrivšega ravno polje, ta sreberno bliščeči lišp je pri sijanju solnca včasih tako prekrasen, da je človeku nekako žal, da narava se tako zalša samo za neki čas. Ne moreš se nagledati posebno v ti lepoti starega drevja, kadar mu podoba prikazuje se na brezoblačnem, modrem poldnevem nebu, ali na rumeni večerni zarji. Tada je prijetno in jaz nisem (samo) jedenkrat skušal to: prijetno je stati v kakem gozdu, kadar si prišel tje

проникнувъ туда по проселочной, проложенной чрезъ лѣсъ дорогѣ, но почему хорошо, не знаю. Стою, смотрю, слушаю . . . Прислушиваюсь къ невозмутимой тишинѣ, напрасно ожидая отъ мертвенно оцѣпенѣлой природы какого-то звука. Стою, смотрю, слушаю и не чувствую, что край уха уже щиплетъ морозъ, что рѣсницы слипаются; но какъ легко дышетъ грудь, какъ легко пьетъ она зимній, ничѣмъ не пропитанный, кромѣ холода, воздухъ. Но вотъ наконецъ и признакъ жизни. Чу! Что-то хрустнуло надъ моею головою въ обледѣннѣвшихъ вѣтвяхъ столѣтняго дуба; вотъ посыпался съ верху иней, и холодно мокрою пылью засыпалъ мнѣ лицо, насыпался за воротникъ, проникъ до самой шеи; иней этотъ сшибла ворона, перелетѣвшая съ одного дерева на другое. А вотъ и еще, шелестя встрепенулся орѣшникъ, и обильно падаетъ нависшій въ густыхъ вѣтвяхъ его пушистый снѣгъ: орѣшникъ расшевелилъ заяцъ. Вотъ и самъ онъ, заяцъ, выскочилъ на дорогу, присѣлъ проворно на заднія лапки, чутко поводитъ длинными ушами, посидѣлъ послушалъ и снова прыжокъ, — снова летитъ морозный пухъ съ растревоженныхъ вѣтвей орѣшника. Для проѣзжихъ, по народнымъ примѣтамъ, заяцъ, перебѣжавшій дорогу — признакъ дурной.

При глубокихъ снѣгахъ, по проселочнымъ дорогамъ ѣзда возможна только въ одну лошадь, и потому помѣщики, ѣдущіе, въ возкахъ, кибиткахъ или троечныхъ саняхъ, принуждены запрягать лошадей гуськомъ, или гусемъ. Эта упряжка названа гуськомъ по сходству ея съ полетомъ дикихъ гусей, летающихъ всегда длинной вереницей одинъ за другимъ. Впереди коренной, запряженной въ оглобли, на длинныхъ веревочныхъ постромкахъ пристегивается другая лошадь, а впереди этой-третья. По узкимъ проселкамъ эта ѣзда очень удобна, потому-что передняя лошадь, боясь утонуть въ сугояхъ снѣга, не сворачиваетъ съ бойкой дороги, и всѣ три лошади одна за другой дружно бѣгутъ, управляемые веревочными вожжами, и ободряемые голосомъ и длиннымъ бичомъ кучера. Но при выѣздѣ на дорогу большую, многопроѣзжую, или въ улицахъ городовъ и большихъ селеній, лошади начинаютъ сбиваться, и въ такомъ случаѣ часто бываетъ необходимо перепрягать снова лошадей изъ гуськовой въ обыкновенную упряжь.

po selski, skoz hosto napravljeni cesti, pa zakaj je prijetno, ne vem. Stojim, pazim poslušam . . . Poslušam v mirni tihoti zastonj pričakovaje od ko mertve, oterpnjene narave kak glas. Stojim, pazim, poslušam in ne čutim, da kraj ušesa me uže ščiple mraz, da se trepavnice sprijemajo; pa kako lahko di-hajo persi, kako lahko pijejo zimski z ničemur ne napolnjeni zrak, zvunaj z mrazom. No, glej, na zadnje tudi znamenje življenja. Čuj! Nekaj je trusnilo nad mojo glavo v obledene-
lih vejah stoletnega doba; glej, ivje se je usulo z verha in s hladnim, mokrim prahom posulo mi lice, nasulo se za vrat-
nik, prišlo noter do vrata: to ivje je stresla vrana, preletevši z
jednega drevesa na drugo. Pa glej še! leskovec, majajoč se, je
strepetal in obilno pada kosmati sneg, obesivši se v goste veje
njegove; leskovec je stresel zajec. Glej! on sam, zajec, je sko-
čil na cesto, se je posadil naglo na zadnji nogi, tenkočutno
pomignivši z dolgimi ušesi je sedel, poslušal in z nova v skok
— z nova leti mraz z kosmatih razmajanih vej leskovca. Za
popotnika je, po narodnih opazkah, zajec, skočivši čez ces-
to, znamenje slabo.

Pri globokih snegih se po selskih cestah more voziti samo s jednim konjem in zato grajščaki, kateri se peljajo v vozičkih, v „kibitkah“ ali v šaneh s tremi konji, primorani so upregati konje „guskom“ ali po gosje. Ta uprega se zove gosja, ker je podobna letu divjih gosi, letajočih vsegdar po dolgi progi jedna za drugo. — Pred vojničnega konja, v vojnice upreženega, se privezuje za dolge vervi drugi konj, in pred tem — tretji. Po ozkih selskih cestah je ta voznja verlo prilična, ker prednji konj boje se pogrezniti v zame-
tih snega, ne obrača se s slabe ceste in vsi trije konji dirjajo
družno jeden za drugim, peljani za spletene vajete in poga-
njani z dolgim bičem voznika. Pa kadar pripelje na večo
cesto, dobro povoženo, ali v ulicah mest in večjih vasi,
začnejo konji se bíti in v takem primerleji je dostikrat neob-
hodna potreba prepregati z nova konje iz gosje uprege v
navadno.

Часто вьюги и мители гуляютъ по пустыннымъ полямъ, бьютъ снѣжнымъ потокомъ въ окна домовъ, свищутъ и завывають въ лѣсахъ и строеніяхъ, и ревомъ своимъ наводятъ какой-то ужасъ даже на тѣхъ, кто подъ кровлей. Горе тому, кого застигнетъ такая погода въ дорогѣ, особенно ночью. Не разъ бывали случаи, что проплутавши всю ночь и выбившись изъ силъ, путникъ въ отчаяніи останавливался ожидать разсвѣта, и когда разсвѣтъ появлялся, путникъ съ удивленіемъ узнавалъ крыши и плетни роднаго селенія въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мѣста своего холоднаго ночлега. Для предупрежденія подобныхъ и другихъ несчастныхъ случаевъ, съ наступленіемъ зимы, по обѣимъ сторонамъ проселочныхъ дорогъ втыкаются вѣшки изъ крупнаго хвороста, а чтобъ въ темныя ночи вѣшки эти были виднѣе, привязываютъ къ нимъ иногда еще и пучки соломы. Эта мѣра бываетъ спасительна, но въ темныя бурныя ночи и она не всегда помогаетъ. Къ счастью въ нашихъ мѣстахъ селенія довольно часты, и блеснувшій случайно въ окнѣ огонекъ не разъ спасалъ многихъ, ежели не отъ смерти, то отъ непріятности провести страшную ночь въ открытомъ полѣ.

Вся семейная жизнь земледѣльцевъ зимой сосредоточивается въ избахъ, которыя и по сіе время дѣлятся на избы бѣлыя и избы черныя, или курныя.

День зимній коротокъ и не видать какъ проходитъ. Въ рукахъ бабъ жужжать веретенца; старый дѣдъ ковыряетъ лапти; мужика-работника днемъ въ избѣ не ещещь: мужицкая работа не въ избѣ. На полатахъ мурлычитъ кошка; она либо спитъ, свернувшись въ клубочекъ, либо обмываетъ рыльцо лапкой. По полу ползаетъ младенецъ, иногда и не одинъ, съ выпачканными молочной кашей рожицами, поднимаются на ножки, падаютъ, ссорятся, или смотрятъ со вниманіемъ и радостію на играющихъ и шумно бѣгающихъ котятъ. Но вотъ распахнулась дверь, и въ избу вбѣгаютъ презябшіе ребята. Съ утра они на улицѣ играли въ шары, кричали, бѣгали, и имъ наконецъ приходитъ желаніе погрѣться. Но въ избѣ и безъ нихъ тѣсно; они надоѣдаютъ вознею и шумомъ старухѣ, и та, чтобъ отъ нихъ избавиться, гонитъ ихъ опять на улицу, гдѣ они предаются игрѣ съ новымъ азартомъ. Вотъ наконецъ начинается вечерѣтъ; сверчокъ за печкой заводитъ свою однообразную пѣснь. Дѣдъ

Mnogokrat „vijuge“ in zameti divjajo po pustih poljih in bījejo s snežnim plazom v okna hiš in zvižgajo in cvilijo v gozdih in poslopjih in s tuljenjem svojim spravljajo v neakko grozo še tiste, kateri so pod streho. Gorje temu, kogar ujame taka burja na cesti, posebno po noči. Večkrat se je pripetilo, da je popotnik, blodivši vso noč in izgubivši moči, v obupanji obstal, počakati svita in kadar se je svit prikazal je spoznal popotnik s začudenjem strehe in plote rojstne vasi nekoliko stopinj od mesta svojega hladnega prenočišča. Za odvernjenje takih in drugih nesrečnih prigodeb se vtičkajo z nastopom zime, po obeh straneh selskih cest drogovi iz debelih vej in da bi se v noči ti drogi bolje videli, privezujejo k njim včasih še tudi pest slame. Ta naredba je rešiteljna pa v temnih, burnih nočeh tudi ona ne pomaga vsigdar. K sreči so v naših krajih vasi dovolj pogosto in ognjič, zablisnivši po naključji v okni ni samo jedenkrat rešil mnoge, ako ne od smerti, vsaj od neprijetnosti, prebiti strašno noč na prostem polji.

Vse družinsko življenje kmetov se po zimi opravlja v izbah, ktere se tudi o zdanjem časi dele na izbe bele in na izbe černe ali kurne.

Dan zimski je kratek, ne vidi se, kako mine. V rokah žen bernijo vretenca, stari ded podpleta coklje, kmeta delavca po dnevi v izbi ne najdeš; možko delo ni v izbi. Na napečniku smerči mačka; ona ali spi, zavivši se v klobčič, ali pa umiva gobček s tačico. Po podu lazi detce, včasih ne samo jedno, obrazček mu je z mlečno kašo omazan, pa se vzdigujejo na nožice, padajo, se spró, ali pa gledajo pazljivo in z radostjo na igrajoče in s šumom tekajoče mucike. No, glej, razpahnile so se duri in v izbo priletijo prezebli otroci. Od jutra so na ulici s krogli igrali, kričali, letali in na zadnje pride jim želja, da bi se pogreli. Pa v izbi je tudi brez njih tesno; oni nagajajo starki z razposajenjem in s hrupom, in ta, da bi se jih znebila, goni jih spet na ulico, kjer se udajo igri z novim veseljem. Glej, na zadnje začčenja se delati večer; cverček za pečjo žene svojo jedno pesem. Ded leze

лѣзеть на печь распаривать свои старыя кости, да грѣть остывающую кровь. Невѣстка достаетъ изъ-за печки березовыя или осиновыя полѣнья, и косыремъ щепаетъ длинныя лучины, которыя вкладываетъ въ свѣтець, зажигаетъ и освѣщаетъ избу. Лучина пылаетъ ярко, то вдругъ меркнетъ, то опять вспыхнетъ. Безпрестанно надобно перемѣнять догорающую лучину. Но всѣ ли знаютъ, что такое свѣтець? Свѣтець есть небольшой, аршина въ полтора или менѣе вышиною столбикъ въ вершокъ толщины, утвержденный на двухъ крестообразно сложенныхъ брусочкахъ, четырехугольной доскѣ или чуракѣ. Въ верхній конецъ стоящаго столбика вбита трехъ-или четырехконечная желѣзка, въ которую вкладываютъ лучину однимъ концомъ. Когда лучина горитъ, на полъ подъ нее подставляютъ либо тазъ, либо чугуны съ водой, въ которой падаютъ огарки.

Когда на дворѣ сдѣлается совершенно темно, въ избу возвращаются мужики съ работы, лѣзутъ также на печь или на полати, гдѣ разуваются, снимаютъ холодную, сырую обувь и одежду, которую развѣшиваютъ въ теплому духу. Изба оживлена. Мать успокоиваетъ и убаюкиваетъ груднаго младенца, ребята то хохочутъ, то соорятся на полатахъ; старуха бранитъ невѣстоку, или что-то борочетъ сквозь зубы, на что никто и вниманія не обращаетъ. Молодая невѣстка, сидя на донцѣ, поетъ въ полголоса, а на дворѣ косматая жучка, чуя бродящаго по окрестности волка, и лаетъ и завываетъ. Но вотъ ужъ время и ужинать. Деньщица накрываетъ столъ скатертью, достаетъ изъ выдвигаго въ столѣ ящика деревянныя чашки, ставитъ на столъ деревянную узорочную солоницу, кладетъ ложки и огромный укругъ хлѣба. Мужики умываютъ руки изъ висящаго надъ лаханкой возлѣ печи рукомойника, и утираютъ тутъ же на стѣнкѣ всегда висящимъ полотенцомъ. Русской человѣкъ не сядетъ ни обѣдать, ни ужинать, ни завтракать, предварительно не умывъ руки. Двѣ этого-то въ рукомойкѣ всегда есть вода.

Итакъ, умывъ руки, всѣ сядутъ за столъ, и когда изъ печи достанетъ деньщица горшокъ горячихъ щей и нальетъ въ чашку, то всѣ, перекрестясь и помолясь, принимаются за скромный ужинъ. Дѣло не праздничное, перемѣнъ немного,

na peč, parit svoje stare kosti, pogrevat svojo če dalje bolj merzlo kri. Snaha vzame iz zapečja brezove ali jesenove polena in odsekuje s serpačo dolge terske, ktere postavlja v svečnik, zažiga in razsvetluje izbo. Terska gori svetlo, na enkrat merkne, pa se spet vsplameni. Neprenehoma je potreba premenjati zgorevajočo tersko. Ali pa vsi vedó kaj je tak svečnik? Svečnik je majhen stebrič poldrug aršin visok, ali menjin za „veršek“ ¹⁾ debel, uterjen na dveh križem zloženih količkih, štirioglati deski ali tnali. V verhnji konec stojčega stebriča so zabite železne osti „železka“ s tremi ali štirmi roglji, v ktere postavljajo tersko s jednim koncem. Kadar terska gori postavljajo na tla pod njo umivalnico ali železno posodo z vodo, v ktero padajo otrinki.

Kadar na dvori stori se popolnoma temno, se vračajo možki v izbo z dela, lezejo tudi na peč, ali pa na napečnik, kjer se izuvajo, svlačijo hladno, mokro obuvalo in oblačilo, ktero razobešajo v toplem zraku. Izba je oživljena. Mati upokojuje in uhajkuje detce na persih, fantje se zdaj hohotajo, zdaj prepirajo na napečniku, stara zmirja snahe, ali pa kaj mermra skoz zobe, na kar nikdo ne pazi. Mlada snaha sedé na malem dnu (kake posode), poje pogloblasno, na dvori pak laja in cvili kosmati černi pes čujoč po okolici blodečega volka. No, glej, uže je čas tudi večerjati Dekla pokriva mizo s peritom, vzame iz odpirajoče se miznice lesene skledice, postavi na mizo leseno krasno solnico, polaga žlice in velikanski hlebec kruha. Kmetiči umivajo roke iz rokoumivalnika visečega nad perilnikom zraven peči in brišejo tudi tukaj vsegdar z na steni visečim platencem. Ruski človek ne sede ne južinat, ne večerjat, ne zajterkat, ne umivši pred rok. Zato je v rokoumivalniku vsegdar voda.

In tako, umivši roke, sedajo vsi za mizo in kadar dekla vzame iz peči lonec vroče zeljne juhe in nalije v skledice, tadaj vsi pokrižajo se, pomolijo in lotijo se zmerne večerje. To delo ni praznično, premen ni mnogo. Zeljna juha —

¹⁾ T. j. 16. del aršina.

Щи — часто варятся только съ кускомъ сала, а въ постъ пустыя — да каша гречневая или пшенная съ масломъ или съ молокомъ, вотъ и весь ужинъ. За ужиномъ бываютъ шутки и разговоры, сообщаются слухи о происшествіи на базарѣ, о войнѣ, о манифестѣ по случаю рекрутскаго набора, или „загадываютъ“ работу на слѣдующій день. Отойветъ ужинъ, всѣ встануть, оборотятся къ святымъ иконамъ, помолятся и идутъ, кто спать въ клѣть, кто на полати, кто на печь. Маленькихъ дѣтей уложатъ гдѣ-нибудь въ сторонкѣ, покроютъ ихъ старымъ шушуншкомъ илит улупомъ, и успокоивъ такимъ образомъ ребятишекъ, трудолюбивыя бабы опять принимаются за веретена, и, мурлыча вполголоса пѣсенку, съ припѣвомъ сверчка, просиживаютъ съ работою до позднихъ пѣтуховъ. Наконецъ лучина погасла, и изба и всѣ въ ней живущіе потонули въ глубокомъ мракѣ. Въ тишинѣ только слышно сонное дыханіе дѣтей да храпѣніе стариковъ. Временемъ вскрикнетъ во снѣ младенецъ, и чуткая мать протянетъ руку къ веревочкѣ люльки. Заскрипитъ на своемъ колыбѣ качающаяся люлька, младенецъ смолкнетъ, и все опять тихо. Рано проснется старуха, ощупью слѣзетъ съ печки, выгребетъ изъ печи горящій уголекъ, приложитъ къ нему сухую лучинку, и начнетъ вздувать огонь. Это бываетъ часовъ пять по полуночи, когда поютъ третьи пѣтухи. Лишь только освѣтится изба, спавшіе въ клѣткахъ бѣгутъ отогрѣваться и одѣваться; бабы опять берутся за свои донца и веретенца; мужикъ обувается, надѣваетъ полушубокъ, и идетъ посмотреть лошадей. Немного погодя, затапливается изба а когда разсвѣнетъ, садятся завтракать. Послѣ завтрака деньщица продолжаетъ стряпню для обѣда, и выметаетъ избу; мужики опять выходятъ вонъ, кто идетъ съ топоромъ или съ цѣпомъ, куда кому нужно; бабы опять принимаются за пряжу да за тканье, а тамъ и обѣдъ. Такъ проходятъ цѣлые дни, недѣли, мѣсяцы. Подъ воскресенье, съ сумерокъ субботы, въ зажиточныхъ домахъ зажигаютъ лампадки предъ святыми иконами; и рано по утру, когда все погружено въ глубокой сонъ, старуха зажжетъ предъ образами пятаковую свѣчку, изъ желтаго воска, читаетъ шопотомъ молитвы, и творитъ земные поклоны.

dostikrat kuha se samo s kosčkom sala, o posti pak pusta — kaša ajdova ali prosena z maslom, ali z mlekom, glej, to je vsa večerja. Po večerji imajo šale in pogovore, si pripovedujejo glasove o kaki prigodbi na tergu, o vojski, o razglasi v slučaji vojaške nabere, ali ustanavljajo delo za sledeči dan. Mine večerja, vsi vstanejo, se obernejo k svetim podobam, pomolijo, in odidejo spat, nekdo v hram, nekdo na nadpečnik, nekdo na peč. Male otroke polagajo kamor bodi v stran pokrijejo jih s staro obleko, ali s kožuhom in upokojivši tako otročiče prijemajo trudoljubne žene spet za vretena, in mrmraje na pol glasa pesmico, s pripevom cverčkovim, sedijo pri deli do poznih petelinov. Na zadnje je terska ugasnila in izba in vsi v njej živeči so potonili v globokem mraki. V tihoti se sliši samo dihanje spijočih otrok, pa smerčanje starcev. Po časi zakriči v sanjah dete in čujna mati stegne roko za trak zibke. Zaškripne zibka zibajoča se na tečaji, dete umolkne in vse je spet tiho. Zgodaj zbudi se starka, tava šlataje zleze s peči, izgrebe iz peči žareči oglič, priloži k njemu suho tersko in začne pihati ogenj. To se godi ob peti uri po polnoči, kadar pojo petelini tretjič. Komaj, da se razsvetli izba, hite tisti, ki so spali v hramih, ogrevat se in oblačit se, žene spet spravljajo se na svoje klopce za vretenca; kmet obuva se in oblači „pološubek“ (kožuh) in ide gledat konje. Ni dolgo čakati, izba se zgreva in kadar se stori dan sedajo zajterkat. Po zajterku dekla na dalje pripravlja za južino, in pometa izbo; možki spet gredo ven, nekteri ide s sekiro ali s cepcem, kamor je komu potreba. Žene spet prijemajo se preje ali tkanja a tu je tudi uže južina. Tako prehajajo celi dnevi tedni, meseci. K nedelji, z mrakom v seboto, prižigajo v premožnih hišah svetilnice pred svetimi podobami in zgodaj zjutraj, kadar je vse pogreznjeno v globoko spanje, starka užge pred podobami „petakovo“ ¹⁾ svečico iz rumenega voska, bere šepetaje molitve in se pripoguje do zemlje.

¹⁾ Ki je veljala pet kopejk.

Зима дѣлится на три части: на первозимье, или время до Рождества, на средину зимы отъ Рождества до масляницы — большой мясоѣдъ, и наконецъ съ масляницы до Благовѣщенія. Самые холодные морозы считаются рождественскіе, предъ Рождествомъ, васильевскіе — отъ Рождества до новаго года, и крещенскіе — отъ Рождества и до Крещенія. Самые глубокіе снѣга бываютъ въ февраль. Праздниками, съ Рождества и до Крещенія, нарушается однообразіе деревенской жизни, и самый праздникъ Рождества, какъ розговѣнье послѣ продолжительнаго поста, встрѣчается не безъ удовольствія.

Къ этому празднику почти въ каждомъ дворѣ выкармливаютъ свинью, но сверхъ того всѣ базары, и городскіе и сельскіе, завалены свинными тушами и привозною изъ степныхъ губерній солониною. Послѣдніе базары предъ Рождествомъ бываютъ очень многлюдны, и торговля кипитъ. Всякій запасаетъ и закупаетъ къ празднику все необходимое: кто мучицы для пироговъ, пшеница, кому нужно солонины, кто покупаетъ бычьи ноги и губы на студень, а кто и самъ продастъ избытокъ отъ своего хозяйства. Искупивъ или продавъ что кому нужно, мужичокъ идетъ довершать пріятное пребываніе на базарѣ въ кабакъ, и потому при окончаніи базара, около кабака всегда кучи народа . . . Мужикъ выпьетъ, и съ бодримъ духомъ, завалясь въ сани и несправляясь ни съ ухабами, ни съ косогорами, ни съ оврагами по пути, скачетъ домой, сломя голову; иногда заснетъ, но добрая лошадка такъ хорошо знаетъ дорогу съ базара домой, что остановится только тогда, когда добѣжить до затворенныхъ воротъ хозяйскаго двора. Тутъ мужикъ проснется, перекрестится на мѣдный крестъ или образокъ, врѣзанный надъ воротами, отворитъ ихъ, введетъ лошадь, и скрипучія ворота затворяются опять. . . Теперь на сельскихъ базарахъ не одни уже кабаки, но почти вездѣ появились дома съ вывѣсками, изображающими чайныя чашки и самовары, и съ надписью подъ ними: *Ресторанція* или *Вновь открытый трактиръ* или *Входъ въ саведеніе*. Тамъ мужички пьютъ чай, въ перемѣшку съ травникомъ, или просто съ горьлкой. Другіе, бывалые въ Питерѣ и проживавшіе тамъ по пропуску, проникнутые духомъ цивилизаціи, курятъ скверный табакъ изъ трубокъ съ длинными чубуками, которыя вертлявый половой, въ красной

Zima deli se na tri dele; na perva zimje, ali čas do božiča, na sredino zime, od božiča do zadnjega pustnega tedna — veliki pust, in poslednjič od pusta do oznanjenja devici Mariji. Naj hladnejši mrazi se štejejo božični pred božičem; bazilski od božiča do novega leta, in „kresčenski“ — od božiča do svetih treh kraljev. Naj globokejši snegi padajo v februarji. S prazniki od božiča do svetih treh kraljev se preterguje zmirom enako življenje v vasi in sam praznik božič, kakor prvi mesni dan po dolgem postu se dočakuje z zadovoljnostjo.

K temu prazniku skoro v vsakem dvori pitajo svinjo ino verh tega so vsa teržišča mestna in selska napolnjena s svinjskimi bohi in s slanino, pripeljano iz stepnih gubernij, poslednji tergi pred božičem so verlo mnogoljudni in tergovanje živo. Vsaki se oskerbljuje in nakupuje k prazniku vse prav potrebno; nekdo močice za potice, pšenca, komur je potreba slanine, nekdo nakupljuje volovje noge in gobec za merzlo jed, pa nekteri tudi sam prodaja od svojega gospodarstva, česar ima obilno. Nakupivši in prodavši, kar je komu potrebno, ide kmetič dokončevat prijetno prebivanje na tergu v kerčmo in potem pri okončanji terga so okolo kerčem vsegdar trume naroda Kmet izpije in veselega duha zvalí se v sàni, ne pazeč na jame, ne na stermine, ne na jarke po potu, dirja domu pobijaje si glavo; včasi zaspí, ali dobri konjič tako dobro zna cesto s teržišča domu, da se ustavi še le tadaj, kadar pridirja do zapertih vrat hišnega dvora. Tu se kmet zbudí, pokriža proti mednemu križu, ali podobici, vrezani nad vrati, odpre jih, vpelje konja in cvileče vrata se spet zapirajo . . . uže niso na selskih tergih edine kerčme, ampak povsod so se pokazale z visečimi kazali s podobami čajnih skledic in „samovarov“ in z nadpisom pod njimi: „Restoracija“ ali: „Vnov odperti traktir“, ali: „Vhod v zavedenje“. Tam kmetiči pijejo čaj, pomešan z rožno vodo, ali prosto s žitnim žganjem. Drugi, bivši v Petrogradu in tam poživevši s popotnim listom, navzeti duha civilizacije, kadé gnjusni tabak iz lul s dolgimi cevmi, ktere urni kerčmarski

рубахъ, безпрестанно встряхивая головой, подаетъ по требованію съ большимъ проворствомъ и учтивостью. Часто цивилизація эта обходится дорого нецивилизованнымъ обитателямъ края, и часто цѣлыя селенія бываютъ жертвою неосторожнаго обращенія съ трубкою. Надобно впрочемъ замѣтить, что курильщиковъ особенно въ имѣніяхъ помѣщичьихъ, гдѣ цивилизацію подобнаго рода почти не допускаютъ, между крестьянъ очень немного. Кстати также замѣтить, что между жителями столицъ и неживавшими никогда въ деревнѣ господствуетъ общая мысль, будто русской народъ часто предается пьянству — это несправедливо. Правда, русскій крестьянинъ, хотя между ними и есть вовсе непьющіе, никогда не откажется и всегда съ удовольствіемъ выпьетъ рюмку или стаканъ вина, что можно извинить климатическими и тяжкими физическими трудами рабочаго человѣка; но часто ли на долю его достается это удовольствіе? Кто знаетъ, какъ трудно достается крестьянину каждая копейка, тотъ пойметъ, что ему вино, по цѣнности своей, для частаго употребленія не доступно. Крестьянинъ покупаетъ вино въ Рождеству, къ масляницѣ, къ Святой недѣлѣ, къ храмовому празднику, но покупаетъ его не столько для себя, сколько для угощенія посѣтителей и родныхъ. Положимъ, въ это время онъ выпьетъ и лишнее, но этихъ дней немного въ году; въ другихъ же случаяхъ покупаетъ вино только для свадьбы, крестинъ, похоронъ и поминокъ.

Наканунъ Рождества, т. е. въ рождественскій сочельникъ, многіе православные, до появленія первой звѣзды на небѣ, не ѣдятъ ничего. Такъ-какъ зимній день не дологъ, то и ожиданіе звѣзды бываетъ непродолжительно. Въ этотъ день, съ утра, когда только-что затопятъ печи, въ избахъ начинаютъ печь блины, а молодыя бабы и дѣвки, собравшись гурьбою, ходятъ по улицѣ и кличутъ *коляду*. Подойдутъ подъ окно какой-нибудь избы, и запоютъ голосомъ протяжнымъ и заунывнымъ:

„Коляда, подай блина, коляда!

Не подадите блина — коляда!

Корову за рога — коляда!

Подадите блина, прочь пойдѣмъ — коляда!“

При звукахъ этой пѣсни оконце избы, подъ которымъ онѣ поютъ, открывается, и протянутая изъ него щедрая рука

hlapec v lepi srajci neprenehoma kimaje z glavo podaja, ako se želi, z naj večo berzostjo in priljudnostjo. Ta civilizacija hodi velikrat drago necivilizovanim prebivalcem kraja, in velikrat pridejo cela sela na bobenj zavoljo neprevidnega veselja z lulo. Mora se v ostalem omeniti, da je tobakarjev, posebno v posestih plemičkih, kjer civilizacije take verste skoro ne dopuščajo, med kmeti verlo malo. Ravno prav, tudi se mora omeniti, da med prebivalci glavnih mest, kateri niso nikoli živeli na deželi, vlada splošna misel, kakor da se ruski narod velikrat udaja pijanstvu — to je krivo. Resnica je, ruski kmet, ako ravno je med njimi čisto nič ne pijočih, nikoli ne odreče in vselej z zadovoljstvom popije kupico ali kozarec vina, kar se more izgovoriti s podnebnimi in težkimi telesnimi trudi delavnega človeka; ali pa pride pogosto njemu v del tako veselje? Kdor ve, kako trudno pride kmetu svaka kopejka, ta razumi, da je njemu vino, zavoljo dragine svoje za pogosto uživanje nedosežno. Kmet kupuje vino o božiču, k pustu, k veliki noči, k cerkovnemu prazniku, pa kupuje ga ne toliko za se, kolikor da pogostí obiskovalce in žlahto. Postavimo, da on popije ta čas tudi kaj preveč, pa tih dnevov ni mnogo v leti; sicer kupuje vino samo za svatbe, za kerste, pogrebe in sedmine.

Zvečer pred božičem, to je, na božični sveti večer mnogi staroverci ne jedó nič, do prikaza perve zvezde na nebi. Tako kakor zimski dan ni dolg, tudi čakanje zvezde ni dolgo. Ta dan zjutraj, kakor hitro zakurijo peči, začnejo v izbah peči potice, in mlade žene in dekleta zbravši se trumama hodijo po ulici in kličejo „koleda“. Idejo pod okno, ktere koli izbe in zapojo z glasom povlečenim in žalostnim.

Koleda, daj potice, koleda!

Ne podajte potice — koleda!

Pa kravo za roga — koleda!

Podajte potice, proč pojdemo — koleda!

Pri glasih te pesmi se odpira okence izbe, pod katerim one pojó, in stegnjena iz njega podarljiva roka podeluje pev-

надбляетъ пѣвицъ горячими блинами; потомъ колядницы идутъ далѣе и, проходя отъ одной избы къ другой и продолжая кликать подъ окнами коляду, обходя всю деревню.

Къ вечеру, въ господскихъ домахъ, какъ подо всѣ дванадесятые праздники, служатся всенощныя; столовая и лакейская господскаго дома наполняются народомъ всѣхъ половъ и возрастовъ. Самый праздникъ Рождества Христова, какъ и всѣ большіе праздники, православный народъ начинаетъ заутренней и обѣдней. Потомъ въ домахъ разговляются, обѣдаютъ и отдыхаютъ. Послѣ обѣда, въ господскій домъ опять прѣзжаетъ священникъ съ крестомъ и святою водою. Зажигается предъ образомъ въ залѣ свѣча, собирается все семейство съ домочадцами; а священникъ съ дьячками, пропѣвъ тропарь и кондакъ празднику, и давъ каждому присутствующему поцѣловать крестъ, снимаетъ облаченіе, и остается пить чай. Иные священники привозятъ съ собою отпущенныхъ, по случаю праздниковъ, на побывку изъ духовнаго училища сыновей, которые произносятъ въ стихахъ поздравительныя привѣтствія, за что, разумѣется, вознаграждаются конфетами, коврижками или чѣмъ-нибудь подобнымъ. На другой день священникъ съ крестомъ и причтомъ обходитъ всѣ дворы своего прихода, въ каждой избѣ славить Христа, и, кромѣ небольшой платы деньгами, получаетъ какъ онъ, такъ и дьячокъ, по пирогу, большею частію изъ ситной муки. На третій день начинаются святки, т. е. дни наряжанья, гаданій и проч.

Впрочемъ, когда въ избахъ запылаютъ лучины, или зажгутся сальники или свѣчи, молодые парни, бабы и дѣвки ватѣваютъ наряжаться. Наряды для этого маскарада очень не дороги, и все нужное подъ руками. Бабы одѣваются стариками, парни старухами, дѣвки цыганками, и все то подчасъ такъ одѣнется, что просто ни на что не похоже: по главныхъ условій два: первое, чтобъ нарядиться какъ можно уродливѣе и мѣшиѣе, а второе, чтобъ наряженного нескоро могли узнать. Выворачивается шерстью вверхъ овчинная шуба, нерѣдко сшитая въ перемежку изъ овчинъ черныхъ и бѣлыхъ; за спину набивается солома, представляющая горбъ; длинная, всклокоченная борода и всклокоченные во-

kam tople potice; potem gredo kolednice dalje, potovaje od jedne izbe do druge in klicaje na dalje pod okni „koledo“, obhajaje vso vas . . .

K večeru, v gosposkih hišah kakor pred vsemi dvanajstimi prazniki se obhajajo „celonočnice“ (služba božja); jedilnica in družinska izba gosposke hiše napolnujete se z ljudmi vsih spolov in starosti. Sam praznik rojstva Kristusovega, kakor tudi vse večje praznike začenja staroverski narod z juternjo službo božjo in z veliko mašo. Potem doma začnejo spet meso jesti, južinjajo in počivajo. Po obedu prihaja v gosposko hišo spet duhovnik s križem in s sveto vodo. Prižiga se pred podobo (svetnikov) v naj lepši izbi sveča, zbira se vsa rodovina s hišno družino, in duhovnik s služabniki, zapevši „hvalo božjo in svetnikov“, davši vsakemu pričujočemu poljubiti križ, svlači (cerkveno) oblačilo in ostaja, da pije čaj. Drugi duhovniki pripeljejo s seboj sinove, puščene zavoljo praznikov na objiskanje iz duhovnega učilišča, kateri govore zložene zdravice, za kar se obdarujejo, to se ve, s sladčicami in poprenjaki ali s čimur koli takim. Drugi dan duhovnik s križem in s služabništvom obhodi vse hiše svoje fare, v vsaki izbi slavi Kristusa, in, zvnaj male plače v denarjih, dobiva on in tudi služabnik potico — večji del iz presejane moke. Tretji dan začenja se „12 noči“ ¹⁾, to je, dnevi našemovanja, vedeževanja i. t. d.

Drugač, kadar v izbah prižgejo terske, ali lojene ali druge sveče mladi fantje, žene in dekleta začnejo šegavo našemovati se. „Naredi“ (šeme) za to šemarijo so verlo po ceni in vse potrebno pri rokah. Žene oblačijo se za starčke, fantje za (stare) babe, dekleta za ciganke, in vse to se berž tako obleče, da prav ničemur ni podobno, pa (pri tem) ste glavne pravili dve: prvič, našemiti se kolikor mogoče nerodnejše in smešnejše, in drugič, da bi našemanega ne mogli kmali spoznati. Ovčji kožuh obrača se da je volna zvnaj, sšit velikrat zmesoma iz ovčin černih in belih; za herbet natlači se slama v podobi gerbe; dolga kodrasta brada in kodrasti

¹⁾ To je od božiča do sv. 3 kraljev. Rus pravi temu „svetki“ (prazniki).

лосы подвязываются изъ пакли; вмѣсто кушака обрывокъ веревки, въ рукахъ дубина, и старикъ готовъ. Наряженные ходять по избамъ, и сообразно принятымъ имъ на себя личинамъ, говорятъ и возбуждаютъ изпринужденные, порывы хохота. Войдя въ избу и попривѣтствовавъ хозяевъ, наряженные поють и пляшутъ, и пляски эти своимъ безобразіемъ и изобрѣтательностію совершенно соотвѣтствуютъ нарядамъ. Старикъ выдѣлываетъ удивительныя и преотчетливыя фигуры ногами, но кончаетъ тѣмъ, что отъ мнимаго изнеможенія и усталости спотыкается и летитъ на полъ вверхъ тормашками. Иная сухая старуха, съ угловатыми движеніями, обыкновенно разыгрываемая рослымъ дѣтиною, сначала пляшетъ скромно и жеманно, но потомъ пускается въ присядку, или кувыркается черезъ голову . . . Наряженныхъ изъ избы въ избу всегда провожаетъ толпа ребятишекъ, которые отъ чистаго сердца радуются веселымъ вечерамъ святокъ. Подъ новый годъ вечеромъ опять собирается толпа молодежи: ходять подъ окнами и поють.

Онѣ поють, а имъ подають, кто пирога, кто кусокъ вареной свинины, — подають, что у кого случится на ту пору. Вечеръ подъ новый годъ исключительно посвящается гаданіямъ.

Въ домахъ господскихъ святочные вечера проводятся почти такъ же, какъ и въ домахъ крестьянскихъ. Никто такъ не любитъ святокъ, какъ дѣти, никто такъ не радуется ихъ приближенію. Еще за нѣсколько недѣль до Рождества, любимымъ предметомъ вечернихъ разговоровъ между дѣтьми, предметомъ никогда неистощимымъ, есть святки; и нянькѣ, чтобы утѣшить подъ часъ разблужившагося дитятку, стоитъ только разказать ему или напомнить, что вотъ де скоро святки придуть, всѣ дѣвушки станутъ наряжаться, придетъ старикъ такой горбатой, борода длинная и проч: у маленькаго плаксы при этомъ разказѣ готовая уже выкатиться слезинка замреть или повиснетъ на нижней рѣсничкѣ, какъ перекатная жемчужина, глаза заблестятъ любопытствомъ и ожиданіемъ чего-то веселаго, а на полураскрытый ротикъ слетитъ улыбка. Наконецъ, къ великой радости маленькаго поколѣнія, давно желанныя святки наступили. Каждый вечеръ, во всѣхъ дворовыхъ избахъ, чуланахъ, углахъ идетъ суматоха. Одни ужъ почти совсѣмъ нарядились, другіе все

vlasí se podvezujejo iz konopnih tulj, vmesti pasa kos vervi, v rokah kol in stavec je gotov. — Našemani hodijo po izbah in govore po naravi šem, vzeti vzeti nase in izbujajo neposiljene viharje hohotanja. Ko pridejo v izbo in so pozdravili gospodarja in gospodinjjo, našemani pojo in plešejo in ti plesi s svojo gerdobó in iznajdenostjo se ujemajo popolnoma s šemastimi oblačili. Stavec dela z nogami čudne in umetne zvižaje, pa končava s tem, da se od izmišljene obnemoglosti in trudnosti spotika in letí na tla s podplati na kviško. Druga suha baba, nerodno se obračaje, poigrava navadno z odraslim fantom, od začetka pleše zmerno in okorno potem pa se spušča v „ruski“ ples ¹⁾ ali pak se prekucuje čez glavo . . . Našemane spremlja vsegdar iz izbe v izbo truma otrok, kateri iz čistega serca radujejo se veselim večerom „svetkov“. Pred novim letom zvečer spet zbira se truma mladine: pa hodijo pod okna in pojo. . . Pojo in podajajo jim, ta potice, uni kosček skuhane svinjine — podajajo, karkoli se pri kom najde to dobo. Večer pred novim letom posvečuje se samo vedeževanjem.

V hišah gosposkih obhajajo svete večere skoro ravno tako, kakor v hišah kmečkih. Nikdo tako ne ljubi teh praznikov, kakor detca, nikdo tako ne raduje se njihovemu približanju. Je še nekoliko tednov do božiča in že so „svetki“ prijetna reč večernih razgovorov med detco, reč, ktere nikdar ne zmanjka; in pesternam, da bi precej pomirile stogotivše se detce, je potreba samo praviti mu, ali spomniti, da, glej, prav kmali pridejo prazniki, vse deklice začnejo se našemovati, pride starček tak gerbav, brada dolga i. t. d., in pri ti pripovedki malemu plakalcu zamre solzica uže pripravljena uterniti se, ali pak obvisi na spodnji trepavničici, kakor takljajoči se biser, oči zablisejo od radovednosti in pričakovanja nekaj veselega in na poloodperta ustca zleti smehljaj. Na zadnje k veliki radosti malega ljudstva se davno zaželjeni prazniki nastopili. Vsaki večer je v vsih grajskih izbah, hramih in kotih kolobocija. Jedni so uže skoro čisto na-

¹⁾ T. j. s pripognjenimi koleni.

еще прискиваютъ, во что нарядиться; хлопчуть, бѣгаютъ безъ всякаго толку изъ угла въ уголъ, толкаются со встрѣчными, сами бранятся, и ихъ бранятъ . . а третьи, какъ-себѣ молча да не торопясь, собираются идти въ барскіе хоромы только бы посмотреть на наряженныхъ. Часу въ седьмомъ вечера, столовая въ домѣ освѣщена болѣе обыкновеннаго: зажжены лишнихъ двѣ или три свѣчи, или лишняя лампа; ненужные столы и стулья для простора вынесены, и барскія дѣти, давно разодртыя куколками, съ радостными лицами бѣгаютъ по стеловой въ ожиданіи наряженныхъ. Ожиданіе продолжается недолго. Скоро шумъ и хохотъ въ передней возвѣщаютъ о приходѣ ихъ; двери въ столовую отворяются, и наряженные, въ сопровожденіи разнообразной толпы деревенскихъ зрителей всѣхъ половъ и возрастовъ, одѣтыхъ совершенно подомашнему, наполняютъ половину комнаты. Въ господскомъ домѣ, что и въ крестьянской избѣ: наряжающіеся ни о чемъ болѣе не заботятся, чтобы только нарядиться какъ можно смѣшнѣе; но самыя средства, которыя доставляетъ присутствіе въ имѣніи господъ, даютъ возможность придумывать наряды, хотя не менѣе уродливые и смѣшные, но болѣе затѣйливые, нежели въ избахъ крестьянскихъ. Тутъ идутъ нерѣдко въ ходъ старинныя дѣдовскіе мундиры и французскіе кафтаны, парики старинные и нестаринные, изношенные чепцы, шляпы и шляпки, надѣваемые въ самомъ уродливомъ видѣ; но бываетъ также и старикъ съ безконечною бородою изъ пакли, съ горбомъ, въ вывороченой дырявой, овчиной пѣгой шубѣ, съ толстой палкой, чуть не съ дубиной, въ рукахъ, съ котомкой за плечами, — старикъ, надъ которымъ чистосердечно хохочутъ дѣти, а втайнѣ не желаютъ, чтобъ онъ подходилъ къ нимъ близко. Тутъ непременно бываетъ и старуха, чуть не въ три аршина ростомъ, костлявая, угловатая, иногда въ шляпкѣ и въ капотѣ, съ платочкомъ въ рукахъ, сначала танцующая жеманно, но потомъ пускающаяся въ присядку... тутъ бываютъ... да чего тутъ не бываетъ?

Сначала наряженные пляшутъ подъ музыку какого-нибудь самоучки скрипача, или доживающаго на мѣсячинѣ свои преклонныя дни стариннаго музыканта съ щетинистой отъ рѣдкаго бритья сѣдою бородою, съ неулыбающимся, но довольнымъ и добродушнымъ лицомъ, или подъ новомодный

šemili se, drugi pa še vedno poiskujejo s čim bi se našemili, ropotajo, letajo brez vsakega pogovora iz kota v kot, zadevajo se v srečajoče, se sami zmirjajo in drugi jih zmirjajo . . . tretji pak, kar za-se molčé in ne hité, zbirajo in spravljajo se na pot v gosposke hiše le zato, da bi videli našemljene. Ob sedmih zvečer je jedilnica v hiši bolje rastveljena kakor sicer, prižgane ste od več dve ali tri sveče ali svetilka; nepotrebne mize in stoli se zavoljo prostora iznesejo in gosposka detca davno oblečena, kakor čéče, z radostnimi lici letajo po jedilnici v pričakovanji našemljenih. Pričakovanje ne vleče se dolgo. Skoro naznani šum in hohotanje v prednji izbi njih prihod; vrata v jedilnico se odpirajo in našemljeni, spremljani z raznolično trumo selskih gledalcev vsakega spola in starosti, oblečenih čisto po domače napolnijo polovico izbe. V gosposki hiši, kakor tudi v kmečki izbi, tisti, kateri se našemujejo, se za nebena reč ne trudijo bolj kakor, da bi se našemili samo kolikor mogoče smešneje; ali že pripomočki, ktere nosi premoženje gospodi, dajo mogočnost izmišljevati šeme, ako ravno ne manje gerde in smešne, pa bolj šegave, kakor v kočah kmečkih. Tu grejo pogostoma v procesiji starinske dedovske obleke vojaške in francozke suknje, baroke starinske in nestarinske, ponošene avbe, klobuki in klobučiči natakneni v naj gerji podobi; pa tù je tudi stavec z neskončno brado iz konopnih tulj z gerbo v obrnjenem sterganem ovčjem pisanem kožuhi, z debelo palico, malo da ne s kolum, v rokah, s torbo na plečih, — stavec, nad katerim se detca čistoserčno hohočejo, skrivaj pak ne žele, da bi hodil blizu njih. Tu je gotovo tudi starka, malo da ne tri aršine visoka, koščata, nerodna, včasi v klobučiči in v suknji z rutico v rokah, od začetka plešoč okorno po tem pa spuščajoč se v „ruski“ ples-tù so-ali česa tukaj ni?

Od začetka našemljeni plešejo z muziko kakoršnega koli samouka godca ali starega muzikanta, kateri živi na mesečni reji svoje stare dni, s sivo od redkega britja ščetinasto brado, z obrazom, ne smehljajočim se, vendar zadovoljnim in dobroserčnim; ali pak z godbo nove šege ali s plesnimi pes-

инструмент-гармонію, или подъ плясовыя пѣсни, подъ дудку, подъ балалайку, подъ органъ или форепіано, однимъ словомъ подо что придется; потомъ, уставши плясать, собираются въ кружокъ, и хоромъ поютъ пѣсни.

Боже мой! какъ скоро летитъ время. Давно ли было Рождество, а вотъ уже и Новый Годъ прошелъ, не видали, какъ прошли святки, не видали, какъ дожили и до крещенскаго сочельника. Въ сочельникъ до святой воды, т. е. до возвращенія отъ вечерни, не ѣдятъ, а вечерня совершается послѣ обѣдни. Забыты святочные дурачества; всѣ, и старый и малый, идутъ и ѣдутъ въ церковь, и везутъ и несутъ и кувшины и кувшинчики и бутылки, для наполненія ихъ святою водою. Около чана, въ которомъ освящалась вода, по окончаніи обряда бываетъ страшная давка: всякой торопится зачерпнуть святой воды прежде другаго . . . Сколько кувшиновъ бываетъ тутъ перебито, сколько воды бываетъ разлито по полу, залито въ рукава, расплеснуто по одеждамъ прихожанъ, и отъ крещенской стужи въ холодныхъ церквахъ быстро застывающей въ ледъ. Во время освященія воды, многіе становятся особыя свѣчи передъ образомъ Богоявленія Господня. Свѣчи эти, по окончаніи вечерни, берутъ домой и тщательно сохраняютъ за образами: ихъ зажигаютъ только во время сильныхъ грозъ, для отвращенія отъ жилья ударовъ молніи.

Въ старину во многихъ господскихъ домахъ въ этотъ день подавалось *коливо*, попросту — нынѣшняя деревенская кутья, т. е. разваренная пшеница, подслащенная медомъ. Впослѣдствіи коливо это замѣнилось *сочивою*, кушаньемъ, состоящимъ изъ разваренныхъ въ горшкѣ всякихъ сухихъ домашнихъ плодовъ и ягодъ, варимыхъ съ медомъ или сахаромъ. Это послѣднее блюдо за многими помѣщичьими столами употребляется и понынѣ въ крещенскій сочельникъ.

Вечеру въ господскихъ домахъ по обыкновенію служатся всенощныя, а послѣ всенощной или на другой день послѣ заутрени, на всѣхъ притолкахъ, косякахъ, дверяхъ и шкафныхъ дверцахъ, не только въ избахъ, но и во многихъ господскихъ домахъ, даже безъ вѣдома и участія господъ, появляются начерченные мѣломъ кресты. Въ день Богоявленія Господня опять и старый и малый и ѣдутъ и идутъ въ приходскую церковь къ обѣднѣ; а послѣ обѣдни съ хо-

mami s piščaljo, ali z balalajko, z orgljami, z glasovirom, z jedno besedo k čemur se pride; nehavši plesati, zbirajo se v okrog in pojo pesmi v zbor.

Moj Bog! kako naglo letí čas. Davno že je bil božič, pa glejuže je tudi novo leto minulo, nismo videli, kako so minuli „prazniki“, nismo videli, kako smo preživéli do delopusta sv. treh kraljev. Ta dan do „svete vode“, to je do povernjenja od večernice nič ne jedó, večernica pak dokončava se po maši. Pozabljene so „praznične“ norčije; vsi, stari in mali grejo in peljajo se v cerkev, in peljejo in nesejo verče, verčiče in steklenice, napolniti jih s sveto vodo. Okolo kadi, v kateri se je voda posvetila, je po dokončanju opravila strašna gnječa: vsaki se podviza zajeti svete vode pred drugim. . . Koliko verčev se tu pobije, koliko vode se razlije po tleh, se zlije v rokave, razplusne po oblačilih farmanov, in koliko je berzo zmerzne v led v hladnih cerkvah od mraza „krščenskega“. Ob času posvečevanja vode postavljajo mnogi posebne sveče pred podobo svetih treh kraljev. Te sveče po končanju večernice jemljó domú in skerbno hranijo za sv. podobami: jih prižigajo samo o časi silnih neviht, da bi se odvernile od prebivališča strele bliska.

Nekdaj se je podajalo v mnogih gosposkih hišah na ta dan „kolivo“, po domače — zdanja selska „kutija“, to je kuhana pšenica oslajena z medom. Potlej je to „kolivo“ zamenilo se s „sočivjem“, z jedjo, obstoječo iz skuhanih v lonci vsakoverstnih suhih domačih sadežev in jagod, z medom ali s sladkorjem. Ta poslednja jed se uživa tudi še zdaj zvečer pred svetimi tremi kralji za mnogimi gosposkimi mizami.

Zvečer se obično obhaja v hišah gosposkih vsonočnica in povsonočni ali na drugi dan po zjuternji maši se pokazujejo s kredo načertani križi na vsih nadpražjih, podbojih, durih in omarnih durcah ne samo v kočah (kmetijskih) temoč tudi v mnogih gosposkih hišah, da gospoda tega še celó ne ve in se v to ne meša. Na dan sv. treh kraljev se spet peljejo in grejo, stari in mladi v farno cerkev k veliki maši; in po

ругвями и образами открывається торжественное шествіе на іордань къ ближней рѣкѣ или ручью, гдѣ бываетъ иногда довольно трудно не только добраться до воды, но даже до покрывающаго воду льда, занесеннаго сугробами снѣга. Разумѣется, что мѣсто для освященія воды готовится заранѣе, раскидываютъ лопатами сугробы, и прорубаютъ ледъ. Нести изъ цѣркви хоругви и образа на іордань, или лучше сказать, при всѣхъ установленныхъ церковью крестныхъ ходахъ, желающихъ изъ крестьянъ всегда бываетъ много; иные заранѣе сговариваются съ церковнослужителями, и тѣ, при раздачѣ образовъ, вручаютъ имъ хоругви или иконы, сообразно изъявленному ими желанію. Замѣчаютъ, что если во время освященія водъ, іордань замечается снѣгомъ, или, попросту сказать, когда въ то время бываетъ *наземка*, или мятель, или обильный снѣгъ валить хлопьями, то годъ тотъ будетъ урожаенъ. Очень нерѣдко случается, что кто-нибудь, по окончаніи обряда, раздѣнется до нага, и бросится въ іордань, въ ту прорубь, гдѣ при пѣніи «Спаси Господи люди твоя», былъ погруженъ крестъ; разумѣется, что, окунувшись разъ, онъ сейчасъ же выскакиваетъ изъ воды, накидываетъ тулупъ, стремглавъ бѣжитъ въ жиле, и прямо вскарабкивается на печь, гдѣ отбирается, обогрѣвается и надѣваетъ чистое бѣлье. Кажется, не бывало примѣра, по крайней мѣрѣ, я не слыхивалъ никогда, чтобы ктонибудь поплатился горячкою или хоть малѣйшей простудою: все сходитъ благополучно. Мысли, заставляющія рѣшиться на это купанье, бываютъ различны: одни погружаются въ іордань для сохраненія или восстановленія и укрѣпленія здоровья; другіе надѣются этимъ купаньемъ смыть грѣхъ, что, наряжаясь на святкахъ, принимали на себя подобіе бѣса, или по крайней мѣрѣ тѣшили его.

Въ праздникъ Крещенья, какъ и наканунѣ въ сочельникъ, православные, отправляясь въ церковь, запасаются кувшинами или другой какой посудиною и, по окончаніи водоосвященія, наполняютъ ихъ изъ іордани святою водою, и разносятъ по домамъ. Святую богоявленскую воду тщательно берегаютъ, приписывая ей чудесное свойство никогда не портиться. Богоявленскую воду даютъ младенцамъ отъ падучей и многихъ другихъ болѣзней и скорбей.

maši se napravlja praznična procesija z zastavami in sv. podobami „na jordan“ k bližnji reki ali potoku, kjer je včasih dovolj trudno ne samo priti do vode, temoč tudi do leda pokrivajočega vodo, zanesenega z zameti snega. Razumi se, da se mesto za posvečenje vode pripravlja popred, da razkidujejo zamete z lopatami in prebijajo led. Vsigdar je mnogo kmetov želečih nesti „na jordan“, ali bolje reči, pri vsih od cerkve ustanovljenih kerstnih procesijah, iz cerkve zastave in sv. podobe, drugi se pa že zgodaj zgovarjajo s cerkvenimi služabniki, in ti, pri razdajanju podob, dajo jim v roke zastave ali sv. podobe, kakor so željo razodeli. Opažajo, da bode to leto rodovitno, ako ob časi posvečenja vode se zameta jordan s snegom ali, po prosto reči, kadar je ta čas „pazemka“, ali zamet, ali da na debelo sneg kida. Prav dostikrat zgodi se, da se po dokončanju božje službe kdo sleče do naga in skoči v „jordan“, v tisti preboj, kjer so križ vmočili pri petji: „Reši Gospod ljudi tvoje“; razumi se, da, utopivši se enkrat pri ti priči že skoči iz vode, verže na se kožuh in na vrat na nos teče domu, skobaca se na peč, obira, ogreva in oblači čisto oblačilo. Pripoveduje se, da ni bilo primera, vsaj jaz nisem nikoli slišal, da bi kdo bil skupil si vročnico ali le naj manjše prehlajenje: vse mine dobro. Različne so misli, napeljujejoče na namen tega kopanja: jedni se utapljujejo v „jordan“, da bi zdravje ohranili ali zopet dosegli in uterdili; drugi se nadjajo s tim kópanjem zmiti greh, da so ob „praznikih“ našemovaje se na se prejemale podobo hudičevo, ali da so mu vsaj veselje narejali.

Na praznik „krščenja“ (sv. treh kraljev), kakor tudi zvečer pred sv. tremi kralji, staroverci, spravlja se v cerkev, obskerbljujejo se z verči ali s kako drugo posodo in jih napolnjujejo po posvečenju vode, iz „jordana“ s sveto vodo in jo raznosijo po hišah. Svetih treh kraljev vodo skerbno hranijo, pripisovaje ji čudovito lastnost, da se nikoli ne spridi. Svetih treh kraljev vodo dajejo otrokom zoper božjast in mnoge druge bolezni in nadloge.

Отъ Крещенія и до масляницы, съ молотьбой да съ домашними работами, цѣлыя недѣли и не видать какъ проходятъ. Дни начинаютъ прибывать ощутительно. Въ обращенныя на полдень окна, солнце пригрѣваетъ повесенному, да и вся природа какъ будто подтверждаетъ старинную поговорку, что „время идетъ не къ Рождеству, а къ Великому дню“. Масляницу обыкновенно начинаютъ праздновать со вторника или съ среды, праздновать въ буквальномъ смыслѣ, т. е. предаваться совершенной праздности или гульбѣ. Первая забота всякаго порядочнаго хозяина предъ наступленіемъ масляницы — заготовить гречневой мукой для блиновъ и рыбой, какой Богъ пошлетъ добыть на базарѣ, рыбой чаще всего самаго крутаго засола, и по большей части бѣлужинной; потому что бѣлужина засольная и дешевле и мясистѣе. Сырная недѣля есть почти единственное время, когда простой деревенскій людъ допускаетъ роскошь — имѣть на своемъ столѣ соленую рыбу. Соленую рыбу варягъ во щахъ; но въ народѣ охотнѣе ѣдятъ ее невареною, не заботясь даже о томъ, чтобъ рыбу предварительно обмывать, а такъ прямо, какъ была привезена съ базара, изрѣжутъ кусочками въ чашку, да и ѣдятъ съ квасомъ, съ капустой или съ солеными огурцами. Употребленіе въ ѣду сырой соленой бѣлужины бывало часто для многихъ семействъ причиною скоропостижной смерти, но подобные примѣры мало имѣютъ вліянія на обычаи народа: *стало-быть имъ ужь такъ на роду было написано*, говорятъ они о несчастныхъ, отравившихся рыбою.

Въ зарайскомъ уѣздѣ, такъ же какъ и во всей матушкѣ Россіи, блины на масляницѣ ѣдятъ за завтракомъ, а завтракъ въ зимнюю пору у простаго русскаго народа чуть не до свѣта. Къ масляницѣ мужички покупаютъ вино, варятъ браги; и въ послѣдніе дни масляной недѣли пресыщеніе доходитъ до такой крайности, что можно подумать, будто всякой и заботится о томъ, чтобъ запасти въ своемъ желудкѣ продовольствіе на весь великій постъ. Въ послѣдніе дни масляной недѣли, послѣ завтрака и послѣ обѣда, запрягаются тройками, парами и одиночками розвальни и пошевни, и въ нихъ бабы и дѣвки засѣвши цѣлыми кучами

Od svetih treh kraljev do pusta minejo celi tedni z mlačvo in z domačimi deli, da ne vidiš kako. Dnevi začenjajo rasti, da se čuti. V okna, obernjena proti jugu, prigreva solnce po spomladansko, da, tudi vsa narava nekako pöterjuje stari pregovor, da vreme ne gre proti božiču, ampak proti veliki noči. Navadno začenjajo pust praznovati v torek ali v sredo, praznovati v pravem smisli, to je, udavati se popolni lenobi ali postopanju. Perva skerb vsakega redoljubnega gospodarja pred nastopljenjem pusta je — preskerbeti se z ajdovo moko za potice in z ribo, kakoršno Bog dá dobiti na teržišči, z ribo večji del kar naj bolj zasoljeno in večji del vizino, zato ker je viza nasoljena bolji kup in bolj mesnata. Pustni teden je skoro jedini čas, v katerem si prosto, kmečko ljudstvo dovoljuje dobroto — imeti na svoji mizi nasoljeno ribo. Zasoljeno ribo kuhajo v zelji; pa ljudje jo rajše jedó nekuhano, ne mené se celo zato ne, da bi ribo popred omili, ampak ravno tako, kakor je bila pripeljana s teržišča, jo narežejo na kosce v škodelico, pa tudi jedó s „kvasom“ ¹⁾, s kapusom ali pa s soljenimi kumarami. Uživanje sirove nasoljene vize bilo je dostikrat v mnogih rodovinah vzrok nagli smerti, ali taki pripetleji imajo malo moči do navade narodne: „to jim je moralo biti tako že pri rojstvu napisano“, govorijo o nesrečnikih, ostrupivših se z ribo.

V zarajskem okraji, kakor tudi v vsi „ljubi mamici“ Rusiji potice jedó o pusti za zajterkom, zajterk je pa v zimski dobi pri prostem ruskem narodi komaj do svita. K pustu kupujejo kmetiči vino, kuhajo pivo, in zadnje dni pustnega tedna gre prenajednost tako daleč, kakor se le misliti more, ker se vsaki tudi prizadeva, da bi se založil v svojem želodci dovolj za ves veliki post. Zadnje dni pustnega tedna po zajterku in po južini upregajo v „rozvaljne“ ²⁾ in „poševne“ ³⁾ po tri konje, po par ali po enega in na nje sedši vozijo se žene in dekleta v celih kupih skoro jedna na drugi,

¹⁾ Neka versta kislata narodne pijače. ²⁾ Nizke, široke sáni.

³⁾ Kmečke sáni, večí del iz lipove skorje.

чуть не одна на одну, разряженные, приглаженные, катаются, чинно играя пѣсни во все горло. Такъ-какъ главная цѣль прокатиться есть не столько исполненіе обычая, сколько желаніе себя показать и другихъ посмотрѣть: то при вопросѣ упитаннаго брагою лѣнливо-веселаго повозника „куда жь мнѣ, тетинки, васъ везти?“ возникаетъ споръ: однѣ кричатъ въ ту-то деревню, другія въ другую, и наконецъ оканчивается общимъ приговоромъ — объѣхать нѣсколько окрестныхъ селеній. Въ какую деревню ни пріѣдутъ, вездѣ веселье, шумъ, пѣсни; народъ съ утра до ночи съ улицы почти не сходитъ: всѣ ту ляютъ, всѣ разодрты въ лучшіе наряды; у всѣхъ лица сіяютъ удовольствіемъ. Бабы и дѣвки бывшаго экономическаго вѣдомства блестятъ широкими сполшными галунами на кичкахъ и по всей одеждѣ. Въ ушахъ къ сергамъ вмѣсто подвѣсокъ прицѣплены бѣлыя пушки изъ пѣлыхъ заячьихъ хвостиковъ, что чрезвычайно идетъ особенно къ молодымъ, разрумяненнымъ морозомъ лицамъ. Веселыя толпы прекраснаго пола, въ нарядахъ, въ которыхъ преобладаютъ цвѣта красный и бѣлый, издали походятъ на участки земли, засѣянные макомъ, въ то время года, въ которое макъ бываетъ въ полномъ цвѣту. Крестьяне помѣщичьихъ имѣній любятъ также употреблять въ обиліи красный цвѣтъ во всемъ, что касается до наряда, любятъ также употреблять и галуны, но только въ меньшемъ количествѣ, предпочитая галуны издѣлія мануфактурныя, какъ-то: пунцовые и другихъ яркихъ цвѣтовъ набивныя платки, ситецъ на рукава, черный плизъ на шубы, хотя и овчинныя, и прочую роскошь новѣйшаго времени.

Въ послѣднее воскресенье передъ великимъ постомъ, вечеромъ всѣ просятъ другъ у друга прощенія, и родные и чужіе, ежели кто кого чѣмъ-нибудь умышленно или неумышленно обидѣлъ или огорчилъ. Въ нѣкоторыхъ господскихъ домахъ ведется еще до сего времени старинный обычай, что этотъ вечеръ дворовые люди обоихъ половъ приходятъ къ господамъ испрашивать христіанскаго прощенія и поздравлять ихъ съ наступленіемъ великаго поста да съ заговѣньемъ *на горохъ да на капусту*. Всякаго, приходящаго *прощаться* господа цѣлуютъ и обоюдно просятъ простить ихъ,

nališpane in poglajene, prepevaje kakor se spodobi, na vse gerlo. Ker ni njih glavni namen, da se vozijo, toliko izpolnjenje navade, kolikor želja pokazati se in druge pogledati: zato se pri vprašanji leno veselega, s pivom napitega vozika „kam pa vas, imam tetike peljati?“ začinja prepir: jedne vpijejo v to vas, druge v drugo in na zadnje se dokončuje s splošnim dogovorom — obdirjati nekoliko bližnjih sel. V katerokoli vas pridejo, povsod je veselje, šum, pesmi; narod od jutra do noči iz ulice skoro ne odide, vsi se sprehajajo, vsi napravljeni v naj lepša oblačila, lica vsih sijajo od zadovoljstva. Žene in deklice blesketajo po bivšem domačem gospodinstvi v širokih, gostih pascih na „kičkah“ ¹⁾ in po vsi obleki. V ušesih so za uhanе obešeni mesto kitic beli čopiči iz celih zajčjih repičev, kar se nenavadno lepo podá, posebno mladim od mraza porudelim licem. Vesele trume prelepega spola, na katerih vidite se naj bolj farbi rudeča in bela, podobne so kosom zemlje, obsejane z makom tisti čas leta, kadar je mak v polnem cveti. Kmetje na grajskih zemljah tudi radi imajo rudeče farbe v vsem, kar se tiče naprave, radi imajo tudi pasce, pa le po malem, ceneči bolj od pasca izdelke manufakturne, kakor: robce začernelo-rudeče in drugih živih farb, cic na rokave, črni pliš na kožuhe, ako ravno so ovčji, in drugo nagizdo novejšega časa.

Zadnjo nedeljo pred velikim postom, zvečer vsi prosijo jeden drugega za odpuščenje, domači in tuji, ako je kdo koga s čimurkoli premišljeno ali nepremišljeno razžalil ali razjezil. V nekterih gosposkih hišah se še do zdanjega časa derži stara navada, da gredó ta večer grajski ljudje obojega spola k gospodi prosit za „kristjansko“ odpuščenje in pozdravljat jih o začetku velikega posta, pa zadnji dan pusta (vabit jih) na grah in na zelje.“ Vsakega, kateri pride po odpuščenje, gospoda poljubijo in prosijo od svoje strani odpu-

¹⁾ Nekdanji narodni lišp za na glavo.

ежели когда по слабости человѣческой или по ошибкѣ, съ кого что-либо напрасно взыскали или неумышленно чѣмъ-нибудь обидѣли. Въ понедѣльникъ первой недѣли поста крестьянскія бабы-хозяйки замѣчаютъ, къ какому полу принадлежать будетъ то лицо, которое съ утра первымъ войдетъ къ нимъ въ избу: если мужикъ, то овцы будутъ котить болѣе баранчиковъ, есди жъ женщина войдетъ первую, ярокъ будетъ болѣе.

Великій постъ во всемъ православномъ отечествѣ нашемъ преимущественно посвящается покаянію; и потому во все продолженіе великаго поста въ приходскихъ сельскихъ церквахъ отправляется божественная служба ежедневно. Это можно сказать вообще, но въ церквахъ приходоѡ небольшихъ, малолюдныхъ, служба отправляется только на первой, средокрестной и страстной недѣлѣ. Всякой говѣть на той недѣлѣ, въ какую ему благопріятствуютъ обстоятельства; или въ какую кто свободнѣе отъ дѣлъ; но многіе изъ простаго народа предпочитаютъ говѣть на 1-й недѣлѣ, чтобъ, по ихъ словамъ, въ продолженіе слѣдующихъ шести недѣлъ отгавливать. Говѣть на страстной недѣлѣ было бы и хорошо, да разгавливаніе близко, долго ли до грѣха? Пожалуй, останется еще на совѣсти, что не успѣвъ принять Св. Причастія, въ день свѣтлаго праздника лишнее и съѣлъ, лишнее и выпилъ, и бражки и вина . . . Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, особенно тамъ, гдѣ господскій домъ не въ селѣ, то съ господами въ одно время говѣть большая часть дворовыхъ и крестьянъ. Священникъ пріѣзжаетъ служить въ столовой господскаго дома заутрени и вечерни а въ тѣ дни, когда церковію положена обѣдня, то за экипажами господъ тянется въ церковь длинный поѣздъ въ саняхъ или телегахъ, смотря по погодѣ, и толны пѣвшихъ.

Великій постъ строго наблюдается народомъ. Рыбу ѣдятъ только въ Благовѣщенье да въ вербное воскресенье. Въ лазареву субботу разрѣшаютъ только на икру, разумѣется, эта роскошь далеко не для всѣхъ: ею пользуется только очень и очень зажиточный торговый народъ. Вообще простой народъ въ постъ употребляетъ въ пищу пустыя щи, рѣдьку съ квасомъ да кашу. Многіе не ѣдятъ даже постнаго масла.

stiti jim, ako so kdaj po slabosti človeški ali pa iz pomote od kogar bodi karkoli nepravdo hoteli ali ga nepremišljeno s čimurkoli razžalili. V pondeljek prvega tedna o posti kmečke žene, gospodinje pazijo, na kateri spol bode spadala oseba, ktera zjutraj prva pride k njim v izbo: ako je možki, bodo ovce imele več jagenčkov, ako pak pride ženska prva, bode več jagnjic.

Veliki post se naj bolj posvečuje v vsi staroverski domovini naši pokori: in zato se ves čas velikega posta opravlja v farnih selskih cerkvah božja služba vsak dan. To se more reči sploh, pa v cerkvah far manjših, maloljudnih opravlja se ta služba samo prvi, sredopostni in veliki teden. Vsaki se pripravlja k sv. obhajilu tisti teden, v katerem mu dopuščajo okolnosti, ali v katerem je bolj svoboden od del; pa mnogi iz prostega ljudstva se rajši pripravljajo prvi teden, da bi, kakor pravijo, ob času sledečih šest tednov pobožnost po sprejetji svetega rešnjega telesa opravljali. K obhajilu bi bilo veliki teden tudi dobro, pa konec posta je blizo, ali je pa dolgo do greha? Ne zameri, ostalo bode še na vesti, da ne utegnivši sprejeti sveto rešnje telo, na dan svete velikenoči si preveč pojedel, tudi preveč popil, pivca in vinca . . . Na grajskih posestvih, posebno tam, kjer gosposka hiša ni v vasi, pripravlja se k svetemu obhajilu z gospodo vred ravno ta čas večji del grajskih ljudi in kmetov. Duhovnik pripelje se služiti v jedilnici gosposkega grada juternice in večernice in tiste dni, kadar je od cerkve ustanovljena maša, se vleče za kočijami gospôde v cerkev dolg red na sàneh ali na vozeh, gledaje na vreme in trume pešcev.

Veliki post se ostro derži v ljudstvu. Ribo jedo samo na praznik oznanjenja devici Mariji in na cvetno nedeljo. V Lazarjevo soboto se dovoljuje samo kavijar, to se razumi da ta poboljšek nikakor ni za vse: in si ga morejo omišljevati samo zelo, zelo premožni tergovski ljudje. Sploh priprosto ljudstvo rabi o posti za jed postno zelje z juho, redkev s „kvasom“ pa kašo. Mnogi še olja ne uživajo ¹⁾.

¹⁾ Drugo izpustivši sledi konec tega spisa.

Наконецъ, отъ простуды или отъ другаго чего захворалъ земледѣлецъ; долго переламывалъ онъ болѣзнь. Нѣтъ мочи, а все таки пойдетъ да помолотится, или съѣздитъ на базаръ, или топоромъ что постучитъ на дворѣ. Лицо его пожелтѣло, глаза впали, остались кожа да кости; но ропоту нѣтъ, страданій не слышно. Наконецъ болѣзнь свалитъ его на жесткую постель. Аптекъ и докторомъ въ простомъ народѣ не знаютъ. Попоятъ больного травой, натрутъ рѣдкой, попарятъ въ печи, умоютъ съ уголька отъ призора-глаза, и еще кое-чѣмъ вздумаютъ полѣчить, что часто очень бываетъ ко вреду.

Въ настоящее время многіе помѣщики, съ помощью лѣчебниковъ и практическаго навыка, занимаются лѣченіемъ простаго народа. Въ продолженіе лѣта запасаются травами и кореньями, покупаютъ лѣкарства, и на этотъ предметъ издерживаютъ довольно денегъ. Но дѣло не въ деньгахъ. Надобно обладать въ нѣкоторой степени самоотверженіемъ въ употребленіи времени, потому что въ тотъ домъ, гдѣ занимаются лѣченіемъ, приводятъ и привозятъ больныхъ по нѣскольку человекъ въ день, и что всего несноснѣе, въ разные часы; одинъ или два человека въ день случается очень рѣдко. Къ лѣкарямъ въ города народъ, въ случаѣ болѣзни, обращаться не любитъ, и въ этомъ совершенно правъ: положимъ, что лѣкаръ безвозмездно пропишетъ рецептъ, но вѣдь надобно взять лѣкарства въ аптекъ. Лѣкарства — не по средствамъ простому народу. Двѣ, три стеклянки микстуръ могутъ лишитъ мужика возможности заплатить подушныя; но тамъ, гдѣ господа занимаются лѣченіемъ, тамъ и спросятъ больного и лѣкарство дадутъ ему даромъ, безъ разбора, чей бы онъ ни былъ, и откуда бы ни пришелъ, создній или помѣщичій, или государственныхъ имуществъ, ближній или дальній, все равно. Простой человекъ такъ боится лѣкарей и аптекъ, что лучше предпочитаетъ остаться безъ всякаго пособія, чѣмъ ѣхать по болѣзни въ городъ.

Со дня на день слабѣетъ больной; родные и чужіе, проходящіе провѣдать, говорятъ ему открыто, попросту: „видно ты ужъ не встанешь; знать ужъ тебѣ помереть, родимый!“ и больной спокойно выслушиваетъ приговоръ этотъ. Болѣе всего торопятся вѣвремя пригласить священника, исповѣдать и приобщить больного Св. Таинъ, заботясь о душѣ гораздо

Na zadnje je zbolel kmet od prehlajenja ali česa drugega. Dolgo je premagoval bolezen. Nima moči, pa vendar, pojde kaj pomlatit, ali se odpelje na terg ali pak kaj potolče s sekiro na dvori. Lice mu je porumenelo, oči vpadle, ostala je koža in kosti; mermranja ni, o terpljenji se nič ne sliši. Na zadnje bolezen zvali ga na britko posteljo. Lekarnic in zdravnikov v priprostem narodi ne poznajo. Napoje bolnega z rožno vodo, otarejo s redkvijo, poparijo v peči, umijejo z oglom od „uročnega očesa“ in še z marsičim si izmislijo ozdraviti ga, kar je velikrat verlo v škodo.

Zdanji čas pečajo se mnogi grajščaki s pomočjo zdravniških bukev in djanske skušnje z ozdravljanjem priprostega ljudstva. Letni čas se oskerbljujejo z rožami in s koreni, nakupujejo zdravila in izdajajo na to reč mnogo denarja. Pa stvar ni v denarjih. Tu mora imeti v porabi časa nekoliko samozatajenja, zato ker v tisto hišo, kjer se pečajo z ozdravljanjem, pripeljavajo in privažajo po nekoliko bolnih na dan, in kar je naj bolj težavno, ob raznih urah; jeden ali dva človeka prideta na dan verlo redko. K zdravnikom v mesta se narod ne obrača rado v boleznih, in v tem ima čisto prav: postavimo, da zdravnik zastonj napiše recept, no to se ve, da se morajo vzeti zdravila v lekarnici. Zdravila — niso po premoženju prostega naroda. Dve, tri stekleničice mikstur morejo kmetu odvzeti zmožnost plačati davek; tam pak, kjer gospoda peča se z ozdravljanjem, tam izprašajo bolnega, in zdravilo dajo mu zastonj, brez razločka čigarkoli bi bil, in od kodarkoli bi prišel, bodi sosednji ali grajski ali s cesarskih posesti bližnji ali daljnji, vse eno. Priprosti človek tako boji se zdravnikov in lekarnic, da meni, da je bolje ostati brez vse pomoči, kakor peljati se zavoljo boleznih v mesto.

Od dne do dne oslabeva bolnik, žlahta in tuji, prihajajoči pozvediti, govore mu odkrito, priposto: vidi se, ti že več ne vstaneš, se ve, ti že bodeš moral umreti, rojak! in bolnik pokojno posluša ta pogovor. Bolje od vsega podvizajo se o pravem časi poklicati duhovna, spovedat in previdit bolnika s svetimi zakramenti, skerbé za dušo veliko bolje, kakor za

болѣе, нежели о здоровьѣ или жизни. Въ болѣзняхъ продолжительныхъ, особенно когда больной находится долгое время въ трудномъ положеніи, его соборуютъ масломъ съ полною вѣрою, что ужь если умереть больному, то Господь пошлетъ ему тихій и скорый конецъ; но если больному суждено остаться въ живыхъ, то быстро пойдетъ на выздоровленіе.

Передъ смертію больной отдаетъ ключъ отъ своей коробы, кому довѣряетъ, прощается со всеми и отвернувшись къ стѣнѣ, отдаетъ душу Богу, иногда такъ тихо, что никто изъ бывшихъ въ избѣ и не замѣтитъ. Съ такимъ же терпѣніемъ въ болѣзняхъ и съ такою же твердостью умираютъ и женщины. Пока тѣло еще не остыло, умирающаго обмываютъ, надѣваютъ на него чистую рубаху, и кладутъ подъ святія. Такъ называется мѣсто въ переднемъ углу на лавкѣ. Положить головой къ образамъ, и покрывъ холстиной, затеплять предъ образомъ восковую свѣчку.

Лишь только кто-нибудь въ деревнѣ умретъ, и вѣсть о томъ разнесется по всемъ дворамъ; всѣ, и родные и чужіе, сѣдѣть въ тотъ домъ, гдѣ лежитъ покойникъ, и каждый изъ усердія несетъ въ даръ ему восковую свѣчку: этимъ приносными свѣчами и поддерживается постоянно огонь предъ иконою въ головахъ усопшаго. Но если у кого свѣчи на этотъ разъ въ домѣ не случилось, тотъ, пришедши къ одру умершаго, полагаетъ на столъ грошъ, что считается за одно и тоже; потомучто пожертвованныя такимъ образомъ деньги употребляются также на покупку свѣчей; и этотъ обычай приносить свѣчи или вмѣсто нихъ деньги значительно уменьшаетъ расходы, неизбѣжные при похоронахъ. Вдова, мать, или другія самыя близкія покойнику родныя женщины, начинаютъ голосить, т. е. вмѣстѣ съ воплемъ и слезами приговаривать нараспѣвъ о своей потерѣ, о своей горькой участи, о душевныхъ и тѣлесныхъ качествахъ умершаго; при чемъ припоминаютъ разныя событія изъ его жизни, его хлѣбосолюство, досужество, припоминаютъ послѣдніе его дни и часы и послѣдніе разговоры. Погослосить надъ умершимъ значитъ воздать ему должную честь, и потому, кто умираетъ сиротою, неоставляя послѣ себя ни матери, ни жены, ни близкихъ родныхъ, надъ тѣмъ погослосить считается долгомъ какая-нибудь очень дальняя родственница, или даже чужая какая старуха, или хозяйка того дома,

zdravje ali za življenje. V boleznih dolgih, posebno kadar se nahaja bolnik dolgo časa v hudih bolečinah, ga pomažejo s svetim oljem s terdno vero, da, ako je bolniku že umreti, mu Gospod poslal bode tih in nagel konec; ako je pak bolniku sojeno, med živimi ostati, da hitro pojde k zdravju.

Pred smertjo oddaja bolnik ključ od svoje skrinje, komur zaupa, jemlje slovo od vsih, in obrnivši se k steni oddá dušo Bogu, včasi tako tiho, da nobeden v izbi bivših, še ne opazi. Z ravno tako poterpežljivostjo v boleznih in z ravno tako terdnostjo umirajo tudi ženske. Dokler se telo še ni ohladilo, merliča umivajo, ga oblačijo v čisto srajco in pokladajo pod svetnike. Tako imenuje se mesto v prednjem kotu na klopi. Polagajo ga z glavo k sv. podobam in pokrivši ga s pertom prižgo pred podobo voščeno svečico.

Kakor hitro kdorkoli v vasi umre, in se novica o tem raznese po vsih hišah; vsi, sorodni in ptuji, hitijo v tisto hišo, kjer leži merlič in vsaki nese mu radoserčno v dar voščeno svečico; in ravno s temi prinesenimi svečami obderžuje se neprenehoma luč pred podobo nad glavo rajnkega. No ako bi se komu prigodilo, da bi takrat ne imel sveč doma, pa prišedši k odru merličevemu, položi na mizo groš, kar se ima za jedno in tisto, ker tako darovani denarji se rabijo tudi za nakupovanje sveč; in ta navada prinašati sveče ali vmesto njih denarje, jako pomanjšuje troške neizbežne pri pogrebih. Vdova, mati ali druge ženske iz naj bližnje žlahte rajnkega začnejo „glasit“, to je, ob enem z vpitjem in solzami „narekat“ napevno svojo zgubo, svojo bitko osodo, duševne in telesne lastnosti merliča, in takrat spominjajo razne prigodbe njegovega življenja, njegovo gostoljubje, spretnost, spominjajo poslednje njegove dni in ure in poslednje razgovore. Narekati nad merličem, pomeni dati mu dolžno čast, in zato, kdor umerje kakor sirota, ne zapustivši po sebi ne matere, ne žene, ne bližnje žlahte, nad tem narekati si šteje za svojo dolžnost ktera koli daljnja žlahtnica ali pa tudi kaka ptuja

гдѣ онъ умеръ. Все время, пока покойникъ лежитъ въ избѣ подѣ святыми, и до выноса продолжаютъ оплакивать его такимъ образомъ по нѣскольку разѣ овъ день, то есть съ отдыхами и кромѣ ночи:тдохнуть, а тамъ опять начинаютъ голосить и причитать. Междутѣмъ приходскій дьячокъ или пономарь читаетъ надъ покойникомъ псалтирь, за что платятъ ему копеекъ 50 серебромъ. Сначала онъ бодро принимается за чтеніе, но случается, что въ долгую зимнюю ночь и не выдержитъ: сначала позѣваетъ, а тамъ и уснетъ, особенно, если утомленныхъ печалію родныхъ невольно одолѣетъ сонъ.

Въ день выноса, опять въ тотъ дворъ и избу, гдѣ лежитъ покойникъ, собираются всѣ ближніе и дальніе для выноса, прощанья и проводовъ, и когда запоютъ вѣчную память, то вмѣстѣ съ этимъ грустноотраднымъ возгласомъ церкви, раздражается и даже заглушаетъ его раздирающей, безотрадный вопль голосѣбы ближнихъ родныхъ бабъ. Причитанья при голосѣбѣ бываютъ очень разнообразны, вотъ одно для примѣра: „Родимый ты, сударь мой батюшкѣ! Погости ты у меня послѣдній часокъ, послѣднюю минуточку! Скажи ты мнѣ, батюшка, отколь тебя ждать будемъ, гдѣ дожидаться, гдѣ мнѣ съ тобой будетъ видаться и т. д.“

Конечно, въ подобныхъ причитаньяхъ часто встрѣчаются выраженія условныя, заимствуемыя одними отъ другихъ, но должно сказать, что они не подготовляются и не обдумываются заранѣе, а выливаются прямо изъ груди, мгновенно связанная мыслію, подѣ вліаніемъ скорби истинной или только по обычаю. Во всякомъ случаѣ обычай свободнаго изліанія печали очень облегчаетъ скорбящихъ, но иногда этотъ необузданный крикъ сильно дѣйствуетъ на нервы, и бываетъ причиною продолжительныхъ болѣзней.

По выносѣ изъ избы, гробъ съ покойникомъ опускаютъ на приготовленную для этого на дворѣ скамью; и пока священникъ вторично войдетъ въ избу для прочтенія очистительныхъ молитвъ на этомъ мѣстѣ, гдѣ покойникъ скончался, на дворѣ прощаются, и снова раздирающіе душу вопли оглашаютъ деревню. Вышедъ съ гробомъ за околицу и дойдя до перваго распутія или перепутія, или лучше сказать, до мѣста, опредѣленнаго во всякой деревнѣ извѣстныъ обы-

starica ali gospodinja tiste hiše, kjer je umerl. Ves čas, dokler merlič leži v izbi pod svetniki in do pogreba, ne nehajo objokovati ga tako po nekolikokrat na dan, to je z oddihi in zvunaj noči; oddihnejo si, pa spet začnejo narekati in naštevati. Medtem cerkveni pomočnik ali cerkovnik bere nad merličem psaltir, za kar mu plačajo 50 kopejk v srebri. Od začetka se prijema dobro branja, pa se zgaja, da v dolgi zimski noči tudi ne zderži, od začetka zeva, po tem pa tudi zaspri posebno ako utrudeno od žalosti žlahto nehoté premaga spanje.

V dan iznosa zbirajo se spet v tistem pohištvu in izbi, kjer leži merlič, vsi bližnji in daljnji zavoljo iznosa, slovojevanja in pogreba in kadar zapoje „večnuju pamjat“ (večni spomin), s tim žalostno-tolažljivim petjem cerkvenim razglašča se in prav zaglušuje ga, razdirajoče obupno vpitje narekanja žen bližnje žlahte. Govori pri narekanji so zelo različni, tu je glej jeden za izgled: Ti pravi moj gospodar in oče! Ostani pri meni moj gost poslednjo urico, poslednjo minutico! Povej mi oče! odkod te bodemo pričakovali, kje te dočakali, kje bodem te spet videla in t. d.

Res da se v takih govorih dostikrat nahajajo besede splošne ktere izposojujejo jedni od drugih, pa reči se mora, da se ne pripravljajo in ne izmišljujejo popred, ampak izlivajo se naravno iz pers, kakor se v tistem migleji zvežejo v misli, pod silo resnične žalosti, ali pa samo po navadi. Vsakako navada svobodnega izlivanja žalosti verlo polajšuje žalostne, pa včasih ta razuzdani krič silno razdražuje čutnice in je vzrok dolgih bolezni.

Kadar se je iz izbe oder z merličem odnesel, ga postavljajo na klop, na dvori zato pripravljeno, in kadar duhovnik drugič gre v izbo, da prebere očistivne molitve na tistem mestu, kjer je rajni umerl, jemljejo na dvori slovo in vpitje dušo razdirajoče z nova oglašča se po vasi. Odšedši z odrom za vas in prišedši do prvega razpotja ali „prepotja“ ¹⁾, ali da lepše povem, do mesta, odločenega v vsaki vasi po znani navadi,

¹⁾ T. j. hiša kraj ceste za odpočivanje.

чаемъ, носильщики останавливаются, гробъ снова опускаютъ на землю, и тутъ всѣ, кому обстоятельства и другія домашнія дѣла не позволяютъ быть въ церкви при отпѣваніи и похоронахъ, даютъ покойнику цѣлованіе, и потомъ поклоняясь низко въ слѣдъ уносимому гробу, снова возвращаются въ ту избу, изъ которой былъ выносъ. Лишь только тѣло покойника изъ избы вынесутъ, хозяйка или деньщица или кто изъ бабъ посвободише, оставаясь дома, немедленно приступаетъ къ дѣлу. Прежде всего торопится подмести и притереть въ избѣ полъ; вымываетъ столъ, лавки, — и употребленныя для этого дѣла тряпицы и вѣникъ, также солому, на которой лежалъ покойникъ, горшокъ, изъ котораго брали воду при обмываніи его тѣла, гребень, которымъ расчесывали ему волосы послѣ смерти, собираетъ все это вмѣстѣ, относитъ за околицу, и бросаетъ на перепутье или на то мѣсто, гдѣ происходило прощаніе. Возвратясь домой, расторопная баба умывается сама, скидаетъ съ себя все грязное, и надѣваетъ чистое бѣлье, покрываетъ столъ чистою скатертью, ставитъ на него пирогъ, блины и кануи. Кануномъ зовутъ разваренную пшеницу, облитую разсыченнымъ медомъ. Все это дѣлается на скорую руку, и когда провожавшіе гробъ только за околицу, при вторичномъ приходѣ въ домъ усопшаго, преступятъ порогъ опустѣвшей избы, въ немъ уже все на своемъ мѣстѣ, все приведено въ порядокъ, какъ будто ни въ чемъ и не бывало. По предложенію хозяйки помянуть, печальные гости чинно подходятъ къ столу, берутъ по кусочку блина или пирога, погружаютъ въ кануи, и, пожелавъ усопшему царствія небеснаго, крестятся и съѣдаютъ за упокой его души.

По уходѣ этихъ первыхъ посѣтителей, хозяйка приготовливаетъ обѣдъ для родныхъ, носильщиковъ и могильщиковъ. Священника и дьячковъ въ день похоронъ не угощаютъ, или, по крайней мѣрѣ, это случается рѣдко; но въ церкви имъ даютъ пироги и блины, по большей части одинъ пирогъ и шесть блиновъ на всѣхъ.

За упокой души новопреставленныхъ заказываютъ священнику служить по нѣскольку обѣденъ; богатые заказываютъ обѣденъ по десяти, но крестьяне средняго состоянія болѣе трехъ обѣденъ заказываютъ рѣдко. Кромѣ этихъ заупокойныхъ обѣденъ, еще справляются и поминки. Поминки

se nosilci ustavljajo in rako z nova spuščajo na zemljo in tukaj vsi, katerim okolnosti ali druga domača dela ne privoljujejo biti v cerkvi pri opravili in pogrebi, merliča poljubijo in potem priklanjaje se nizko proti strani, kamor se ima raka odnesti, se vračajo z nova v tisto izbo, iz ktere je bil iznos. Komaj da telo merličevo odnesó iz izbe, gospodinja ali dekla ali ktera druga izmed žen, ktere ostanejo bolj brez dela doma, nemudoma pristopa k delu. Naj pred hiti pomesti in poderzati v izbi tlá, umiva mizo, klopi — in zbiraza za to delo porabljene cunje in metlo, tudi slamo, na kateri je ležal merlič, lonec, iz kterega so vzeli vodo pri umivanji njegovega trupla, glavnik, s katerim so mu razčesali vlase po smerti, vse to vkup odnaša za vas in meče na „prepotje“ ali na tisto mesto, kjer se je zgodilo slavojevanje. Kadar se poverne domú, se urna žena umiva sama, svlači s sebe vse umazano in oblači čisto perilo, pokriva mizo s čistim pertom, postavlja nanj pogačo, potice in „kanun“. Kanun imenujejo kuhano pšenico, oblito z razpuščenim v vodi medom. Vse to se dela ročno, in kadar tisti, kateri so spremili rako samo za vas, pri drugem prihodi v hišo rajnkega prestopijo prag zapuščene izbe, je že vse v njej na svojem mestu, vse spravljeno v red, kakor da bi nič ne bilo se zgodilo. Kadar gospodinja veli „spominjati“ (se mertvega), žalovavni gosti spodobno grejo k mizi, jemlje po košček potice ali pogače, pomakajo v „kanun“, in voščivši rajnemu kraljestvo nebeško, se križajo in jedó vkup za pokoj njegove duše.

Po prihodi tih prvih obiskovalcev pripravlja gospodinja obed za žlaho, nosilce in pogrebce. Duhovnika in strežajev na dan pogreba ne pogostujejo, ali se godi to vsaj redko; pa v cerkvi jim dajo pogače in potice, večji del jedno pogačo in šest potic za vse.

Za pokoj duše ravno umerših naročujejo duhovniku brati po nekoliko maš, bogatini naročujejo po deset maš, kmetje srednjega premoženja pa redko več od treh. Zvunaj tih „zapokojnih“ maš se opravljajo tudi sedmine. Sedmine te se

эти обыкновенно бываютъ въ 3-й, въ 9-й и 20-й день, еще послѣ шести недѣль, или въ 40-й день и чрезъ годъ. Во всѣ заказанныя обѣдни и поминки, особенно если эти дни совпадаютъ съ праздниками, когда у обѣдни бываетъ много народу, то на паперти при главномъ входѣ въ церковь, около стѣнки, на самомъ виду, разстелятъ платенцо или платокъ, и выставляютъ на деревянномъ или каменномъ блюдѣ блины или кусками нарѣзанный пшеничный хлѣбъ, извѣстный подъ именемъ ситника, или панушника, да въ чашкѣ развѣденный на водѣ медъ-кануи. Всякой, выходящій изъ церкви, приглашается стоящею при кануи бабою, всегда почти пожилою, или старушкою, одѣтою съ ногъ до головы въ бѣломъ, помянуть покойника; и проходящіе останавливаются, ѣдятъ, обмакнувъ въ медовую сыту, предлагаемые куски, крестятся, поминаютъ и молятся за упокой души, часто и не вѣдая — чьей. Но просьба помянуть покойника не ограничивается только храмомъ или тѣмъ, кто былъ въ немъ. Поминавшая баба, неся изъ церкви обратно домой остатки кануна и блиновъ, предлагаетъ помянуть своего покойника всякому встрѣчному, и встрѣчный этотъ счелъ бы грѣхомъ не исполнить ея желанія. На третій день въ церковь приносятъ причту блины и кануи, въ 9-й и 20-й день одни блины, а въ сороковой день заказывается обѣдня и панихида въ домѣ. Къ панихидѣ приглашенные собираются попрежнему съ своими свѣчами, а у кого свѣчи нѣтъ, тотъ несетъ грошъ. Послѣ панихиды хозяйка собираетъ обѣдъ, за которымъ на этотъ разъ уже непременно угощается священникъ и весь причтъ. Поминальный обѣдъ стараются приготовить какъ можно и обильнѣе и лучше, чтобы всякій присутствующій, кушая въ сласть, искреннѣе помянулъ покойника. Родные убѣждены, что этимъ они доставятъ отлетѣвшей душѣ на томъ свѣтѣ покой и отраду. Послѣ обѣда бываютъ "отпѣвшія чаши". Этотъ обрядъ у крестьянъ совершается такъ: возьмутъ кувшинъ браги, насытятъ ее медомъ, и священникъ, послѣ пѣнія съ дьячками многихъ печально отрадныхъ каноновъ, наливаетъ подслащеную брагу въ стаканъ, сперва самъ пьетъ, а потомъ предлагаетъ и всѣмъ. Всякой въ свою очередь беретъ изъ рукъ священника стаканъ, крестится и выпиваетъ за упокой души усопшаго. Также точно поминки совершаются чрезъ годъ, и также отпѣвается чаша; на прощанье священ-

opravljajo navadno tretji, deveti in dvajseti dan, tudi še čez šest tednov, ali štirideseti dan in čez leto. Pri vsih naročenih mašah in sedminah, posebno, ako ti dnevi spadajo na praznike, kadar je pri maši mnogo naroda, v lopi pri glavnih vratih v cerkev, okolo stene, prav zvonaj se razprostrejo pertič ali robec in postavijo v leseni ali kamnati skledi potice, ali na kosčke narezan pšenični kruh, znan pod imenom „sitnik“ ali „papušnik“, pa v skodelici na vodi razpuščeni med-kanun. Vsakega iz cerkve gredočega poklicuje stoječa pri kanuni žena, vsegdar dosti priletna, ali starica oblečena od nog do glave v belo, da bi se spomnil pokojnika, in mimohodeči se ustavljajo in jedó, pomočivši v medico pred nje postavljene kosčke, križajo se, in spominjajo in mólijo za pokoj duše, dostikrat še ne vedé, čigave. Pa prošnja spomniti se pokojnika, ni samo pri cerkvi, ali za tistega, kdor je bil v cerkvi. Žena, koja je „spominjala“, noseč iz cerkve nazaj domu ostanke „kanuna“ in potic, reče spomniti se svojega pokojnika vsakemu, kateri jo sreča in srečajoči štel bi si za greh ne izpolniti nje želje. Tretji dan prinašajo v cerkev zraven potic tudi „kanun“, deveti in dvajseti dan samo potice in štirideseti dan se naročuje maša in opravilo doma. K opravilu povabljeni zbirajo se najpred s svojimi svečami in kdor nima sveče, nese groš. Po mertvaškem opravilu pripravlja gospodinja obed, pri katerem se uže za gotovo pogostuje takrat duhovnik in vse duhovništvo. Spominjalni obed skerbé pripraviti kolikor mogoče obilnejši in boljši, da bi vsaki pričujoči, jedoč slastno resničnjše spomnil se rajnega. Žlahta je prepričana, da s tem pripravi odletevši duši na unem sveti mir in olajšanje. Po obedu so „otpevše čaše.“ To opravilo se godi pri kmetih takole: vzamejo verč piva, osladijo ga s sterdjo, in duhovnik, potem ko je pel s strežaji mnogo žalostno tolažnih cerkvenih pesmi, naliva oslajeno pivo v kozarec, sperva sam pije, potem pa podaja tudi vsim drugim. Vsaki v svojem redi vzame kozarec iz rok duhovnika, se pokriža in izpije na pokoj duše rajnega. Na tanko tako se opravljajo sedmine čez leto in tako se tudi „odpeva čaša“; kadar se slovo vzame, dajo duhovniku in

нику съ дьячками даютъ пирогъ и три или шесть блиновъ на каждого или всѣмъ вдругъ.

Во всѣ мною разказанные дни поминальные, оставшаяся послѣ умершаго мужа вдова или дочь, послѣ смерти матери или отца, отправляясь для совершенія поминокъ въ приходскую церковь, выходя изъ воротъ своего двора на улицу и проходя по деревнѣ по пути къ церкви, голосить и причитаетъ во все горло точно также, какъ и при выносѣ тѣла. Заслышавъ этотъ вопль, собравшіяся гдѣ-нибудь для работъ или по другому какому случаю бабы, переглядывая сначала между собою, на минуту примолкнуть, прислушаются къ голосу, и потомъ промолвятъ: „Это знать Матрена идетъ по матери сорочины справлять.“ Еще поминки по покойникамъ бываютъ въ родительскіе дни, а именно: на ѳоминой недѣлѣ во вторникъ, въ субботы передъ троицынымъ и дмитріевымъ днями и на пестрой недѣлѣ, что предъ масляницею, и въ субботы на 2-й, 3-й и 4-й недѣляхъ великаго поста. Тутъ всѣ желающіе поминать приходятъ въ церковь, и служатъ общую панихиду, платя всякой, сколько ему по силамъ, или кто что пожелаетъ, разумѣется, по малости, а для причта церковнаго отъ каждой поминающей семьи приносятъ по шести блиновъ и канунъ. Столики, передъ которыми совершаются панихиды въ церквахъ, а иногда за тѣснотою ихъ и приставленные къ нимъ лавки, въ родительскіе дни бываютъ совершенно заставлены канделярами, принесенными въ разныхъ горшочкахъ, стаканахъ, блюдичкахъ, чайныхъ чашкахъ и даже въ фарфоровыхъ чайникахъ съ отбитыми ручками и безъ горлышка, покрытыми и завязанными нерѣдко писанною или газетною бумагою, и съ прилѣпленными къ нимъ пятикопеечными или грошовыми зажженными свѣчками; а на паперти и въ углахъ церкви бываютъ кучами навалены узелки и узлы съ блинами и другимъ запасомъ.

По окончаніи панихиды, поминавшіе расходятся по кладбищу, растилаютъ на могилахъ скатерти, ставятъ на нихъ принесенные въ узлахъ и деревянныхъ блюдахъ пироги, блины, говядину, потчуютъ другъ друга, и сами поминаютъ. Междутѣмъ работникъ батюшкинъ обходитъ по кладбищу съ сѣвалкою, и всѣ поминающіе откладываютъ въ нее кое-что отъ своей печальной трапезы: куски пирога и говядины, — кто что принесетъ.

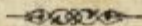
strežajem pogačo in tri ali šest potic za vsakega, ali vsim vkup.

Na vse od mene imenovane dni spominjalne, po smerti moža ostavša vdova, ali hči, po smerti matere ali očeta, spravlja se sedmine obhajati v farno cerkev, gredé iz svoje hiše na ulico in po vasi po poti k cerkvi glasuje in narekuje na vse gerlo na tanko tako kakor pri iznosi trupla. Zaslišavši žene to vpitje, zbrane kjerkoli si bodi pri deli ali po drugi kaki priliki, spogledovaje se z začetka med seboj, umolknejo minuto, poslušajo „glas“ in potem spregovorijo: Veš ti, Matrena gre po materi opravljati štiridesetdanska opravila. Sedmine po rajnih so tudi ob „dneh staršev“: in sicer v torek prvega tedna po veliki noči, v seboti pred dnevom svete trojice in sv. Dmitrija, in „pisani“ teden pred pustom in v sebotah drugega, tretjega in četrtega tedna velikega posta. Tu idejo v cerkev vsi želeči „spominjati“ in opravljajo splošno opravilo mertvaško in vsaki plača, kolikor premore, ali kar kdo hoče, to se ve, kaj malega in za cerkovno duhovstvo prinašajo od vsake „spominjajoče“ družine po šest potic in „kanun“. Stoliči, pred katerimi se opravljajo mertvaška opravila v cerkvah in včasih zavoljo tesnote tudi k njim pristavljene klopi so ob „dneh staršev“ popolnoma obloženi s „kanuni“, prinesenimi v raznih lončkih, steklenicah, skledicah, čajnih škodelicah in celo v porcelanastih čajnikih z odbitimi ročkami in brez gerlca, pokritimi in zvezanimi velikokrat s popisanim ali novinskim papirjem, s prilepljenimi k njim prižganimi svečicami po pet kopejk ali po groši; v lopi pak in v kotih cerkvenih so na kupe navaljeni zvezki in zvezi s poticami in drugim jedilom.

Po dokončanju mertvaškega opravila se spominovalci razidejo po pokopališči, razprostirajo po grobih perte, postavljajo na nje prinesene v zvezih in lesenih skledicah pogače, potice, govedino in goste jeden drugega in se tudi sami „spominjajo“. Med tem hlapec gospodov (fajmoštrov) hodi po pokopališču z žakljem in vsi spominovalci pokladajo vanj karbodi s svoje žalivne mize: kosčke pogače, govedine in kar je kdo prinesel.

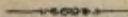
Сначала на могилу насыпять бугорокъ, обложить дерномъ, и поставятъ деревянный крестъ; но пройдетъ немного годовъ, бугорокъ опадеть и сравняется съ землею; крестъ распадется и ислѣбеть. Еще немного лѣтъ, и уже не знаютъ и мѣста, гдѣ лежитъ земледѣлецъ. Память о немъ мало помалу исчезнетъ въ преданіяхъ, и только до втораго чувленія народа имя его еще можно будетъ отыскать въ ревнскихъ сказкахъ.

И спитъ земледѣлецъ на Божіей нивѣ, какъ пшеничное зернышко во вспаханной бороздкѣ; и много разъ перепашутся его кости на тѣсномъ кладбищѣ, и много разъ прахъ его смѣшается съ прахѣмъ поколѣній грядущихъ, пока по гласу послѣдней трубы не возвратится онъ къ новой купленной земными лишеніями и трудами, лучшей жизни.

Od začetka nasipajo na grob hribček, obložijo ga z drenom in postavijo lesen križ; pa ne mine mnogo let, hribček upade in zravna se z zemljo, križ razpade in strohni. Še nekoliko let in uže ne vedó še za mesto, kjer leži kmet. Spomin o njem se malo po malo izgubi v pogovorih, in le do drugega popisovanja bode se moglo najti njegovo ime v popisnih listih.

In kmet spi na božji njivi, kakor pšenično zernce na izorani brazdici, in mnogokrat prekopljejo se njegove kosti na tesnem pokopališči in mnogokrat se meša prah njegov s prahom prihodnih rodov, dokler ne verne se na glas poslednje trobente k novemu s pozemeljskimi zgubami in trudi kupljenemu boljšemu življenju.

Trgovska pisma *).

Сынъ взятъ на себя торговья дѣла отца своего.

Господамъ

Н. Н. въ Н

Москва, 1-го Января 1866.

Симъ честь имѣю извѣститъ васъ о послѣдовавшемъ на-
стоящаго числа приѣмѣ торговыхъ дѣлъ отца моего, со всеми
имѣющимися въ наличности товарами, платежами и получе-
ніями, за свой счетъ, безъ всякой, однакоже, перемѣны
фирмы. Вы можете быть увѣрены, что я не упушу изъ
виду ни одного случая, чтобъ сдѣлаться достойнымъ пре-
емникомъ отца моего и сохранить моею фирмою то довѣріе, ко-
торымъ она до сего времени пользовалась.

Въ надеждѣ на неоставленіе меня вашими дальнѣйшими
приказаніями, я покорнѣйше прошу замѣтить мою подпись
и свидѣтельствую мѣжду тѣмъ

искреннее мое почтеніе

Иванъ Ситниковъ,

который подписывается:

Игнатій Ситниковъ.

Sin prevzame očetove kupčijske opravke.

Gospodom

V Moskvi, 1. jan. 1866.

S tem-le imam čast naznaniti Vam, da prevzamem od danes ku-
pčijske opravke svojega očeta z vsim gotovim blagom, z izplačili in dobički

*) Da bodo častiti bralci čitanke vedeli, kakšen je zdanji kupčijski
ruski zlog, pristavim tu nekoliko trgovskih pisem, kakršna so mi ravno
pri rokah bila. Jez teh pisem ne priporočam za posnemanje, ter mislim, da
vsaki, kdor logično pisati, tudi trgovsko pismo sestaviti zna. Ker je slo-
venska prestava v celi knjigi, kar le mogoče, natančna, bo pogršel mar-

na svoj račun, ali brez kake spremembe firme. Bodite prepričani, da ne bom zanemaril nobene prilike, skazati se vrednega naslednika svojega očeta in ohraniti svoji firmi tisto zaupanje, ktereга je uživala do zdaj.

Z nado, da me ne bote popustili tudi zanaprej s Svojimi naročili, Vas prav ponižno prosim zapamtiti si moj podpis, med tem pa ostanite uverjeni o mojem iskrenem spoštovanju.

Jvan Sitnikov,

kteri podpisuje se:

Ignacij Sitnikov.

Предложеніе товаровъ.

Господину

О. Татаринову въ Тифлисъ.

Москва, 5-го Іюня 1866.

Многіе изъ моихъ товарищей по торговлѣ извѣстили меня, что вамъ требуется большое количество сукна; а такъ какъ у меня всегда довольно этого товара, то я ласкаю себя надеждою удовлетворить ваше требованіе, къ совершенному вашему удовольствію, и принимаю смѣлость покорнѣйше предложить вамъ въ этомъ отношеніи услуги мои. Для меня было бы очень пріятно, еслибъ вы воспользовались моимъ предложеніемъ и почтили меня вашимъ порученіемъ. Въ доказательство моей готовности услухить вамъ я бы охотно вымѣнялъ сукно на ваши шелковые товары, еслибъ вамъ пріятно было это предложеніе и еслибъ вы поставили такія же сходныя цѣны, какъ и я съ своей стороны.

Я надѣюсь, что вы удостоите меня вашимъ отвѣтомъ и присоедините къ нему ваше порученіе, которое можетъ послужить поводомъ къ дальнѣйшимъ сношеніямъ съ вашимъ почтеннымъ домомъ.

Въ такомъ пріятномъ ожиданіи имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ.

Ф. Андреевъ.

sikteri gladkost jezika, ali namen te knjige ni pripuščal večje svobode v predstavljani. Ker se z mojo naméro ujema in bo morebiti marsikoga zanimalo, poznati bolj na tanko ruske denarje, mere in teže, sem tudi te na kratko sestavil, ter jih pridružil tem pismom; ravno tako tudi z dotično prestavo rusko take besede, ki se v trgovini pogosto rabijo. G. Blaž.

Понудба blaga.

Gospodu O. Tatarinovu v Tiflisu.

V Moskvi, 5. junija 1866.

Mnogi mojih kupčijskih tovaršev so mi naznanili, da Vam je obilo sukna treba; in ker imam jez vedno dosti tega blaga, imam upanje, da morem zadostiti Vašej potrebi, na popolno Vaše zadovoljstvo, in zato se drznem preponižno ponuditi Vam v tej zadevi postrežbo svojo. Bilo bi za me jako prijetno, ako bi Vi mojo ponudbo sprejeli in počastili me s Svojim naročevanjem. V dokaz svoje pripravljenosti ustreči Vam, bi jez prav rad zamenjeval sukno za Vaše svilnato blago, ako Vam je ta predlog prijeten, in ako Vi postavite tako prilične cene, kakor tudi jez s svoje strani.

Nadjam se, da bote počastili me s Svojim odgovorom in da mu pridružite svojo naročbo, ktera more biti začetek daljnjih razmer z Vašo spoštovano hišo.

V takem prijetnem pričakovanji imam čast biti s pravim spoštovanjem

F. Andrejev.

Отвѣтъ на предыдущее письмо.

Господину

Ф. Андрееву въ Москвѣ.

Тифлисъ, 10-го Юня 1866.

За предложеніе вашего сукна сдѣланное мнѣ въ вашемъ почтенномъ письмѣ 5-го числа настоящаго мѣсяца, приношу вамъ мою благодарность. Конечно, требованіе мое на обыкновенное сукно довольно значительно, и я очень былъ бы готовъ сдѣлать у васъ эту закупку, еслибъ мнѣ короче извѣстно было качество вашего сукна, тѣмъ болѣе, что вы желаете промѣнять его у меня на шелковые товары. Чтобъ привести въ исполненіе это дѣло, пришлите мнѣ скоро образцы вашихъ товаровъ и замѣтьте ваши цѣны. Если они, какъ я надѣюсь, соотвѣтствуютъ моей цѣли, то вы можете быть увѣрены, что я, для опыта, сообщу вамъ мое порученіе, за которымъ, въ случаѣ удовлетворительнаго успѣха, послѣдуютъ закупки болѣе значительныя.

Въ ожиданіи вашего извѣтія имѣю честь быть

съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью

O. Татариновъ.

Odgovor na prejšnje pismo.

Gospodu F. Andrejevu v Moskvi.

V Tiflisu, 20. junija 1866.

Za ponudbo Vašega sukna, storjeno v Vašem spoštovanem pismu 5. t. m., naznanjam Vam svojo hvaležnost. Res, moja potreba navadnega sukna je dosti velika, in jez bi bil prav pripravljen, pri Vas to kupčijo narediti, ako bi mi vrste Vašega sukna bolj na tanko znane bile, tim bolj, ker ga želite zamenjati za moje svilnato blago. Da se izpolni ta reč, pošljite mi kmalu izgledov (muštrov) Svojega blaga in naznanite svoje cene. Ako bodo, kar se nadjam, prilični za me, morete biti prepričani, da bom za poskušnjo kaj pri Vas naročil, in če bodem zadovoljen, da bodo sledile še večje naročila.

V pričakovanji Vašega odpisa imam čast biti
s pravim spoštovanjem in udanostjo

P. Tatarinov.

Порученіе на шелкъ.

Г-ну

В. Перову въ Одесѣ.

Москва, 1-го Мая 1866.

Господинъ Старовъ недавно показалъ мнѣ образчикъ шелку и сказалъ, что купилъ у васъ товаръ такого качества по руб. сер. за фунтъ. Признавая достоинство товара и находя цѣны очень умѣренными, я прошу васъ прислать мнѣ 200 фунт. шелку означеннаго качества. При семъ прилагаю образчикъ, по которому вы могли бы выбрать тотъ же самый разборъ.

Мнѣ бы желалось, чтобъ вы тотчасъ же, по полученіи моего письма, отправили товаръ.

Въ ожиданіи скорѣйшей отправки, имѣю честь быть
съ истиннымъ почтеніемъ

Петръ Перуновъ.

Naročba svile.

Gospodu V. Perovu v Odesi.

V Moskvi, 1. maja 1866.

Gospod Starov mi je pokazal ne davno izgledek svile in rekel, da je pri Vas kupil blago take vrste po rub. sreb. funt. Spoznavaje vrednost blaga in nahajaje cene vrlo zmerne, Vas prosim poslati mi 200 funtov

svile omenjene vrste. Tukaj prilagam izgled, po katerem morete izbrati ravno to bažo.

Želel bi, da bi precej takrat, ko dobite moje pismo, odpravili blago.

V pričakovanji naj hitrejšega odpravljenja imam čast biti
s pravim spoštovanjem

Peter Perunov.

Отвѣтъ на предыдущее письмо.

(Исполнение порученія).

Г-ну

Петру Перунову въ Москвѣ.

Одесса, 15-го Мая 1866.

Влагодаря васъ за ваше лестное порученіе, сообщенное мнѣ 1-го числа настоящаго мѣсяца, я посылаю вамъ приложенный при семъ счетъ на требуемый вамъ шелкъ, который завтра же отправляется къ вамъ съ извозчикомъ Н Н С ъ. По сему счету вы состоите мнѣ должны руб. сер.

Вы найдете товаръ совершенно сходный съ присланнымъ мнѣ образцемъ и, какъ надѣюсь я, докажете мнѣ ваше одобреніе повтореніемъ вашихъ порученій, исполненіе которыхъ я поставляю для себя первую обязанностью.

Имѣю честь быть

съ истиннымъ почтеніемъ

В. Перовъ.

Odgovor na prejšnje pismo.

Gospodu Petru Perunovu v Moskvi.

V Odesi, 15. maja 1866.

Zahvaljaje se Vam za Vašo prijazno naročbo 1. t. m. Vam pošiljam tukaj priloženi račun za potrebno Vam svilo, ktera jutri že odpravi se k Vam z voznikom Po tem računu ostanete mi dolžni rub. sreb.

Vi bote našli blago popolnoma enako poslanemu mi izgledu, in kakor se nadjam, mi bote odobrenje skazali s ponovljenjem Svojih naročeb, kterih izpolnjenje si stavljam za prvo dolžnost.

Imam čast biti

s pravim spoštovanjem

V. Perov.

Письма по поводу посылки наличныхъ денегъ.

Господину

Н. Опонину въ Тулѣ.

Москва, 5-го Октября 1866.

Отосланные ко мнѣ 1-го Августа товары я получилъ въ надлежащее время и поставилъ должный вамъ перечень въ приходъ. При семъ я имѣю честь переслать къ вамъ въ приложенной связкѣ руб. сер. съ просьбою покончить мой счетъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ

Всѣволодъ Лавровъ.

Pisma o priliki poslanja gotovih denarjev.

Gospodu N. Oponinu v Tuli.

V Moskvi, 5. oktobra 1866.

Odposlano mi 1. avgusta blago sem prejel o pravem času in zapisal dolžni Vam znesek na upanje. V tukaj priloženem zvezku imam čast poslati Vam rub. sreb. s prošnjo da poravnate moj račun.

S pravim spoštovanjem

Vsevolod Lavrov.

Г-ну

Всѣволоду Лаврову въ Москвѣ.

Тула, 8-го Октября 1866.

Ваше почтенное письмо 5-го числа настоящаго мѣсяца съ посылкою руб. сер. я получилъ, за что благодарю васъ и что я записалъ вамъ въ приходъ.

При семъ посылаю вамъ мой новыя цѣни товарамъ и прошу васъ не оставить меня вашими дальнѣйшими порученіями.

Съ истиннымъ почтеніемъ

Н. Опонинъ.

Gospodu Vsevolodu Lavrovu v Moskvi,

V Tuli, 8. oktobra 1866.

Vaše spoštovano pismo 5. t. m. s pošilko rub. sreb. sem prejel, za kar se Vam zahvaljujem in kar sem Vam na korist zapisal.

Ob enem pošiljam Vam svoje nove cene blaga, ter Vas prosim, da me ne zapustite z daljnjiimi naročili.

S pravim spoštovanjem

N. Oronin.

Господину во Вѣннѣ.

Харковъ, 5-го Сентября 1866.

Письмо ваше я имѣлъ честь получить, а вслѣдъ за тѣмъ и косу вашей фабрики посылаемую на образецъ. Очень сожалею объ одномъ, что я не имѣю сведеній, какъ они могутъ мнѣ стоить съ провозомъ на мѣсто, тѣмъ болѣе, что курсъ нашихъ денегъ понизился за границую.

Во всякомъ случаѣ я льщу себя надеждою, что вы по возможности постараетесь чтобы пересылка косъ обошлась по дешевле.

А потому я для опыта на этотъ разъ попрошу васъ прислать мнѣ 2000 косъ той самой величины съ мѣткой „звѣзды“, которую я отъ васъ получилъ.

Деньги я вамъ могу уплатить здѣсь во время ярмонки, кому прикажете; я думаю, что вамъ лучше всего сдѣлать разпоряженіе, чтобы я уплатилъ П . . . цу, человѣку, который извѣстный за границую.

Честь имѣю быть

вашимъ покорнѣйшимъ слугою

B. II.

Gospodu

V Harkovu, 5. sept. 1866.

Pismo Vaše sem imel čast prejeti, in po tem tudi koso iz Vaše fabrike, poslano za pogled. Ob enem pa prav obžalujem, da nimam naznanil, koliko bi me mogle stati z vožnjo na mesto, tim bolj, ker je cena naših denarjev za mejo ponižala se.

Vsakako imam upanje, da bote po mogočnosti potrudili se, da bo vožnja kos prišla nekoliko ceneje.

In tako Vas prosim, mi to pot za poskušnjo poslati 2000 kos ravno take velikosti z znamenjem, „zvezde“, kakor sem uno od Vas prejel.

Denarje za Vas morem izplačati tukaj ob sejmu, komur ukažete; menim, da je za Vas naj bolje to tako narediti, da plačam P . . . cu, človeku kateri je znan ptujem svetu.

Čast imam biti

Vaš ponižni sluga

V. P.

Престава нај наваднејшih бесед, ki се рабијо в трговини.

- Acceptant (eines Wechsels), приимателъ.
 Acceptation (eines Wechsels), приимтiе.
 Acceptiren (einen Wechsel), приимтi.
 A dato, теперъ; bis dato, до сихъ поръ.
 Adresse, надпись.
 Agio (Aufgeld), промѣна.
 Anweisung (Geldanweisung), назначенiе, видъ (для полученiя денегъ).
 Ausgabe (vom Gelde), расходъ.
 Brutto, товаръ вмѣстѣ съ укладкою.
 Capital, имущество, стяжанiе; Vermögen, имѣнiе; bewegliches —, дви-
 жимое —; unbewegliches —, недвижимое —.
 Cession, уступка.
 Commis, прикащикъ.
 Commission, порученiе.
 Contract, договоръ, условiе.
 Concurrent, соперникъ.
 Concurrenz, соперничество.
 Credit, довѣренность; der hypothekarische —, вещественная; Waagen
 auf — nehmen, брать товары въ долгъ.
 Creditiren einem, повѣрить кому въ долгъ; — einen für etwas, записатьъ
 что въ приходъ.
 Creditiv, вѣрящее письмо.
 Creditor, занмодавецъ; Borger, заемщикъ.
 Debitiren, записатьъ кого въ должникъ.
 Debitor, должникъ.
 Deficit, недостатокъ.
 Deponiren, вѣрить.
 Depositum, вѣренная вещь.
 Depot, залогъ.
 Disponiren, verfügen, располагать (чѣмъ).
 Disposition, распоряженiе.
 Einnahme (am Gelde), доходы, приходъ; — von Steuern сборъ.
 Fabrik, заводъ.
 Fabriziren, дѣлать, изготóвить, составитъ, производитъ.
 Frachtbrief, накладная, рѣспись клажи.
 Frachtgut, кладъ; Schiffsladung, грузъ.
 Fuhrmann, извощикъ.
 Garantie, поручительство.
 Garantiren, ручаться, поручитъся.
 Geld, деньги; baares — наличныя, чистыя деньги.
 Geldwechsler, мѣновщикъ (денегъ).
 Gewinn, прибытокъ, барышъ.
 Handel, торгъ, торговля; handeln, торговать; торговать виномъ, сук-
 номъ, mit Wein, Tuch handeln.
 Handelsbuch, торговая, сѣтная книга.
 Handelsgesellschaft, торговое общество, товарищество.

- Handelsgesellschafter, торго́вый това́рищъ.
 Handelshaus, купеческiй домъ.
 Handelsmann, купецъ, торго́вецъ.
 Hypothek, закладъ.
 Kontrakt, договоръ, усло́вiе.
 Liquid, ясный, доказанный.
 Liquidation, расчётъ.
 Liquidiren, расчѣтаться, окóнчить счѣтъ.
 Netto-Gewinn, чiстый приходъ, барышъ; Netto-Gewicht, чiстый вѣсъ
 (bei Buchhändlern, у книгопродавцевъ несбавляемый (о цѣнѣ)).
 Nominalwerth, номiнная оцѣнка.
 Obligation, обязанность, долговое обяза́тельство.
 Pari, равноцѣнность.
 Procura, полномо́чiе.
 Procuraführer, уполномо́ченный.
 Prolongation, отсрочка.
 Prolongiren, отсрочить, отсрочивать.
 Proposition, предложѣнiе.
 Protest, возраженiе, противорѣчiе.
 Protestiren, возражать, противорѣчить.
 Qualität, качество, состоянiе.
 Quantität, количество.
 Rechnung, Factura, счѣтъ.
 Rimesse, переводъ.
 Risico, отвѣта, опасность.
 Saldiren, счѣтъ кончить.
 Saldo, остальной платѣжъ, очистка.
 Sconto, сбавка.
 Sorte, разборъ, родъ.
 Sortiment, собранiе.
 Spediren, отправлять, отправить.
 Spedition, отправленiе.
 Summe, перечень.
 Tara, укладна, покладжа товаровъ.
 Termin, срокъ.
 Waare, товаръ.
 Waaren-Marke, мѣтка.
 Waaren-Muster, образецъ.
 Zoll, пошлина; Einfuhrzoll, привозное; Ausfuhrzoll, вывозное.
 Zollamt, таможня.
 Zollbar, пошлинный.
 Zolleinnehmer, пошлинникъ, сборникъ.
 Zollfrei, безпошлинный

Na Ruskem se rabijo sledeči denarji, mere in vage.

Denar (*деньги*), v katerem se rajta, so srebrni „rublji“. 1 srebrni rubelj (рубель серебра) ima 100 „korejk“. Pol srebrnega rublja se imenuje „poltinik“ (полтинникъ), polbakrenega rublja „poltina“ (полтина). V našem denarju znese 1 rubelj srebra fl. 1.62 (to je 1 fl. $61\frac{6}{7}$). 1 korejka (копейка) $1\frac{1}{2}$ ($1\frac{6}{10}$) krajcarja v srebru. 1 rubelj vaga $20_{,732}$ gramov; tadaj je $27_{,784}$ rubljev ℥ 1 čistega srebra.

Zlati denar (*золотая монета*) je „poloimperial“ (полуимперіалъ) po 5 rubljev zlata ali pa po 5 rubljev 15 korejk srebra. 1 poloimperial velja v našem denarju fl. 8.10 srebra. 1 poloimperial vaga $6_{,344}$ gramov; tadaj $83_{,381}$ poloimperialov ℥ 1 čistega zlata. Postavna vrednost zlata je na Ruskem 15 krat ($15_{,45}$) tolika, kakor srebra.

Dolgostna mera (*путевая мѣра*). Pot se meri na „verste“, tkano blago (тканіе) na „aršin“ (аршинъ). 1 versta (верста) ima 500 „saženj“ = 3500 ruskih (= 3374 dunajskih) čevljev. 1 saženj (сажень) ima 3 aršine = 7 čevljev, 1 aršin 16 „verškov“, 1 čovelj (футъ) 12 palcev (дюймовъ).

$7\frac{1}{9}$ verst	=	1 milja	dunajske mere,
1 saženj	=	6 čevljev 9 palcev	„ „
1 aršin	=	2 čevlja 3 palce	„ „
1 ruski čovelj	=	11 palcev $6\frac{3}{4}$ linij	„ „

Zemlja ali polje se meri na „desetine“, kar se межеваніе полей ali землемѣріе imenuje. 1 desetina (десятина) ima postavno 2400 štir: saženj = 117,600 štir: čevljev ruskih. 1 desetina je 2 naša orala (avstrijski oral ima 57,600, ruska desetina pa 109,350 štir: čevljev dunajske mere). Desetina pri grajščinah po gubernijah ima 3200 štir. saženj.

Zitna mera (*хлѣбная мѣра*). Žito se na Ruskem prodaja na „čertverti“ in cena se vedno o čertverti razumeva. 1 čertvert (чѣтверть) ima dve osmine, 4 pajoke, 8 čertverikov. 1 čertvert je $3\frac{3}{8}$ vagana dunajske mere.

Mera mokrih reči (мѣра жидкихъ товаровъ). Mokre reči se merijo na vedro. 1 vedro (ведро) ima 4 četverti, 8 osmušek, 10 kružek. 40 veder je 1 „bočka“ (бочка). 1 rusko vedro je 8 bokalov $3(2^{49}/_{64})$ maselece dunajske mere.

Kurčijska vaga (купеческiй вѣсъ) je „pud“ (пудъ). 1 pud ima ℥ 40 ruskih po 96 zlatnik. 10 pudov je 1 mornarski funt ali „berkovec“ (берковецъ). 1 pud je $29\frac{1}{3}$ ℥ dunajskih. ℥ 100 ruskih je ℥ 73 dunajskih. 1 zlatnik (золотникъ) je $\frac{1}{3}$ lota.

